
Федеральное агентство по образованию

Научный журнал
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (106). Февраль, 2010

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор

А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

Н. В. Доршакова, доктор медицинских наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук,
ответственный секретарь журнала

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.

Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 272.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ доктор биологических наук, профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН доктор технических наук, профессор (г. Йюенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ доктор физико-математических наук, профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ доктор филологических наук, профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ доктор биологических наук, профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА доктор философии, профессор (г. Оулу, Финляндия)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ доктор технических наук, профессор, академик РАН (Апатиты)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА доктор политических наук, профессор (Москва)
И. И. МУЛЛОНЕН доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Ф. ТИТОВ доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. П. ОРФИНСКИЙ доктор архитектуры, профессор, действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ ведущий профессор Сербской Академии наук и искусств (г. Белград, Сербия)
	Р. М. ЮСУПОВ доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. Б. АКУЛОВ доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ доктор филологических наук, ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
В. А. АЧКАСОВ доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	В. С. МАКСИМОВА доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН кандидат исторических наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ кандидат исторических наук (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ кандидат философских наук (Петрозаводск)	В. М. ПИВОЕВ доктор философских наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ доктор философии, профессор (г. Хельсинки, Финляндия)	З. К. ТАРЛАНОВ доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ доктор юридических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА доктор исторических наук (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Federal Educational Agency

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 1 (106). February, 2010

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Natalia V. Dorshakova, Doctor of Medical Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,

The RAS Corresponding Member

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences,

Executive Secretary

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.

The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN Doctor of Technical Sciences, Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY Doctor of Physical-Mathematical Sciences, Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA Doctor of Philosophy, Professor (Oulu, Finland)
N. MEL'NIKOV Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS Member (Apatiti)	L. TIMOFEEVA Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
I. MULLONEN Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. TITOV Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
V. ORPHINSKY Doctor of Architecture, Professor, Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	M. CHARKICH the Leading Professor of Serbian Academy of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
	R. YUSUPOV Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series «Social Sciences & Humanities»

V. AKULOV Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKII Doctor of Philological Sciences, Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
V. ACHKASOV Doctor of Political Sciences, Professor (St. Petersburg)	T. MAL'CHUKOVA Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	V. MAXIMOVA Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)	A. PASHKOV Candidate of Historical Sciences (Petrozavodsk)
A. VOLKOV Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	V. PIVOEV Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYÜNTAL Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Helsinki, Finland)	Z. TARLANOV Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Ефимова В. В.

- Роль генерал-губернатора архангельского, вологодского и олонекского в разрешении конфликта между олонекской губернской администрацией и петрозаводским городским общественным управлением (20-е годы XIX века) 7

ИСТОРИЯ

Жульников А. М.

- Новые петроглифы Онежского озера 21

Ходаковская О. И.

- В. А. Некрасов и его воспоминания об Олонекской духовной семинарии 27

К 70-летию окончания Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов

Веригин С. Г.

- Финские военнопленные на территории Северо-Запада России в период Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов 39

Лайдинен Э. П.

- Советско-финляндская война и оперативная деятельность Управления пограничных войск НКВД Карельского округа 47

ФИЛОЛОГИЯ

Сузи В. Н.

- К «духовной проблеме» Гоголя 52

Алексеева Л. В.

- Источники повести П. И. Мельникова-Печерского «Гриша» 60

ФИЛОСОФИЯ

Пивоев В. М.

- Истинность и достоверность 65

Сергеев А. М.

- Концепция культуры М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского 71

ЭКОНОМИКА

Белый Е. К.

- Моральное ожидание и задача диверсификации портфеля ценных бумаг 77

Прохорова О. Н.

- Фактор инновационной активности предприятий в посткризисной модели российской экономики 81

РЕЦЕНЗИИ

Криничная Н. А.

- Рец. на кн.:* Хрестоматия по русскому фольклору Карелии «На поле-поляне, на море-океане» 88

Линник Ю. В.

- Рец. на кн.:* Ершов В. П. Старообрядческая икона-примитив XVIII века «Архангел Михаил – воевода» 92

ДИСКУССИИ

Бутвило А. И.

- О бесспорных и спорных достижениях историков карельских спецслужб 94

Голубев А. В.

- Иностранные языки в вузе: учить или воспитывать? 100

Научная информация

- Научные чтения «КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ: ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК». Тезисы докладов. 102

Пигин А. В. «С. М. Лойтер – исследователь культуры Карелии»; *Лойтер С. М.* «Фольклорное краеведение Карелии в контексте истории русской фольклористики»; *Неёлов Е. М.* «Об одной из идей С. М. Лойтер: игра в страну-мечту и фэнтези»; *Муллонен И. И., Кузнецова В. П.* «Язык и культура Поморья в “Словаре живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении” И. М. Дурова»; *Пигин А. В.* «Коллекция рукописных книг Карельского государственного краеведческого музея»; *Спиридонова И. А.* «Карельские мотивы в творчестве А. Платонова»; *Чернышев В. В.* «Что тяжелее горы? (Парадигматический подход в фольклорно-лингвистическом изучении загадки)»; *Баранова И. Н.* «Фольклор в творчестве композиторов Карелии»; *Валентик А. И.* «Антология поэзии Карелии “Дерево песен”»

Юбилей

- К 70-летию со дня рождения Т. Г. Мальчуковой 110

Информация для авторов 112

Contents 113

Учредитель: ГОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Дизайн, верстка И. Г. Лежнев.

Подписано в печать 16.02.2010. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 100 экз.) Изд. № 41.

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права юридического факультета ПетрГУ
butvilo@rambler.ru

**РОЛЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА АРХАНГЕЛЬСКОГО, ВОЛОГОДСКОГО И ОЛОНЕЦКОГО
В РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ
И ПЕТРОЗАВОДСКИМ ГОРОДСКИМ ОБЩЕСТВЕННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ
(20-е годы XIX века)**

В статье на конкретном примере – уголовном деле петрозаводского городского головы Северикова и гласных – показаны причины, механизм и последствия конфликта, возникшего между олонейской губернской администрацией и петрозаводским городским общественным управлением по поводу расходования городских средств, а также та роль, которую сыграл в его разрешении генерал-губернатор архангельский, вологодский и олонейский.

Ключевые слова: конфликт, генерал-губернатор архангельский, вологодский и олонейский, олонейская губернская администрация, петрозаводское городское общественное управление

В связи с частичным восстановлением в начале XIX века в Российской империи института генерал-губернатора система местных органов управления еще более усложнилась, учитывая появление отраслевых министерств. Екатерининские «Учреждения для управления губерний» 1775 года так определяли круг его административных полномочий: быть «оберегателем императорского величества изданного узаконения», «ходатаем за пользу общую и государеву» по делам вверенной ему в управление округа, «заступником утесненных», «вступаться за всякого, кого по делам волочат, и принуждать судебные места своего наместничества решить такое дело, но отнюдь не вмешиваться в производство оно; ибо он есть яко хозяин своей губернии, а не судья», останавливать исполнение несправедливых судебных решений и доносить о том Сенату (ст. 82, 85, 86, 91)¹. Таким образом,

полномочия генерал-губернатора заключали в себе одновременно элементы управления, надзора за законностью действий всех уровней местного управления и защиты «утесненных». Представляется, что такое смешение разнородных по своей природе функций в одной должности делало генерал-губернатора заложником закона, так как при неукоснительном его исполнении он неизбежно был обречен на конфликты с губернскими администрациями вверенного ему в управление региона.

В данной статье рассматривается «дело городского головы Северикова и гласных» как яркий пример вмешательства генерал-губернатора архангельского, вологодского и олонейского А. Ф. Клокачева в конфликт, вспыхнувший между олонейской губернской администрацией и петрозаводским городским общественным управлением, и произошедшие из этого последствия.

Когда в июне 1820 года вновь назначенный генерал-губернатор архангельский, вологодский и олонецкий А. Ф. Клокачев впервые посетил Петрозаводск, на него обрушился поток жалоб от купцов и мещан на неуплату им Петрозаводской городской думой прежних долгов². Генерал-губернатор приказал все прошения немедленно удовлетворить, поэтому гласные Думы были вынуждены приступить к погашению этих долгов³. Однако положение с долгами и на конец 1820 года было удручающим: их общая сумма составляла 34619 руб., среди них накопилось с 1803 по 1817 год 9486 руб., с 1817 по 26 февраля 1820 года – 16925 руб. (при городском голове С. Т. Жданове), в 1820 году – 8206 руб. (при городском голове М. И. Пухкоеве)⁴.

Откуда же у города могли появиться такие долги? Во многом они были запрограммированы самим законодателем. Так, например, при Александре I правительство обязало с 1808 года лечить в устроенных на средства городов госпиталей или больницах военнослужащих (если таковые не были устроены там от Военного ведомства), а в 1815 году – выделять квартиры под постой не только нижним воинским чинам, но и изувеченным на последней войне штаб- и обер-офицерам до определения их на службу⁵. Выполнение этих распоряжений заставило петрозаводское городское самоуправление накопить свои самые крупные долги. Во-первых, город не получил от государства 17104 руб., положенные ему за содержание военнослужащих в своей больнице в 1811–1816 годах. Во-вторых, из-за ветхости больницы город был вынужден искать для нее новое помещение, в связи с чем в 1819 году олонецкий губернатор В. Ф. Мертенс предложил бывшему тогда городским головой купцу Пухкоеву приобрести дом у купца Истомина, который он продавал за 3 тыс. руб. Пухкоев при заключении договора с Истоминным сумел понизить стоимость покупки до 2 тыс. руб. и уплатил задаток в размере 166 руб., а остальную сумму обязался внести в мае 1820 года, но не сделал этого, хотя и имел такую возможность⁶. Законный представитель Истомина горный офицер Бутенев 19 декабря 1820 года обратился к генерал-губернатору Клокачеву с жалобой на Думу о неисполнении обязательства. Последний предписал Думе удовлетворить и это требование⁷.

Не лучше обстояло дело с военным постоем. Еще в 1818 году городской голова Жданов жаловался олонецкому губернатору В. Ф. Мертенсу об «ощутительной тягости в несении квартирной повинности, воинскими чинами внутренней стражи тамошнего Батальона занимаемых»⁸. Олонецкая губернская администрация эту проблему понимала, но собственными средствами разрешить не могла. 26 апреля 1820 года Мертенс представил генерал-губернатору Клокачеву доклад о необходимости «облегчения петрозаводским гражданам в содержании воинского поста»⁹. Клокачев во время своего личного пребы-

вания в Петрозаводске 17 июня 1820 года предложил губернатору подумать на заседании Комитета о земских повинностях, о возможности выстроить в городе за счет сбора со всех жителей губернии казармы для губернского гарнизонного батальона (по примеру Архангельска). 24 декабря он одобрил предложение Олонецкого губернского правления о возложении постоянной повинности, помимо городских обывателей (по справке правления, они имели в городе всего 300 домов и поэтому на каждый дом приходилось от 2 до 9 человек гарнизона!), на живущих в особой части города – Голиках – заводских мастеровых и вышел с соответствующим представлением в правительство⁹.

Другим, не менее тяжким расходом для Петрозаводска была полицейская повинность, которая еще в 1797–1798 годах была возложена Павлом I на плечи городских обществ¹⁰. Генерал-губернатор Клокачев удостоверился в этом, когда получил в конце 1820 года от Олонецкого губернского правления общие сведения о состоянии полиции и пожарной части в городах Олонецкой губернии. Помимо этого Клокачев усмотрел, что губернская администрация даже не приступала к каким-либо распоряжениям по сделанному министром внутренних дел еще 28 марта 1818 года предложению о составлении в каждом городе «нового Положения о полиции и способах умножения городских доходов». В силу этого 30 декабря 1820 года он предписал губернатору Мертенсу «приступить немедленно» к его исполнению, но прежде представления этого положения министру – «сообщить ему»¹¹.

В конце декабря 1820 года в Петрозаводске состоялись выборы на городские должности на очередное 3-летие (1821–1823 гг.), в том числе была переизбрана и Дума, которая стала состоять из гласных Г. Амозова, Ф. Мартынова, Т. Иванова и городского головы купца С. Северикова, который и был утвержден 20 декабря генерал-губернатором в этой должности как старший кандидат после отказа по болезни купца Костина¹². В тот же день состоялось еще одно собрание городского общества, которое было посвящено разрешению ситуации с долгами (в том числе купцу Истомину). В результате было принято решение: «...заведенное дело об учетах (с городским головой Ждановым и служившими вместе с ним гласными. – В. Е.) оставить без всякого на то отыскания» и просить генерал-губернатора это дело «остановить». Генерал-губернатор препроводил приговор Олонецкому губернскому правлению с предписанием «рассмотреть и поступить по законам». Последнее на своем заседании 29 декабря утвердило приговор, но, представляя его генерал-губернатору, обратило его внимание на произошедший раскол внутри городского общества по поводу того, на кого должна падать ответственность по уплате долгов, так как приговор подписали только 67 человек (в начале 1820-х годов петрозаводское городское собрание состояло

примерно из 80 человек). В своем ответе в начале января 1821 года А. Ф. Клокачев предложил прекратить «несогласие» в обществе¹³.

Для исполнения данных в 1820 году генерал-губернатором А. Ф. Клокачевым в отношении города предписаний олонекская губернская администрация и петрозаводское городское самоуправление приняли следующие меры. В октябре 1820 года Комитетом о земских повинностях был представлен генерал-губернатору проект Положения о земских повинностях по Олонекской губернии на новое 3-летие (1821–1823 гг.), включавший в себя и сбор на строительство казарм в Петрозаводске. Положение было передано им министру финансов и утверждено императором 5 мая 1821 года¹⁴.

В мае – июне 1821 года Петрозаводская дума представила прямо генерал-губернатору рапорты, в которых предлагала в целях «улучшения» городских доходов: 1) ввести в пользу городской казны сбор за камень с Александровского завода, 2) перенести Шунгскую ярмарку в Петрозаводск, 3) включить разночинцев, имеющих дома в Петрозаводске, наравне с гражданами в осуществление полицейской повинности, 4) возбудить ходатайство о возврате городу неполученных в 1811–1816 годах за лечение нижних воинских чинов в городском лазарете 17140 руб.¹⁵ Все эти представления Думы генерал-губернатор предложил рассмотреть Олонекскому губернскому правлению на предмет законности и целесообразности. В результате представленных от него сведений А. Ф. Клокачев: 1) отказался войти в правительство с новым представлением о переносе ярмарки, так как еще в 1818 и 1819 годах городской голова Жданов уже обращался с подобными ходатайствами в правительство, которое их отклонило¹⁶; 2) предложил правлению войти в переписку с надлежащей правительственной инстанцией о возврате городу 17140 руб.; 3) внес министру внутренних дел ходатайство о разрешении взимать в пользу городской казны сбор за камень¹⁷.

30 августа 1821 года губернатор Мертенс представил генерал-губернатору составленное 31 июля совместно с городским головой С. Севериковым и депутатами от города «Положение об устройстве полиции в г. Петрозаводске». Из приложенных к Положению ведомостей о городских доходах и расходах было видно, что все собственные доходы г. Петрозаводска в 1821 году составляли 7528 руб. и формировались за счет отдачи в аренду городских выгонных земель, общественных амбаров, пристани, важни и лавок. Однако все эти деньги, как указывали депутаты, тратятся на починку общественных зданий и другие расходы, обозначенные в ст. 152 Городового положения¹⁸. В свою очередь, все расходы Думы составляли 27850 руб. (в том числе только воинская повинность составляла около 20 тыс. руб.). Дефицит покрывался добровольными складками, допускаемыми на осно-

вании ст. 42 Городового положения. В силу этого депутаты справедливо полагали, что из-за крайней бедности жителей нет реальных возможностей увеличить доходную часть городского бюджета, а значит, и улучшить устройство полиции (прежде всего обсуждалась возможность открытия в Петрозаводске 2-й полицейской части). Все доходы, получаемые от постоя, объясняли депутаты, шли на содержание батальонных помещений и городского лазарета. Нельзя было увеличить и доходность городских земель «из-за несогласия желающих брать их в аренду по контрактам с залогами за неимением что заложить по собственной несостоятельности». Вопрос же о возможности взимать в пользу города сбор за камень с Александровского завода находился на разрешении Сената, а «с обывателей его ожидать не приходилось», они в таком случае, как считали депутаты, просто откажутся брать камень под фундамент для своих домов. И все же в заключение, несмотря на недостаток доходов, депутатами было предложено, «но не для устройства полиции, а для улучшения пожарной части», ввести поземельный и трубочистный сбор, а саму полицию оставить «как прежде». Вторую полицейскую часть не представлялось целесообразным иметь еще и потому, что за порядок в той части города, где жили заводские служители и рабочие, отвечала особая горная полиция.

Впрочем, 30 сентября 1821 года Клокачев вернул это Положение обратно, предложив только что назначенному на должность олонекского губернатора А. И. Рыхлевскому «войти в новое соображение». Однако и он вслед за прежним губернатором Мертенсом, обдумав 14 апреля 1822 года ситуацию с тем же составом городских представителей, писал 17 апреля генерал-губернатору, что не нашел «никакой возможности... и других средств к улучшению, кроме казенных». Новым в данном Положении было только то, что предлагались дополнительные расходы по полицейской части, а именно: устройство нового дома для помещения в нем полиции и пожарных инструментов, а также замена исполняющих в порядке личной повинности граждан должностей частного пристава, 3 квартальных надзирателей и десятских военнослужащими внутренней стражи. Необходимость такой замены объяснялась так: граждане уклоняются от служения на этих должностях, предпочитая нанимать вместо себя других лиц, как правило, из бедных, «не совсем надежного поведения... и даже с телесными недостатками». 26 апреля 1822 года А. Ф. Клокачев передал это Положение на усмотрение министра внутренних дел¹⁹.

Из всех возбужденных перед правительством ходатайств, направленных на улучшение финансового положения города, было быстро удовлетворено (помимо упомянутого выше сбора со всех жителей Олонекской губернии с 1821 года на строительство казарм в Петрозаводске) в декабре 1821 года министром внутренних дел

лишь представление А. Ф. Клокачева о привлечении заводской части города к участию в несении постоянной повинности²⁰.

Но пока все остальные ходатайства ждали своего разрешения в высших инстанциях (см. примеч. 14 и 17), у нового губернатора А. И. Рыхлевского и городского головы С. П. Северикова разладились отношения. По-видимому, не последнюю роль в этом сыграл, как будет показано ниже, весьма независимый характер Северикова — одного из самых состоятельных на тот момент в Петрозаводске купца. Не вызывало доверия у губернатора и то, что городской голова был из семьи староверов²¹. С другой стороны, и сам губернатор Рыхлевский, судя по стилю его управления, был достаточно жестким и бескомпромиссным человеком, принявшимся в целях наведения порядка весьма активно штрафовать и отстранять от службы нерадивых чиновников (см. об этом подробнее: [3; 315]). Конфликт был также осложнен расколом внутри городского общества по поводу того, на кого из его членов должна быть возложена уплата прежних долгов, а также действиями губернского чиновничества, явно не упускавшего любую возможность навредить столь ретивому губернатору²².

История конфликта, по мнению олонецкой губернской администрации, сводилась к следующему. Петрозаводская дума в конце 1821 года представила на утверждение губернатору Рыхлевскому общественный приговор о предстоящих расходах на 1822 год и ведомость об издержках за 1821 год. Губернатор, усмотрев из них, что в числе прочих статей Думою предложено на погашение прежних долгов 2 тыс. руб. и что в 1821 году в счет погашения этих же долгов Думою самовольно, без согласия общества и утверждения губернатора Мертенса, было уплачено сверх 5000 руб. еще 5514, в то время как остались неудовлетворенными разные статьи на сумму 11520 руб., 14 февраля 1822 года потребовал от Думы предоставить ему сведения о долгах. Дума, указывая в ответ, что на данный момент в счет всех накопленных к 1821 году долгов в размере 34609 руб. уже уплачено 22255 руб. и осталось к 1822 году уплатить еще 12363 руб., писала, что платеж прежних долгов производится по приговору 20 декабря 1820 года, утвержденному Олонецким губернским правлением. Губернатор, «сообразив» это донесение с хранившимся в правлении «делом о долгах Петрозаводской думы» и указами Сената от 14 июня 1816 года, 21 сентября 1817 года и 12 октября 1821 года²³ и находя со своей стороны, что старые долги обязаны заплатить или члены Думы, которые незаконно их сделали, или те граждане, которые согласились 20 декабря 1820 года прекратить расчеты с городским головою Ждановым и гласными, 28 февраля 1822 года указал Думе, что не может утвердить предполагаемые на 1822 год к уплате долги 2 тыс. руб. Он объяснял это так: «...ибо за вышеобозначенными уза-

конениями градское общество не обязано платить, но, желая удержать на будущее время Думу от подобных самовольных расходов общественных денег, чрез что убыток обществу более 30 тысяч рублей», и предписал, чтобы «предположенные примерно» в размере 4182 руб. расходы (в основном это были расходы, предназначенные на ремонт городских общественных зданий), «расходовались не иначе, как по предварительному согласию губернатора». Однако о данном распоряжении губернатора правление представило генерал-губернатору лишь 24 апреля²⁴.

16 мая 1822 года по требованию Олонецкого губернского правления Петрозаводская дума собрала собрание городского общества, которое приняло приговор, угодный администрации, то есть о принятии долгов всем обществом на себя, но подписали его опять же не все члены общества. Приехав в июне 1822 года в Петрозаводск, генерал-губернатор А. Ф. Клокачев вновь оказался в эпицентре конфликта: 16 июня ему были поданы жалобы от двух мещан о неуплате им Думою прежних долгов и рапорт самой Думы. В нем Дума, представляя приговор от 16 мая 1822 года, писала, что считает его сделанным под давлением начальства и несогласным с решением общества от 20 декабря 1820 года. Генерал-губернатор, сопоставив меморию правления от 24 апреля с данным рапортом Думы, 17 июня предложил правлению следующее: так как оно уже утвердило постановление Думы от 20 декабря 1820 года, то по силе ст. 130 «Учреждения для губерний» его отменить уже не может, и поэтому положенные обществом 2 тыс. руб. на уплату в 1822 году прежних долгов «не должны уже быть изъяты из градских расходов», но собирать их следует только с тех граждан, которые подписали приговор в конце 1820 года. Дума, по-видимому, ободренная таким предписанием генерал-губернатора, 21 июня представила ему еще один рапорт, в котором просила утвердить приговор общества о расходах на 1822 год. В своем предложении от 24 июня генерал-губернатор предложил губернатору «уважить» этот рапорт Думы²⁵.

Несомненно, что такие действия Думы — в обход губернской администрации — только усугубили конфликт между ними. Однако выступить открыто против генерал-губернатора во время его нахождения в городе губернское начальство не посмело. Лишь после его отъезда оно предприняло известный в административной практике ход: попыталось привлечь членов строппивой Думы к уголовной ответственности. Так, уже 4 сентября 1822 года Олонецкое губернское правление представило к генерал-губернатору меморию, в которой просило разрешить предать суду петрозаводского голову Северикова за то, что он, воспользовавшись своим служебным положением, получил место под строительство лесопильной мельницы с плотиною на р. Лососинке ниже Александровского завода за плату 50 руб. в год. В обоснование своего решения правление привело следующие

аргументы: 1) в 1795 году два петрозаводских купца уже просили дать позволение выстроить на том же месте пильную мельницу, но Берг-коллегия предписала горной экспедиции Олонецкой казенной палаты место это купцам не отводить и, более того, донести, «кому еще из партикулярных людей отданы казенные земли»; 2) Дума не имела права отдавать это место без ограничения срока договора, как это предписывается законом; 3) такая отдача обнаруживает «совершеннейшее корыстолюбие Северикова», так как «был он в этом деле не простым лицом, а городским головою» (прошение же он подписал, подчеркивало правление, как простой купец) и должен был, «как пекущийся о пользе городских доходов, объявить торги, и тогда сумма, вероятно, за аренду была бы больше», нежели 50 руб. в год. В результате правление отменило решение о выделении Северикову участка «яко совершенно несообразное с надлежащим порядком по существующим узаконениям», а его поступок предположило предать суждению уголовной палаты. Однако генерал-губернатор в своем ответе правлению от 14 сентября, признавая факт неправомерных действий Думы в части непроведения торгов на место, отмечал, что «сие Градскою Думой, а не одним городским головою упущено и как из сего не произошло еще никакого ущерба, а тем паче вреда», поэтому он не находит нужным предавать Думу суду, но следует «подтвердить» ей, «дабы она впредь сама собою никаких мест... не отводила». Правление вынуждено было исполнить это распоряжение²⁶.

Но с этого момента для Северикова наступили тяжелые дни. Олонецкое губернское правление отказало ему в выдаче паспорта для отлучки на Шунгскую ярмарку, ссылаясь на то, что он состоит под следствием по делу о неправильно взысканных с мещанина Федорова деньгах, а согласно распоряжению самого генерал-губернатора А. Ф. Клокачева от 7 декабря 1820 года, запрещалось выдавать паспорта тем, кто находится под следствием или судом. Севериков обжаловал это решение правления генерал-губернатору, прося разрешить ему отлучку из города по торговым делам. 21 сентября 1822 года А. Ф. Клокачев предложил правлению дать Северикову такой отпуск, «чтоб не расстроились его дела», несмотря на его причастность к «делу Федорова». Однако правление не спешило исполнять это предложение, настаивая в рапорте А. Ф. Клокачева на своей правоте. Поэтому 12 октября генерал-губернатор был вынужден еще раз предписать правлению «не останавливаться» с приведением в исполнение его предложения от 14 сентября. Но и после этого паспорт Северикову не был выдан, так как против него были выдвинуты новые обвинения.

29 сентября 1822 года Олонецкое губернское правление представило А. Ф. Клокачеву свои рассуждения на его предложение от 17 июня этого же года. В частности, в них указывалось, что, рассмотрев постановление Думы от 20 декабря 1820 года, правление нашло, что этот при-

говор «состоит только в том, что заведенное дело о возникших неудовольствиях по учетам бывшего городского головы Жданова и гласных Думы оставлен обществом без всякого на то отыскания, что и утвердило правление, но чтобы платеж долгов прежними присутствующими сделанный принят был бы обществом на себя, о том в приговоре нет». Далее правление вновь акцентировало внимание на том, что данный приговор подписали только 67 человек и среди них были даже те, кто допустил эти долги, то есть городской голова Жданов и служившие вместе с ним гласные, а это противоречит манифесту от 21 апреля 1787 года (нельзя быть судьей в своем деле), и что Дума не имела права допускать по силе ст. 170 Городового положения. В заключение правление обращало внимание генерал-губернатора еще на одно обстоятельство – Дума сделала ему ложное донесение, указав в нем, что якобы приговор от 20 декабря 1820 года принят целым обществом. Однако в своем ответе от 13 октября 1822 года генерал-губернатор распорядился, чтобы правление предложило Петрозаводской думе при производстве на следующее 3-летие городских общественных выборов сделать новое положение относительно учета прежних долгов, допустив присутствие при этом даже бывших городских голов Жданова и Пухкоева и служивших вместе с ними гласных, и затем представить это положение в правление, которое со своим мнением передаст его к нему²⁷.

Тогда 26 октября 1822 года Олонецкое губернское правление представило А. Ф. Клокачеву сразу 3 представления о привлечении членов Петрозаводской думы во главе с Севериковым к суду: в первом – за то, что они употребили в этом году на починку общественных зданий до 600 руб., не испросив на это особого разрешения у губернатора; во втором – за якобы противозаконное назначение в должность десятских купеческого сына Киннаева и заводского мастерового Дубинкина, а также за ложный ответ Думы на запрос правления о том, что это назначение произошло по приговору градского общества, которого на самом деле, как выяснилось в ходе специально проведенного правлением исследования, не было; в третьем – за якобы излишне взысканные с мещанина Федорова недоимочные деньги. Во всех трех случаях генерал-губернатор в своих предложениях от 10 ноября 1822 года отказался сделать это. По первому делу он считал, что «в употреблении столь малозначительной суммы на поправку общественных зданий... никакого злоупотребления не было» и что, согласно ст. 152 и 167 Городового положения, Дума может делать такие издержки, и впоследствии, если общество усмотрит, что «деньги эти были израсходованы не по назначению, то и само... может сделать положение о взыскании с членов денег». По второму делу А. Ф. Клокачев писал, что Дума имеет право на основании ст. 10 Городового положения и указа Сената от 14 мая 1799 года привлекать к служ-

бе десятскими указанных лиц. Однако во избежание повторов таких случаев Клокачев предложил на будущее время делать в конце каждого года в особом комитете, состоящем из городничего, городского головы и депутатов от дворян, чиновников и разночинцев, имеющих свои дома в городе, «общее положение о полицейских повинностях, как денежных, так и натурою», и вносить его на утверждение к нему. Сверх того он предписал правлению спросить у обывателей, «не согласятся ли они, как в Архангельске и Вологде, вместо ныне назначаемых десятских натурою, положить на содержание оных необходимую по раскладке сумму, тогда бы можно было употреблять от внутренней стражи инвалидов для отправления в десятские». Тот факт, что Дума отказалась выполнить распоряжение правления от 7 ноября об освобождении Киннаева и Дубинкина от повинности, сославшись на то, что сделано это приговором самого градского общества, Клокачев проигнорировал, указав правлению, что оно только утруждает его «излишнею перепискою». По третьему же делу – «о излишне взысканных с мещанина Федорова недоимочных денег» – Клокачев отвечал, что, получив от Думы справку по этому делу и сопоставив ее с представленными ему от губернского правления в ходе произведенного им следствия доказательствами вины членов Думы, считает их «не ясными», к тому же взыскание проходило еще при городском голове Жданове. В конце своего предложения он ставил особо на вид правления, что «генерал-губернатор не судья, но оберегатель законов... и защитник утесненных и долженствует вступаться за всякого, кого по делам волочат», и поэтому вновь предписывал ему «не удерживать более Северикова под предлогом других дел» и выдать ему паспорт²⁸.

Все эти предписания генерал-губернатора правление вынуждено было исполнить (в том числе выдать паспорт), но при этом оспорило некоторые из них в Сенате или министру внутренних дел. В частности, это был предложенный А. Ф. Клокачевым способ разрешить дело о прекращении счетов с городским головою Ждановым и гласными, а также приказание «о принуждении Киннаева и Дубинкина к исправлению должности десятского». Обратим внимание, что первое из них было оспорено на основании весьма редко применяемой на практике ст. 103 «Учреждений о губерниях»²⁹, а второе – по совокупности оснований. Из конкретного случая, почему именно этих лиц нельзя привлекать к должности десятского³⁰, правление выводило общие причины своего обращения в высшие инстанции, а именно: чтобы избежать впоследствии «могущих возникнуть в подобных случаях жалоб» в отсутствие «на сию ситуацию никакого ясного закона, коим бы велено было подобного рода людей принуждать к отправлению наймом» этой повинности, а также «чтоб на будущее время не могло правление попасть от высшего начальства в неудовольствие и ответственность»³¹.

18 ноября 1822 года губернатор Рыхлевский предписал петрозаводскому обществу сделать новое положение об уплате прежних долгов, так как не мог утвердить приговор от 16 мая 1822 года, сделанный в нарушение указов Сената (см. примеч. 23); 2 декабря приказал представить ему в течение 3 дней ведомость о всех недоимках, следующих ко взысканию в городской доход; 12 декабря – об уплате долга купцу Истомину из остатков суммы (4182 руб.) и производстве общего учета всех расходов Думы за истекшее трехлетие³².

Однако, по мнению администрации, все эти распоряжения губернатора во время проведения городских выборов – 26 декабря 1822 года – остались невыслушанными, в силу чего вице-губернатор, заменивший губернатора на время его отсутствия по болезни, предложил Думе 27 декабря учинить приговор по данным распоряжениям губернатора и произвести денежный учет. Однако сделано это было, как отмечали позже на следствии гласные, «весьма обидным» для городского общества способом – повестки для явки в собрание были разосланы от имени городничего, а не Думы, как обычно. 28 декабря 1822 года городское общество все-таки собралось и сделало приговор, представленный 4 января 1823 года вице-губернатору. Последний, увидев из приговора, что: 1) произошло увеличение расходов по некоторым статьям по сравнению с прошлым годом (на содержание магистрата, Думы и сиротского суда, отопление и освещение гаубвахты, пожарные инструменты), 2) назначено вновь собрать с общества на уплату купцу Истомину 1931 руб., 3) общество не желает делать учет, так как не сомневается в честности городского головы Северикова и гласных, потребовал дать ему на это объяснения.

8 января уже новый состав Думы объяснял ему, что: 1) увеличение суммы по некоторым статьям произошло оттого, что в прошедшем 1822 году выделенных денег на таковые расходы не хватило и поэтому пришлось заимствовать из прочих статей, 2) общество решило во второй раз собрать деньги купцу Истомину, так как собранные ему в 1820 году деньги были потрачены на уплату долгов другим лицам, 3) общество, слушав в числе 80 человек отчет городского головы, «не имело подозрений в злоупотреблениях и составило приговор, что не желает учитывать прежний состав Думы».

9 января вице-губернатор, не доверяя этим объяснениям Думы, потребовал от нее представить ему подлинный приговор от 28 декабря 1822 года. В ответ Дума представила только копию, указав, что подлинник должен храниться при градской Думе. Тогда вице-губернатор распорядился, чтобы правление немедленно вошло в рассмотрение всех подобных действий Петрозаводской думы. В результате 23 января 1823 года правление постановило: 1) приговор, составленный 28 декабря 1822 года на основании ст. 37, 38

и 154 Городового положения, уничтожить, наложив на граждан, его подписавших, пеню в 200 руб., 2) выбрать из среды городского общества 5 учетчиков для обревизования расходов Думы, 3) действия членов Думы – городского головы Северикова и гласных Амозова, Мартынова и Иванова, которые, как считало правление, «до этого по одному только снисхождению генерал-губернатора были от суда оставляемы», представить на рассмотрение суда как оказавших «явное неповиновение и невнимательность в исполнении предписаний губернатора» (имелись в виду предписания губернатора Рыхлевского от 18 ноября, 2 и 12 декабря 1822 года), а также за самовольное израсходование денег «не на те предметы», как призналась сама Дума в рапорте от 8 января, в том числе из суммы 4182 руб., не по предложению губернатора от 28 февраля 1822 года³³. Совершенно очевидно, что такая эскалация конфликта, который по мере возможности гасил генерал-губернатор Клокачев, стала возможна только после его смерти 2 января 1823 года³⁴.

14 февраля 1823 года в губернском правлении рассматривалось предложение губернатора Рыхлевского в связи с поступившей к нему очередной жалобой от доверенного купца Истомина инженера Бутенева. В ней он писал, что уже неоднократно обращался в Думу с просьбой расплатиться за дом Истомина, но и поныне она не удовлетворена, а прошло уже 3 года, поэтому он просил губернатора либо взыскать с Думы данные деньги, либо освободить дом из-под больницы и заплатить начиная с 28 февраля 1820 года по 300 руб. за каждый год неустойки. Жалоба переполнила чашу терпения губернатора, и он предложил правлению немедленно предписать градскому обществу сделать учет Думе. Последнее своим журнальным постановлением решило: 1) «чтоб не могло общество лишиться столь выгодной для себя покупки дома», деньги взыскать с городского головы Северикова и гласных Г. Амозова, Ф. Мартынова и Т. Иванова «как совершенно виновных в самовольном израсходовании общественных денег не на те предметы, какие были назначены и утверждены губернатором»; 2) взыскание в пользу Истомина произвести петрозаводскому городничему, а если денег не будет, то описать их имения и опись представить в правление³⁵.

16 февраля 1823 года городское общество вынуждено было вновь собраться и выбрать 5 человек для учета всех расходов и доходов, сделанных в 1820–1823 годах при городских головах Пухкоеве и Северикове, но подписали данный приговор только 42 человека³⁶. В этот же день новый состав Думы во главе с городским головою Костиным, встав на защиту прежнего состава Думы, в своем рапорте губернскому правлению, возлагая всю вину в неуплате за дом Истомина на городского голову Пухкоева, просил не подвергать их ответственности, а взыскать деньги с Пухкоева или позволить покрыть

долг за счет недоимки. Однако правление, рассмотрев этот рапорт только 18 апреля, решило «не снимать с Северикова и гласных ответственности», так как они своевременно не приняли постановления о виновности Пухкоева и израсходовали деньги, в противность предложению губернатора от 12 декабря 1822 года, не на уплату за дом Истомина, а на другие предметы. Но при этом правление не забыло своим указом от 15 февраля предписать городничему произвести опись имущества Северикова и гласных, что он и сделал, представив при рапорте от 17 февраля как саму опись имения Северикова и гласных, так и отобранный у Северикова паспорт³⁷.

Однако Севериков решил жаловаться министру внутренних дел. В жалобе он писал, что губернское начальство «вовлекло» его «по одиночеству моему в совершенную запутанность при устройстве коммерческих моих дел без всяких уважительных причин». Далее он подробно излагал всю историю его гонений начиная с «дела о мельнице». Генерал-губернатор Клокачев выступал в жалобе в роли защитника Северикова, так как только известие о смерти последнего, замечал купец, «вновь ввергло его в самое постыднейшее состояние для доброго гражданина, служившего по выбору градского общества городской головою». Севериков ставил под сомнение законность действий прежде всего губернатора Рыхлевского, допуская по отношению к нему достаточно жесткие обороты речи, например: если Дума и расходовала деньги «не на те предметы», то «сие последовало потому, что гражданский губернатор уменьшил сумму на 1822 г. на содержание магистрата, сиротского и словесного судов и ее не хватило, поэтому и принуждена была Дума заимствовать их из других статей, но без корыстолюбия, а в целях общей экономии, чтоб обойтись без общего сбора, неужели за это следует предавать суду? и не клонится все сие со стороны губернского начальства к единой цели угнетения нашей участи?»; если Дума и израсходовала на поправку общественных зданий и дорог 600 руб. «без испрошения на то согласия губернатора, то в сем она основывалась на ст. 152 Городового положения... а в ней не сказано, что на такие расходы надо испрашивать разрешения у губернатора; губернатор «не имел право предписывать Думе расходовать деньги помимо общественного приговора, сам собою располагая суммою» на отмежевание городу лесной дачи и поправку тюрьмы, а таковых его распоряжений он – Севериков – «ослушаться не смел»; у губернатора нет права «вмешиваться в общественные дела и настоятельно градское общество понуждать против воли одного к учету», отчего общество «из страха ради попасть под сугубейший гнев и злость губернатора вынуждено было в феврале 1823 г. избрать 5 человек учетчиков...».

Но особо «безвинным истязанием» для себя Севериков считал то, как прошло описание его

имущества в счет погашения долга купцу Истомину. Он пишет, что 15 февраля 1823 года городничий Григоров, придя к нему в Гостиный двор с полицейским ратманом, двумя квартальными надзирателями, письмоводителем и аукционистом, настоятельно требовал допустить его к описи товара из лавки, и поэтому он вынужден был представить в счет обеспечения деньги. На следующий день, следуя указу правления, городничий вновь явился к нему и «в азарте» требовал оценить дом, лавку и товар Северикова, но от описи товара его отговорил ратман, поэтому был описан только дом. На третий день городничий приставил к дому его военный караул и «подверг жену его разным пристрастным расспросам, устраивая ее тем, что возьмет ее под стражу, а сам он был схвачен в то время на дороге двумя квартальными надзирателями и отправлен с частным приставом в городническое правление, где городничий делал ему разные укоризны и выговоры, после чего он вынужден был возвратить паспорт». Севериков также обращал внимание министра на то, что правление даже не учинило исследование о том, почему городской голова Пухков не уплатил деньги Истомину, и, оставив его «без ответственности», обратило взыскание на него и служивших вместе с ним гласных, тем самым подвергнув их имущество конфискации в противность ст. 84 и 87 Городового положения. А ведь достаточно, сетовал купец, только одной молвы об описи его имущества, чтоб «подорвать его кредит», и поэтому в конце он просил министра освободить его от суда и выдать паспорт.

В своем отношении от 16 апреля министр внутренних дел В. П. Кочубей потребовал от губернатора предоставить ему подробные сведения по жалобе, а также выдать Северикову паспорт, «дабы он не был стесняем в коммерческих его делах». В ответ Олонецкое губернское правление своим журнальным постановлением от 8 мая 1823 года определило лишь предоставить министру обширную справку по делу и подтвердило свое мнение от 18 апреля 1823 года, а выдачу паспорта Северикову вновь задержало³⁸. Сам же губернатор 8 мая 1823 года в рапорте министру внутренних дел так объяснял причины того, почему Севериков пытается «очернить» действия местного начальства: «Вступив в управление Олонецкой губернией в конце 1821 г., обратил я внимание на непомерный сбор денег, производящийся по г. Петрозаводску с купцов и мещан на разные городские и полицейские потребности». По рассмотрению же расходов Думы в 1821 году, писал губернатор далее, обратил он внимание «на совершеннейшую беспечность и невнимание» как при составлении сметы, так и при расходовании средств, при этом «многие деньги расходовались вообще без всякого утверждения городского общества». Поэтому, как писал далее губернатор, он не только ограничил расходы Думы на 1822 год, но был вынужден предписать Думе, чтобы из предположенных к расходу 4182 руб. она делала

траты только с его разрешения. Безусловно, подчеркивал далее Рыхлевский, что такие его распоряжения «не могли быть приятными для членов градской Думы, давно привыкших распоряжаться общественными суммами без всякого надзора и ответственности. Но к концу года оказалось, что, несмотря на все мои предложения, из числа 4182 рублей члены Думы вписали в расход до 2 тысяч рублей, а сверх того открылось, что в 1821 г. употреблено более, чем было обществом предположено и предместником моим утверждено, а некоторые статьи не были удовлетворены, например, оставлены неоплаченными купцу Истомину за купленный у него дом для городской больницы собранные с граждан 2 тысячи рублей... Такое со стороны членов Городской думы к предложениям начальства невнимание и своеволие были предложены мною на рассмотрение Губернского правления...». В подтверждение своих слов губернатор обещал министру представить с первой же почтой отчетную ведомость о всех долгах Думы³⁹.

Поэтому уже 9 мая губернатор Рыхлевский запросил от Думы новую ведомость о всех долгах и недоимках, из которой следовало, что прежние долги, сделанные городским головою Ждановым с гласными, составили 10145 руб., а при городском голове Северикове – 11433 руб., всего 21578 руб. Из них, в свою очередь, ожидаемых к уплате было признано 5776 руб., следовательно, считал губернатор, нового долга Севериковым и гласными было сделано на 5657 руб. (в том числе и 3106 руб., которые были даны в 1821 году Севериковым в виде ссуды Думе на уплату текущих расходов). Сверх того губернатор усмотрел, что в течение своего трехлетнего служения Дума самовольно истратила из неокладных сборов без утверждения общественным приговором и начальством еще до 1950 руб. В силу этого он предложил правлению рассмотреть данные поступки бывшей Думы, которое своим журнальным постановлением от 17 мая 1823 года решило передать «все эти обстоятельства на рассуждение уголовной палаты», а также наложить запрещение на имущества бывших городского головы Северикова и гласных Амозова, Иванова и Мартынова⁴⁰.

И эти действия губернатора Севериков от лица всех гласных несколько раз обжаловал только что вступившему в должность генерал-губернатору С. И. Миницкому. Например, в одной из этих жалоб от 16 июля 1823 года он не только просил остановить продажу его имущества, выдать паспорт, рассмотреть все обстоятельства продажи дома Истомина и вернуть внесенные им деньги за описанное имущество, но и чтобы судебный приговор по их делу был утвержден генерал-губернатором, а не губернатором или вице-губернатором, которые за жалобу, поданную им к министру, имеют, как он писал, «неудовольствие» на него, а поэтому «не могут быть беспристрастными» в данном деле⁴¹. Генерал-губернатор, еще не будучи в курсе всех

подробностей распри между олонекской губернской администрацией и петрозаводским городским самоуправлением, затребовал от губернского правления 10 июня и 4 июля сведения по делу и предложил «немедленно остановить распоряжение об распродаже имущества» до его собственного рассмотрения⁴².

Олонекское губернское правление не спешило дать ответ генерал-губернатору, пытаясь надавить на городское общество и заставить его принять согласное решение по долгам. Только этим мы можем объяснить тот факт, что в течение одного июня 1823 года петрозаводское общество умудрилось принять два взаимоисключающих приговора: 1 июня – о принятии платежа прежних лет «не иначе как со всего общества», а 25 июня – о несогласии принимать эти долги на счет всего общества, чем поставило правление в недоумение⁴³.

На своих заседаниях 6 и 18 июля 1823 года губернское правление, обсудив предложения генерал-губернатора от 10 июня и 4 июля, было принуждено рапортовать ему, что продажа имущества остановлена, но при этом о невыдаче паспорта Северикову умолчало. Тогда в августе 1823 года Севериков подает вторую жалобу министру внутренних дел, который требует от губернатора ответа, почему до сих пор просителю не выдан паспорт. Губернское правление своим журнальным постановлением от 31 августа 1823 года решает представить министру и генерал-губернатору очередную пространную справку по этому делу, из которой была бы очевидна правомерность отказа Северикову в выдаче паспорта. Поэтому Севериков 10 сентября 1823 года вновь обращается с очередной жалобой к генерал-губернатору, который в своем предложении от 20 сентября предписывает уже Олонекской уголовной палате «не отягощать судьбу» гласных и скорее решить их дело, «а Северикову разрешить отлучку по коммерческим делам». В октябре генерал-губернатор сообщает правлению, что он «довел до сведения» министра внутренних дел и Правительствующего сената жалобу Северикова. В результате в конце года паспорт Северикову был все же выдан и далее выдавался по его первому требованию⁴⁴.

А тем временем рассмотрение «дела Северикова и гласных» в Олонекской уголовной палате шло своим чередом, а взыскание – своим. Большая часть долга купцу Истомину была внесена Севериковым и гласными деньгами в конце 1823 года. Уплата остатка долга, которая падала на гласного Амозова, задержалась до начала 1825 года, так как в его отношении применялась достаточно длительная процедура распродажи имущества через аукцион. В самом городском обществе продолжался раскол «на 2 партии», как писал в своем отношении генерал-губернатору 13 мая 1824 года губернатор Рыхлевский. Первая из них требовала возложить всю ответственность за долги на виновных в их приобретении, вторая счита-

ла, что долги должно платить все общество. В своем ответе генерал-губернатор указал, что следует поддержать вторую партию⁴⁵.

В конце 1824 года в губернии происходят важные кадровые перестановки: А. И. Рыхлевский переводится губернатором в Вятскую губернию, а на его место назначается Т. Е. Фандер-Флит, приступивший к обязанностям в конце февраля 1825 года. Формально ни новый губернатор, ни генерал-губернатор не могли вмешиваться в «дело Северикова и гласных», пока оно находилось на стадии судебного рассмотрения. Только однажды, в мае 1825 года, С. И. Миничкий, усмотрев в ведомости о нерешенных делах уголовной палатой это дело, предлагает ей «поспешить окончанием»⁴⁶.

Олонекская уголовная палата вынесла свое окончательное определение 30 июля 1825 года⁴⁷. В первую очередь поражает тон его изложения, не дающий усомниться в том, что члены палаты не одобряли действий бывшего губернатора А. И. Рыхлевского и Олонекского губернского правления. Палата, рассмотрев, как она писала, все обстоятельства дела «по каждому предмету особо», выяснила некоторые интересные моменты, которые не получили отражение в делопроизводстве правления. Например, то, что на заседании 28 декабря 1822 года присутствовал лично вице-губернатор и именно при нем были прочитаны все предложения губернатора (от 18 ноября, 2 и 12 декабря), но решения по ним общество не успело принять, так как «время уже было за полночь», и поэтому все было перенесено на следующее заседание. Что перерасход в уплате долгов в 1820 году произошла оттого, что бывший в том году в июне в Петрозаводске генерал-губернатор А. Ф. Клокачев приказал, чтобы заставить уплатить долги жаловавшимся на Думу лицам, выставить каждого гласного на экзекуцию в составе 20 солдат, и поэтому, «убоясь ее», гласные вынуждены были начать немедленную проплату долгов, не предусмотренных в бюджете города на тот год. Что перерасход Думой 600 руб. произошел не самовольно, а по письменным или устным приказам губернатора Рыхлевского городскому голове Северикову, например: от 1 марта 1822 года – о поправке дорог и мостов по Высочайшим правилам 1817 года; от 16 мая – о выделении денег землемеру Потемкину, отмежевавшему городу лесную дачу, и на подготовку дома к приезду генерал-губернатора и некоторые другие мелочные расходы, о которых, как писала Дума, она не стала утруждать губернатора, но доносила ему ежемесячно. Что долги в размере 5657 руб. и самовольный расход еще 1950 руб. были сделаны Севериковым и гласными по крайней необходимости, так как, приступив, например, в 1821 году к ремонту ветхого моста через р. Лососинку и пристани, Дума не ожидала, что потребуются не исправлять, а строить новый мост, а на ремонт пристани придется употребить более денег, чем было

предположено утвержденным губернатором В. Ф. Мертенсом расходом. И хотя, как показывал в ответах на вопросные пункты бывший городской голова Севериков, он не испросил письменного разрешения у Мертенса на перерасход необходимой суммы, последний разрешил это словесно и затем лично наблюдал за ходом строительных работ. Что губернатор А. И. Рыхлевский приказал в 1822 году выделить «на поправку государевого сада» 408 руб. и дополнительную сумму на отмежевание строевой дачи для города, вообще не запланированных в расходах на 1822 год. При этом все отданные губернаторами письменные предписания Дума представила в суд. В дополнение всего бывший городской голова Севериков предъявил палате похвальный лист, данный ему обществом при перевыборах Думы в декабре 1822 года, где ему была «выражена признательность с наименованием степенного и доброго гражданина за исправление им с 24 декабря 1820 г. должности городского головы с совершенным усердием и действительно на пользу общества», который был подписан 76 из 80 присутствовавших на соборании⁴⁸. Заметим, что городское общество и позже не переставало доверять купцу Северикову, выбрав его, например, в мае 1825 и 1827 годов в комиссии «по приисканию способов к улучшению состояния городов» и «освидетельствованию хода поправки церковей Петра и Павла»⁴⁹.

В результате уголовная палата полагала Северикова и гласных преданными суду «совершенно безвинно, ибо распоряжения губернатора были исполняемы в точности без упущения». По поводу же расхода денег «не на те предметы, на которые они назначались», а также сделанных Думою долгов, палата находила, что в этом не открылось никакого злоупотребления, «ибо все это произошло по совершеннейшей крайности». Кроме того, городской голова Пухкоев был признан виновным в неуплате денег купцу Истомину⁵⁰.

Умиротворенное таким решением уголовной палаты, а также сообщениями о выделении городу помимо строевой дачи ежегодного начиная с 1825 года пособия в 12 тыс. руб. на военный постой и полицейские расходы и решении Сената 1825 года (по протесту Олонецкого губернского правления) об обязанности города принять на себя прежние долги, городское общество 13 августа 1825 года сделало приговор о том, что, «желая сохранить навсегда между собой мир, тишину и доброе согласие, единогласно решило: платеж прежних лет долгов (с 1803 по 1820 г. в размере 10053 руб.) принять к полной ответственности целого общества и начать платить с 1826 г. по 2 тысячи рублей». Правление это решение полностью удовлетворило, так как оно было принято единогласно, соответствовало решению правления от 29 декабря 1820 года, предложению генерал-губернатора А. Ф. Клокачева от 17 июня 1822 года и статьям Городового положения, тем более, как замечало правление, что эти долги были сде-

ланы до указа Сената от 12 сентября 1821 года. Но думается, что основная причина утверждения этого приговора была выражена правлением в следующих словах: приговор способствует «прекращению возникшей между начальством как о взыскании прежних лет недоимки, так равно и о заплате старых долгов переписки». Чуть позже генерал-губернатор С. И. Миницкий согласился с этим решением правления⁵¹.

Однако в дело вмешался губернский прокурор Херувимов, который составил протест на решение палаты от 30 июня 1825 года и представил его в сентябре 1825 года генерал-губернатору и министру юстиции. В частности, в нем он писал, что: 1) бывшие члены Думы городской голова Севериков и гласные Мартынов, Иванов и Амосов преданы суду справедливо, так как не исполнили в точности все предписания губернатора Рыхлевского и действительно допустили перерасход сверх запланированных и утвержденных губернатором, на что обращала внимание Дума в декабре 1823 года и счетная экспедиция Олонецкой казанной палаты, обревизовав ее книги за 1822 год; 2) Олонецкая уголовная палата не имела права в своем решительном определении в отношении Олонецкого губернского правления допускать таких выражений: «...что члены Думы должны были претерпевать столь безвинное истязание, а особенно в бытность городского головы Северикова, который в одно время был напрасно предан суду и подвергнут довольно нерезонно взысканию денег за чужое обязательство и пр., ибо такие замечания на счет Губернского Правления относятся до Высшего Начальства»; 3) палата допустила Северикову в своих ответах на вопросные пункты поместить оскорбительные на счет губернатора выражения, например: «...но каким правом Гражданский Губернатор руководствовался, мешаясь в общественные дела, приказывая Думе расходовать деньги на такие предметы, на кои даже от общества вовсе не было изъявлено воли и согласия, он, Севериков, постигнуть не мог, поэтому представляет то рассмотрению Палаты Уголовного Суда», за что Севериков, считал прокурор, подлежит законной ответственности; 4) ответы гласных «как будто бы с одного подлинника переписаны и гласят почти слово в слово, что не может случиться, ежели каждый из них писал особо свои ответы на вопросы»; 5) палата по собственной инициативе заключила дать вопросы Пухкоеву и на основании полученных ответов потребовала от правления испросить у генерал-губернатора разрешения на предание суду его, чем нарушила ст. 96 «Учреждений для губерний»; 6) палата, предоставив право Северикову «удовлетворить», если пожелает, за неправильное предание его суду и отобрание паспорта, «предоставила себе неограниченную власть», в противность ст. 129 «Учреждений для губерний», тем самым предоставив право «искать убытки на губернаторе и вице-губернаторе и Губернском Правлении, что зависит от Высшего Правительства»; 7) палата предлагает прекратить учет, так

как приговор о его проведении был подписан 42 членами (имелся в виду приговор городского общества от 16 февраля 1823 года), но отменить его не имеет права, ибо это постановило сделать «высшее место в губернии – Губернское Правление»; 8) палата постановила взыскать деньги в пользу Северикова с градского общества, но «не излишни ли старания Палаты в пользу частного лица и не нарушен ли указ Сената от 12 октября 1821 г. о запрете делать займы на счет общества?». В своем предложении уголовной палате от 25 сентября 1825 года С. И. Миницкий предписывал рассмотреть прокурорский протест и сделать заключение, но далее представить его на утверждение не ему, а новому губернатору, ибо «нет уже причин по перемещению Рыхлевского вносить дело ко мне»⁵².

Палата отреагировала, зная обычную делопроизводственную практику, можно сказать, молниеносно – 10 октября она «опровергла во всех отношениях» протест уже бывшего на тот момент губернского прокурора Херувимова и 19 октября представила свое заключение губернатору Т. Е. Фан-дер-Флиту. Примечательно не только содержание, но и тон этого заключения, в котором указывалось, что: 1) палата, основываясь на существующих законах (далее в тексте идут многочисленные ссылки на эти законы, которые позволим себе упустить), «не имела никакой обязанности приравнивать решения своего о членах Думы к частным положениям Губернского Правления» и она не умалчивала о замечаниях, сделанных Казенной палатой, но ведь и последняя не увидела злоупотреблений в передержках Думы; 2) в своих ответах Севериков повторил слово в слово жалобы министру внутренних дел и генерал-губернатору, и «если бы они были признаны оскорбительными, то и приняты не были и в движение приведены быть не могли бы»; 3) согласность в ответах гласных произошла не потому, что они были списаны, а потому, что им были даны одинаковые вопросы, но так как «они малограмотные, то давались эти вопросы в присутствии палаты каждому порознь, и, как невинные, отвечали одинаковыми словами и без всякой разности»⁵³; 4) прокурор не смеет оскорблять палату в отношении ее действий к Пухкоеву, так как он был «взят в палату по оговору городского головы Северикова и гласных», и этим своим утверждением «не потворствует ли Прокурор Пухкоеву?»; 5) палата убеждена в принуждении граждан к принятию приговора 16 февраля 1823 года об учете, так как из 80 граждан его подписали только 42. В заключение палата писала, что рапорт прокурора генерал-губернатору «неуважителен и оскорбителен для Палаты, а свой приговор она оставляет в силе»⁵⁴.

Губернатор Т. Е. Фан-дер-Флит не торопился утверждать это заключение уголовной палаты, так как, по-видимому, ожидал итогов финансовых учетов бывшего состава Думы, производившихся с 1823 года. И городское общество преподнесло губернской администрации очередной сюрприз – на своем собрании 5 февраля

1826 года, заслушав учеты всех расходов Думы за 1820–1822 годы, постановило не признавать сделанных городскими головами Пухкоевым и Севериковым долгов. Среди главных объяснений такого решения указывалось, например, что взыскивать деньги надо с тех, кто дал обязательство собрать вторично деньги на погашение долга купцу Истомину, что Севериков «учинил передержки» денег в 1821 году на поправку общественной пристани, домов, амбаров, дорог и мостов в черте города, на постройку моста через р. Лососинку и на другие предметы, закупив необходимые материалы «несоразмерно ценам из своей лавки, отчего одолжился значительной суммой... более собственнo сам у себя безгласно и против воли градского общества в противность указа Сената от 12 октября 1821 г.»⁵⁵. Таким образом, мы вновь убеждаемся, что раздоры внутри самого общества по поводу уплаты долгов отнюдь не были прекращены. В связи с таким поворотом событий губернатор решил не торопиться с утверждением определения палаты, пока она не изучит эти учеты⁵⁶.

Уголовная палата своим журнальным определением от 5 августа 1826 года, сославшись на то, что дело решено до ранее представленных из правления учетов, а согласно ст. 130 «Учреждения о губерниях» и указу от 22 декабря 1814 года, она не вправе более перерешать его, постановила просто приобщить эти бумаги к делу и представить вновь на рассмотрение к губернатору⁵⁷. Таким образом, поступая формально правильно, палата поставила губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита перед трудным выбором – либо утвердить ее приговор, либо опротестовать в Сенат.

К сожалению, мы не нашли мнения губернатора, с которым он вышел 23 ноября 1826 года в Сенат, не согласившись с решением уголовной палаты от 30 июля 1825 года⁵⁸. Из самого же решения Сената от 22 февраля 1829 года по «делу Северикова и гласных» понятно только то, что губернатор считал, что бывшие члены Петрозаводской городской думы во главе с Севериковым виновны «в невыполнении и невнимательности к предписаниям Начальника Губернии и самовольном расходовании общественных денег, но как поступки сии учинены до Высочайшего Манифеста 22 августа 1826 г., то оставить их свободными»⁵⁹.

В результате Сенат рассмотрел: 1) обвинения, выдвинутые против Северикова и гласных олонекской губернской администрацией (за невыполнение предписаний бывшего гражданского губернатора Рыхлевского, самовольный расход общественных денег не на те предметы, на кои были предназначены, делание без приговоров градского общества и утверждения губернатора долгов на 5657 руб.); 2) факт самовольного израсходования без общественного приговора из неокладных сборов 1950 руб.; 3) решительное определение уголовной палаты от 30 июля 1825 года; 4) заключение палаты от 10 октября 1825 года на протест губернского про-

курора Херувимова; 5) протест прокурора; 6) мнение губернатора Рыхлевского о решении Олонецкой уголовной палаты. «Сообразив их с силой ст. 1 Манифеста 22 августа 1826 г., согласно мнения Архангельского, Вологодского и Олонецкого генерал-губернатора Миницкого, с которым согласен и министр внутренних дел», Рыхлевский полагал: «...все выводимые по сему делу неправильные действия бывшего городского головы Северикова и гласных, равно бывшего городского головы Пухкова, губернского прокурора Херувимова и членов Олонецкой палаты уголовного суда на основании вышеприведенного Манифеста оставить без дальнейшего рассмотрения и заключения и прикосновенных лиц оставить свободными». В отношении же денег, взысканных с членов городской Думы в пользу купца Истомина, Сенат считал, что было бы «несправедливо» не возратить их им. Точно так же Сенат определял необходимым вернуть Северикову и деньги, издержанные им на разные городские предметы, «тем более, что Олонецкая казенная палата никаких незаконных расходов не увидела, а точно они употреблялись на городские расходы в согласии со ст. 152 Городового положения», и поэтому Севериков «имеет право просить возвращения сих денег»⁶⁰.

Так неожиданно благополучно для всех его участников закончилось «дело Северикова и гласных». Безусловно, что если бы не Манифест 1826 года, которым законодатель как мечом разрубил гордиев узел конфликта, не входя в рассмотрение всех его обстоятельств с точки зрения закона, Сенат несомненно бы вынес более жесткое определение как в отношении городского головы Северикова и служивших с ним гласных, так и губернского прокурора, членов уголовной палаты⁶¹, но, кажется, только не губернатора Рыхлевского. Петрозаводская дума во главе с городским головою Севериковым действительно нарушала его предписания. Существовавшие же на тот момент узаконения, по мнению известного исследователя городского самоуправления в Российской империи И. И. Дитятина, предписывали, чтобы «самый простейший расход, какая-нибудь копеечная починка могла иметь место лишь с разрешения губернатора или губернского правления» [2; 243].

Главная причина конфликта очевидна – это борьба между различными уровнями местного управления за реальное влияние на ход дел в губернии. Понятен и механизм развития конфликта. Первый уровень противостояния возникает между олонецкой губернской администрацией и петрозаводским общественным управлением по поводу расходования последним городских средств и уплаты накопившихся долгов. Здесь изначально перевес сил был на стороне администрации, которой, согласно Городовому положению 1785 года, подчинялось общественное управление и, прежде всего, в части расходования городских средств⁶². Однако последнее пытается отстоять свои немногие права в этой сфере в лице доста-

точно независимого городского головы купца С. П. Северикова. Генерал-губернатор А. Ф. Клокачев не сомневается в его деловых и нравственных качествах и поэтому защищает от нападков со стороны губернской администрации. В силу этого возникает второй уровень противостояния – между генерал-губернатором Клокачевым и олонецкой губернской администрацией, возглавляемой губернатором А. И. Рыхлевским, который в свою очередь порождает раскол внутри петрозаводского городского общества и губернского чиновничества. Первое из них по сути не является самостоятельным субъектом в конфликте, а испытывает непрекращающееся давление со стороны губернатора и собственной верхушки города, в силу чего постоянно принимает противоречивые приговоры, чем еще более запутывает ситуацию. Губернское чиновничество также вынуждено определиться с тем, какую сторону в конфликте – губернатора или генерал-губернатора – оно будет поддерживать, не забывая при этом воспользоваться ситуацией для извлечения собственной выгоды. Некоторая пауза, возникшая при замещении должности генерал-губернатора после смерти в начале 1823 года А. Ф. Клокачева, позволяет олонецкой губернской администрации наконец-то предать суду городского голову Северикова и служивших с ним гласных Амосова, Мартынова и Иванова. Вступивший в должность новый генерал-губернатор С. И. Миницкий предпочитает, пользуясь формальными основаниями (дело в суде), не вмешиваться в конфликт. Он только ограждает интересы подсудимых, приостанавливая поспешную продажу их имущества с молотка. Члены уголовной палаты, явно стоявшие в оппозиции губернатору А. И. Рыхлевскому, дождавшись его перевода в другую губернию, принимают 30 июля 1825 года решение, совершенно оправдывающее действия бывших членов Петрозаводской думы. Приступивший к исполнению своих обязанностей в сентябре 1825 года губернатор Т. Е. Фан-дер-Флит, даже если предположить, что он нейтрально относился к Северикову, не может без урона престижа губернаторской должности оставить безнаказанным допущенное, пусть даже в интересах городского общества, неисполнение распоряжений своего предшественника, и поэтому опротестовывает решение палаты в Сенат, воспользовавшись, впрочем, удачно подоспевшим Манифестом 1826 года. Генерал-губернатор С. И. Миницкий поддерживает мнение губернатора. Многолетний конфликт, к удовлетворению почти всех его участников, наконец-то разрешен.

Обратим также внимание на то, что все стороны конфликта при доказательстве своей правоты активно апеллировали к законам, которые в силу их чрезвычайной противоречивости и наличия в них множества пробелов позволяли обосновать даже самые противоположные позиции. Генерал-губернаторы в такой ситуации должны были быть крайне осторожными и балансировать между за-

конностью и целесообразностью. Вот почему А. Ф. Клокачев, подчас соглашаясь с мнением губернской администрации, все же изыскивал правовые основания, не позволяющие предать суду петрозаводских гласных во главе с городским головой Севериковым. Его приемник – С. И. Миницкий – мог лишь «вступаться» за Северикова, пресекая допускаемые по отношению к нему со стороны губернской администрации очевидные случаи внесудебного преследования (например, невыдачу паспорта), а также собственно судебную волокиту, не имея при этом права вмешиваться в производство самого дела.

Представляется, что ни Александр I, ни правительство, стремясь сделать более эффективной систему государственного управления на местах посредством введения института генерал-губернаторов, никак не ожидали столкнуться с обратным результатом. На примере «дела петрозаводского городского головы Северикова и гласных» мы попытались показать, как генерал-губернаторы с их столь широкими, но весьма противоречивыми полномочиями становились новым источником конфронтации между различными уровнями управления на местах.

ПРИМЕЧАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

- ¹ Учреждения для управления губерний 1775 г. // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 182–184.
- ² Всего было подано прошений от 15 человек // Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО). Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. Л. 116 (№ 359), 251 (№ 652), 257 (№ 668), 274 (№ 690), 282 (№ 714), 299 (№ 742).
- ³ На время присутствия генерал-губернатора Клокачева в Петрозаводске городской голова Пухков уехал из города, поэтому уже в сентябре 1820 года генерал-губернатор предложил Олонецкому губернскому правлению рассмотреть вопрос о возможном удалении его от должности городского головы. Пухков скомпрометировал себя в глазах генерал-губернатора и другими неблагоприятными поступками, в том числе тем, что находился под судом за увоз чужой жены, а также составил ложный приговор от лица всего городского общества о лишении доброго имени прежнего городского голову Жданова и служивших с ним гласных // ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. Л. 256 (№ 665), 387 (№ 973), 478 (№ 1254), 570 (№ 14760).
- ⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 83.
- ⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее – ПСЗ-1). Т. 24. № 182768; Т. 30. № 23765; Т. 33. № 25872, 26349; Т. 34. № 26941.
- ⁶ НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2555. Л. 109; Д. 2556. Л. 7–8; Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 21.
- ⁷ ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. Л. 711 (№ 1900).
- ⁸ НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 611. Л. 1.
- ⁹ По данным петрозаводского городничего, в Петрозаводске на тот момент числилось 585 душ купцов, мещан и статских чиновников, а служителей заводского ведомства – 1216 душ. На Голиковке в своих избах проживало в 1826 году 276 мастеровых // ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 36. Л. 390 (№ 994), 733–734 (№ 1938); НА РК. Ф. 1. Оп. 37. Д. 2. Л. 1143; [4; 171].
- ¹⁰ ПСЗ-1. Т. 24. № 18278; Т. 25. № 18614.
- ¹¹ ГА АО. Оп. 1. Д. 36. Л. 745 (№ 1956).
- ¹² Там же. Л. 722 (№ 1918).
- ¹³ Там же. Л. 732 (№ 1935); Д. 84. Л. 1 (№ 5); НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 290. Л. 767–770; Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 82.
- ¹⁴ Однако в последующем, при определении точного размера этого сбора, возникли затруднения, в силу чего в 1825 году сменивший на посту генерал-губернатора А. Ф. Клокачева С. И. Миницкий вообще предложил правительству отказаться от строительства казарм // ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 133. Л. 296–297 (№ 405); Д. 191. Л. 43–45 (№ 35, 36); Д. 262. Л. 304 (№ 635); Л. 312 (№ 668); Д. 263. Л. 138–150 (№ 1612); НА РК. Ф. 1. Оп. 37. Д. 2. Л. 471–473; Ф. 2. Оп. 41. Д. 10. Л. 196–197.
- ¹⁵ ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. Л. 460 (№ 1056). Л. 602–603 (№ 1364).
- ¹⁶ НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 611.
- ¹⁷ Однако укажем сразу, что все эти предложения Думы по увеличению своих доходов не имели успеха: в 1823 году Александровский завод отказался от пользования камнем в городской черте; разночинцы только однажды – в 1824 году – по приказанию А. И. Рыхлевского, сменившего губернатора В. Ф. Мертенса, участвовали в особом сборе «на полицейские надобности», а долг за военнослужителей был в 1831 году по указу Олонецкой казенной палаты списан // ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. Л. 632–635 (№ 1427), 670 (№ 1532); Д. 191. Л. 343–346 (№ 671); НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1043. Л. 14; Д. 1240. Л. 432–434, 440.
- ¹⁸ То есть на содержание «магистрата и прочих людей, коим по городской службе жалованье определено, а также городских школ и других заведений, приказу общественного призрения принадлежащих».
- ¹⁹ Заметим сразу, что и этот вариант Положения о полиции был отвергнут МВД и в окончательном виде был представлен только в марте 1828 года // НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 640. Л. 2–24, 73; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. Л. 775 (1758); Д. 133. Л. 595–596 (№ 741).
- ²⁰ ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 84. Л. 1126 (№ 2325).
- ²¹ О принадлежности С. Северикова к староверам указывается, например, в [4; 23]. Впрочем, еще Екатерина II допустила выбирать раскольников в городские службы // ПСЗ-1. Т. 22. № 16238.
- ²² Почти сразу по приезде на новое место службы А. И. Рыхлевский вступил в конфликт с чиновниками Олонецкого губернского правления, которые, несмотря на его неоднократные напоминания, не спешили рассматривать поступающие в правление дела. Не случайно уже в конце 1822 года он просит генерал-губернатора Клокачева о переводе его по состоянию здоровья в другую губернию. В феврале 1823 года Рыхлевский совершает опрометчивый поступок по отношению к губернскому стряпчему Карабутову, велел отправить его в сумасшедший дом, за который 24 апреля 1824 года был подвергнут строгому замечанию со стороны Комитета министров и который окончательно настроил против него многих губернских чиновников (в том числе вице-губернатора Нейдгардта и председателя уголовной палаты Башинского) // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 3. Д. 222 А; НА РК. Ф. 1. Оп. 37. Д. 2. Л. 214, 247–262, 290–291, 1265–1284; Ф. 2. Оп. 62. Д. 6; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 191. Л. 9 (№ 11).
- ²³ В первом указе говорилось, что выполнение добровольных складок обращать можно только на тех, кто изъявил на это свою волю; во втором – если на какой-то сбор не согласились все члены общества, то можно и не собирать этого сбора;

- в третьем – магистратам и думах было запрещено делать займы на счет обществ и градских доходов // ПСЗ-1. Т. 37. № 28781; НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 16–17.
- 24 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 84.
- 25 ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 133. Л. 925 (№ 1185); 940–941 (№ 1190); 959 (№ 1245).
- 26 Там же. Д. 132. Л. 260 (№ 1690); НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 45–47, 55–60.
- 27 ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 132. Л. 267 (№ 1719). Л. 373 (№ 1838). Л. 380 (№ 1846).
- 28 Там же. Д. 132. Л. 459 (№ 1993). Л. 472–473 (№ 1995). Л. 486 (№ 2000); НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 61–79.
- 29 Согласно этой статье: «Буде же случится, что губернаторские приказания не соответствуют пользе общей или службе императорского величества или нарушают узаконения, и губернатора (в нашем случае – генерал-губернатора) рассуждениями и от того отвлечь им не можно, тогда советники должны внести в правление письменно свое мнение и генерал-губернатора и Сенат уведомить; но приказаний губернаторских отменить не могут, и по оным исполнять обязаны» // Российское законодательство... Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма... С. 186–187.
- 30 Киннаева потому, что он до этого уже избирался словесным судьей и гласным, а по силе ст. 282 «Учреждений для губерний» нельзя служить, кто имеет за службу в должностях похвальный лист, «унизить должностью»; Дубинкина потому, что более 40 лет работал мастерским и, выйдя в отставку старым и неимущим, «не мог бы и нанять вместо себя десятского, как обычно делают другие», так как такой найм, по сведениям правления, обходился горожанину в 180–200 рублей.
- 31 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 73–79.
- 32 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 16–26.
- 33 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 5–16, 26–27, 34–42, 47; Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 90–100, 133–139.
- 34 ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 191. Л. 4 (№ 24); НА РК. Ф. 1. Оп. 37. Д. 2. Л. 29.
- 35 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 3–18.
- 36 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2556. Л. 13–14 (и далее до конца дела (Л. 17–143) идут сами учеты).
- 37 Там же. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 19–42.
- 38 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 78–81; Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 45–121.
- 39 Там же. Ф. 1. Оп. 37. Д. 2. Л. 730–735.
- 40 Там же. Л. 744, 764–765; Д. 933а. Л. 122–133.
- 41 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2254. Л. 76–77; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 191. Л. (№ 33), 63 (№ 114), 111 (№ 205).
- 42 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 158–167.
- 43 Там же. Д. 1240. Л. 301.
- 44 Там же. Д. 933а. Л. 194–211; Д. 982а. Л. 36, 49; Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 83–84; Ф. 1. Оп. 37. Д. 2. Л. 1790; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 191. Л. 354 (№ 688), 427 (№ 826).
- 45 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 933а. Л. 1–3; Д. 982а. Л. 54; Ф. 656. Оп. 1. Д. 1103; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 262. Л. 413 (№ 887).
- 46 Там же. Л. 64; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 262. Л. 445 (№ 2143); Д. 329. Л. 106–107 (№ 255); Д. 329б. Л. 258 (№ 941); РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 222а. Л. 62.
- 47 Собственно само уголовное дело на сегодняшний день состоит из 7 разрозненных томов, хранящихся в трех фондах: Ф. 655 (Олонецкая палата уголовного суда). Оп. 1. Д. 869а. Т. 6 (196 л.); Д. 933а. Т. 3 (220 л.); Д. 982а. Т. 4 (168 л.); Ф. 656 (Олонецкая палата гражданского суда). Оп. 1. Д. 1103 (13 л.); Ф. 9 (Олонецкая палата уголовного и гражданского суда). Оп. 1. Д. 2554. Т. 1 (120 л.); Д. 2555. Т. 2. (162 л.); Д. 2556. Т. 3 (143 л.).
- 48 Сам похвальный лист см.: НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 117–118.
- 49 Там же. Ф. 2. Оп. 61. Д. 678. Л. 44; Ф. 1. Оп. 36. Д. 11. Л. 106.
- 50 Там же. Ф. 655. Оп. 1. Д. 869а. Л. 143–153.
- 51 Там же. Д. 1240. Л. 123–125, 141, 302–306; ГА АО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 329г. Л. 405 (№ 1878).
- 52 Там же. Л. 439 (№ 2194), 460 (№ 2246, 2261); НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 982а. Л. 102–131.
- 53 Надо знать особенности проведения уголовного процесса в 1-й половине XIX века, который основывался на «теории формальных доказательств», введенной еще Петром I. Согласно ей, свидетельские показания признавались «совершенными» (то есть на их основании можно было делать приговор), если это были согласные показания не менее двух «годных» свидетелей. Однако, по нашему убеждению, члены уголовной палаты, неприязненно относившиеся к действиям губернской администрации, возглавляемой губернатором А. И. Рыхлевским, и прекрасно знавшие требования закона, помогли гласным Амосову, Мартынову и Иванову «синхронизировать» свои показания с показаниями Северикова.
- 54 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 982а. Л. 134–143.
- 55 Явно, что здесь имелась в виду сумма в 3106 руб., которую одолжил в 1821 году Думе на текущие расходы Севериков.
- 56 НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 982а. Л. 147–167; Д. 2556. Л. 8–10.
- 57 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2556. Л. 1–6.
- 58 Там же. Ф. 655. Оп. 1. Д. 869а. Л. 141, 192.
- 59 Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2554. Л. 1–4.
- 60 Проплаты С. Северикову в размере 1 тыс. руб. в год начались с 1831 года // Д. 1240. Л. 443 (об.).
- 61 Кстати, сенатор Баранов, ревизовавший в 1827/28 году Олонецкую губернию, в рапорте императору от 11 февраля 1828 года также писал, что Олонецкая уголовная палата «при всех явных доказательствах» неправомерно «совершенно оправдала» Северикова и гласных. Более того, она «вошла в обсуждение действий» олонецкого губернского правления и гражданского губернатора «вместо подсудимых» и не «уважила протеста губернского прокурора, ни замечаний... губернатора, основательно и правильно указавшего на ошибки Палаты» // РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 5206.
- 62 См.: ст. 151–154, 177 Городового положения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балагуров Я. А. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958. 212 с.
2. Дитятин И. И. Статьи по истории русского права. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1895. 631 с.
3. Ефимова В. В. Кадровая политика генерал-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого А. Ф. Ключачева (на примере Олонецкой губернии) // Вестник Карельского филиала СЗАГС-2008: Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2008. С. 296–324.
4. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Городские головы Петрозаводска. 1778–1918 гг.: Биографический справочник. Петрозаводск: Стандарт, 2008. 82 с.

УДК 903'1 (470.22)

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин ПетрГУ
 wigwam@karelia.ru

НОВЫЕ ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Статья посвящена публикации новых петроглифов, открытых в 2008–2009 годах археологической экспедицией Петрозаводского государственного университета на мысе Пери Нос VI на восточном берегу Онежского озера.

Ключевые слова: петроглифы, неолит, энеолит, символические изображения

Петроглифы Онежского озера образуют один из крупнейших на севере Европы очагов первобытного наскального творчества.

Наскальные изображения Онежского озера находятся на участке восточного берега, на протяжении более 20 км – от устья реки Водла до Гурьих островов. Эта территория разделяется на два региона – Водлинский и Бесовоносский, между которыми на протяжении 13 км береговой линии наскальные изображения не обнаружены (рис. 1).

Судя по имеющимся археологическим и геологическим данным, подавляющая часть Онежских петроглифов была создана в неолите и энеолите – в IV–III тысячелетиях до нашей эры [3; 21–22].

Высота наскальных изображений над современным уровнем Онежского озера не превышает 2,7 м, большая их часть находится почти у уреза воды. В эпоху создания петроглифов, по данным палеогеографических исследований, уровень воды в озере был близок или равнялся современному [2].

Петроглифы Онежского озера издавна были известны местным жителям, о чем свидетельствует название мыса и близлежащей деревни – Бесов Нос. Предположительно в XVI веке монахи

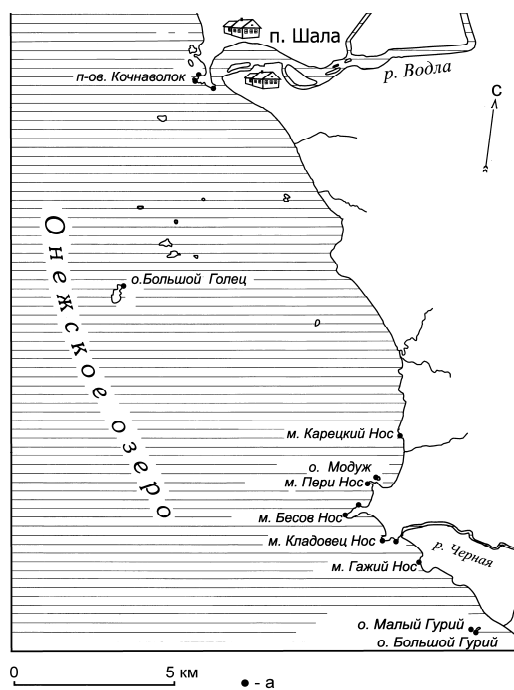

Рис. 1. Карта расположения Онежских петроглифов
 а – скопление петроглифов

Муромского монастыря «окрестили» на Бесовом Носу фигуры Беса и лебедя, выбив поверх них два православных креста.

Науке петроглифы Онежского озера стали известны с 1848 года, когда их посетили консерватор Минералогического музея Санкт-Петербурга Константин Гревингк и, видимо, тогда же учитель петрозаводской гимназии Петр Швед. Несколькими годами позже в местной и столичной печати появились первые заметки о наскальных изображениях и зарисовки петроглифов Бесова Носа и Пери Носа.

В начале XX века на Онежских петроглифах работала экспедиция известного шведского исследователя наскальных изображений Г. Хальстрёма [12]. Он предпринял попытку создания первой профессиональной документации Онежских петроглифов. Благодаря исследованиям Г. Хальстрёма было зафиксировано 412 изображений.

В конце 1930-х годов в ходе полевых работ геолога Б. Ф. Землякова и археолога А. М. Линевского были открыты новые скопления петроглифов на мысах Кладовец, Гажий Нос и на острове Большой Гурий [4].

В первой половине XX века части скалы с петроглифами Пери Носа III стали музейными экспонатами. В 1927 году в Карельский государственный краеведческий музей по инициативе Б. Ф. Землякова был перевезен обломок скалы, видимо, отколовшийся под ударами волн и льда. Несколько позже, в 1935 году, Ф. М. Морозовым был организован вывоз четырех фрагментов скалы с петроглифами с мыса Пери Нос III в Государственный Эрмитаж. Наиболее крупный из них представлен в экспозиции этого музея. Благодаря двугранной форме поверхности и обилию на ней фигур символического характера он получил название «крыша мира». При отделении части скалы несколько изображений было утрачено [8; 398].

В середине 30-х годов XX века на Онежских петроглифах работала экспедиция известного российского археолога В. И. Равдоникаса. Результатом экспедиции стало открытие петроглифов мыса Карецкий (число известных петроглифов возросло до 570) и издание всех известных к тому моменту наскальных изображений Онежского озера, за исключением петроглифов, попавших в фонды музеев [5]. В 1970-е годы экспедицией под руководством Ю. А. Савватеева были обнаружены наскальные изображения в устьях рек Водла и Черная, а также на островах Большой Голец, Модуж и Малый Гурий [8; 9]. В эти же годы предпринимались попытки поиска петроглифов под водой у мысов Кладовец, Бесов Нос, Пери Нос [11]. В районе мыса Пери Нос VI обнаружить петроглифы под водой не удалось.

На берегах Онежского озера по состоянию на 2004 год обнаружено более 1300 петроглифов [13; 42]. Они образуют 22 отдельные группы, расположенные на оконечностях каменистых мысов и небольших прибрежных островах

(рис. 1). Две группы (334 фигуры) находятся на полуострове Кочковнаволок – в устье реки Водла и на мысе Лебединый Нос. Остальные группы располагаются южнее, на мысах Карецкий Нос, Пери Нос, Бесов Нос, Кладовец Нос, Гажий Нос, на островах Модуж, Малый и Большой Гурий, безымянном островке у устья реки Черная. Несколько фигур водоплавающих птиц располагается на острове Большой Голец, примерно в 7 км от берега.

Больше всего наскальных изображений, 518 фигур (включая музейные и утраченные изображения), найдено на Пери Носе, который состоит из семи небольших мысков (Пери Нос I–VII). Наскальные изображения известны на шести из них (исключение – Пери Нос V).

На мысе Пери Нос VI В. И. Равдоникасом выявлено 77 изображений [5]. По данным В. Пойкалайнена, на мысе Пери Нос имеется 86 изображений, включая фрагментированные фигуры [13]. В 2004 году эстонский художник Л. Йыэкалда, член Эстонского общества первобытного искусства, обнаружил на мысе Пери Нос VI две каменных плиты с несколькими ранее неизвестными петроглифами (устная и графическая информация Л. Йыэкалда).

Вопросов интерпретации отдельных изображений и композиций на мысе Пери Нос VI касались в своих работах В. И. Равдоникас [6], А. Я. Брюсов [1], А. М. Линевский [4], Ф. И. Равдоникас [7], А. Д. Столяр [10], А. М. Жульников [3].

Новые петроглифы на мысе Пери Нос VI были случайно открыты автором данной статьи летом 2008 года. Под корнем упавшей сосны обнажилась каменная плита, на нижней стороне которой обнаружились 19 прекрасно сохранившихся изображений. В ходе дальнейшего обследования мыса, проведенного в 2008–2009 годах археологической экспедицией Петрозаводского государственного университета, были обнаружены и исследованы еще 5 каменных плит с петроглифами, включая 2 плиты, найденные Л. Йыэкалда. В ходе работ было установлено, что все они были оторваны от скалы под действием волн и льда и отнесены весенним ледоходом на вершину скального утеса, на расстояние до 15 м от прежнего местонахождения. Сколотые фрагменты считались утраченными, но теперь появилась возможность реконструировать наскальное полотно этого мыса практически полностью.

Наскальные изображения на мысе Пери Нос VI расположены на отметках до 1,55 м над естественным уровнем Онежского озера, на площади 8 x 13 м, на удалении до 8 м от края берега. Территория мыса, занятая изображениями, представляет собой скальную площадку, полого опускающуюся к воде. На оконечности мыса имеются две крупные расщелины со сбитой скальной гладкой поверхностью (глубиной до 50 см, шириной до 1,7 м, длиной от 2 до 5 м). Из этих расщелин и происходят обнаруженные нами каменные плиты с петроглифами.

КАМЕННАЯ ПЛИТА № 1

Находилась на высоте около 2,5 м над современным уровнем Онежского озера, на удалении 12,5 м от центральной части петроглифической композиции на оконечности мыса и на 12 м западнее места первоначального расположения. Размеры плиты составляют 101 x 192 см, ее толщина колеблется от 5 до 31 см. На гладкой стороне плиты имеется слабо заметное ребро. Плиту пересекает кварцевая жила, расположенная почти параллельно ребру. На плите зафиксировано 19 силуэтных фигур (рис. 2), из них 15 целые, 2 слегка поврежденные (№ 7, 19), 2 сильно фрагментированные (№ 11, 13). Выбивка не имеет следов залощенности, характерной для петроглифов, расположенных у уреза воды. Это может быть связано с тем, что каменная плита № 1 была сдвинута с оконечности мыса уже несколько тысячелетий назад. На плите имеются три антропоморфные фигуры, 12 символических изображений, включая три лунки и одну фрагментированную фигуру, одно изображение лодки, три неясных изображения, включая одно фрагментированное.

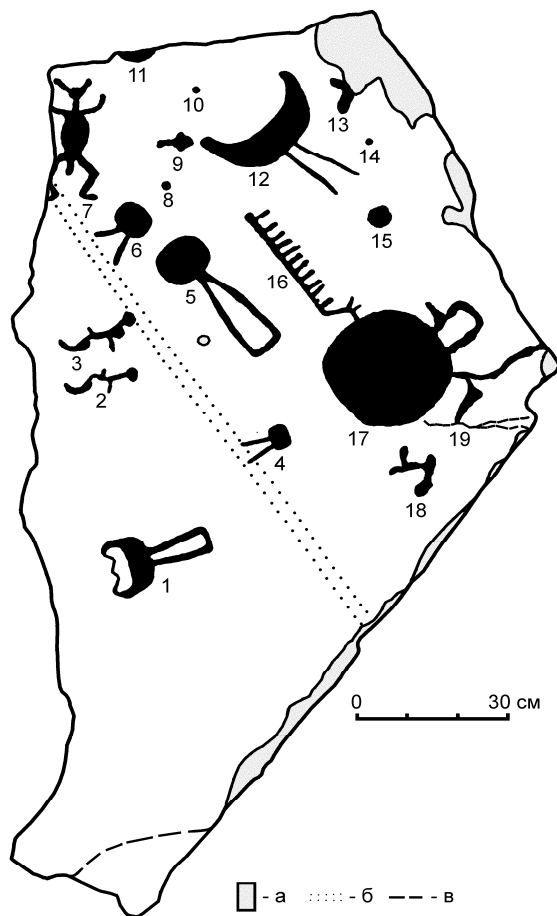

Рис. 2. Каменная плита с петроглифами № 1
а – участки плиты со сбитой гладкой поверхностью, б – кварцевая жила, в – скальная трещина

Изображение № 1 – символическая фигура в виде полумесяца, от выпуклой стороны которого отходит выступ в виде петельки. «Рога» полумесяца соединены линией в виде зигзага. Размеры фигуры – 12,3 x 21,3 см.

Изображения № 2–3 представляют собой композицию из двух сходных антропоморфных фигур. Композиция напоминает сцену танца или шествия. Оба персонажа изображены в профиль. Хорошо различимы голова, туловище, рука и нога. Скорее всего, выступ в средней части туловища фигуры обозначает фаллос. У одной из фигур на спине (?) имеется округлый выступ. Размеры фигуры № 1 – 5,4 x 14,5 см, фигуры № 2 – 7,6 x 15,7 см. Данная композиция является уникальной для Онежского святилища.

Изображение № 4 – символическая фигура в виде овала, от которого отходят два луча. Размеры – 5,2 x 10,4 см.

Изображение № 5 – символическая фигура в виде овала, от которого отходит выступ в виде петельки. Размеры – 10,6 x 30,0 см.

Изображение № 6 – символическая фигура в виде овала, от которого отходят два луча. Размеры – 7,5 x 13,5 см.

Изображение № 7 – антропоморфная фигура с обозначенным фаллосом, поднятыми руками, головой с двумя выступами (рогами?). Фигура выполнена фронтально. Одна из поднятых вверх рук сохранилась лишь частично. У фигуры поврежден край одной ноги. Ее размеры – 11 x 27,2 см. Подобное изображение впервые обнаружено на Онежском озере.

Изображение № 8 представляет собой лунку диаметром 1,8 см.

Изображение № 9 выбито нечетко; скорее всего, представляет собой однолучевую символическую фигуру. Размеры – 4,4 x 7,4 см.

Изображение № 10 – лунка диаметром 1,7 см.

Изображение № 11 сохранилось частично. Представляет собой символическую фигуру, от которой сохранилась лишь часть овала или круга. Размеры – 2,5 x 7,5 см.

Изображение № 12 – символическая фигура в виде полумесяца, от выпуклой стороны которого отходят два луча. Размеры – 23,8 x 29,3 см.

Изображение № 13 сохранилось частично. Его размеры – 4 x 5,1 см.

Изображение № 14 представляет собой лунку диаметром 1,3 см.

Изображение № 15 – нечеткий круг диаметром 4,7 см.

Изображение № 16 – лодка с 12 «пассажирами», обозначенными столбиками. Корпус лодки выполнен в виде линии. Нос лодки, которым она «упирается» в символическое изображение № 17, представляет собой изображение головы лося. Размеры лодки – 7,0 x 30,8 см.

Изображение № 17 – символическая фигура в виде овала, от которого отходит выступ в виде петельки. Петелька выбита частично поверх иной фигуры, от которой сохранилась лишь

часть, наблюдаемая в виде выступа, отходящего от края петельки. Размеры – 23,5 x 32,1 см.

Изображение № 18 – неясная по характеру фигура (лодка?). Размеры – 9,4 x 10,8 см.

Изображение № 19 – неясная по характеру фигура, возможно, состоящая из двух отдельных изображений. Один край изображения № 19 перекрывает символической фигурой № 17. Другой край примыкает к краю плиты, возможно, утрачен. Размеры – 10,9 x 22,6 см.

ПЛИТА № 2

Находилась в расщелине в северной части мыса почти на высоте современного уровня Онежского озера, на 8 м северо-западнее первоначального места расположения. Размеры плиты составляют 66 x 121 см, толщина колеблется от 6 до 30 см (в центральной части плиты).

Было выявлено пять фигур (рис. 3). В отличие от плиты № 1, фигуры здесь оказались сильно заглажены. Изобразительный характер трех фигур на каменной плите № 2 не вызывает сомнения (№ 1–3). Не исключено, что две другие фигуры в виде линии и нечеткой лунки могут иметь естественный характер.

Изображение № 1 – символическая фигура в виде овала, от которого отходят два разных по длине луча. Размеры – 11,1 x 12,8 см.

Изображение № 2 – символическая фигура в виде полумесяца, от выпуклой стороны которого отходят два луча. Рога полумесяца соединены линией в виде зигзага. Размеры фигуры составляют 13,4 x 17,8 см.

Изображение № 3 – контурная фигура лебедя. Ноги лебедя обозначены в виде столбика. Размеры фигуры – 18,3 x 31,4 см.

Изображение № 4 представляет собой нечеткую выбивку в виде круга диаметром 2,7 см.

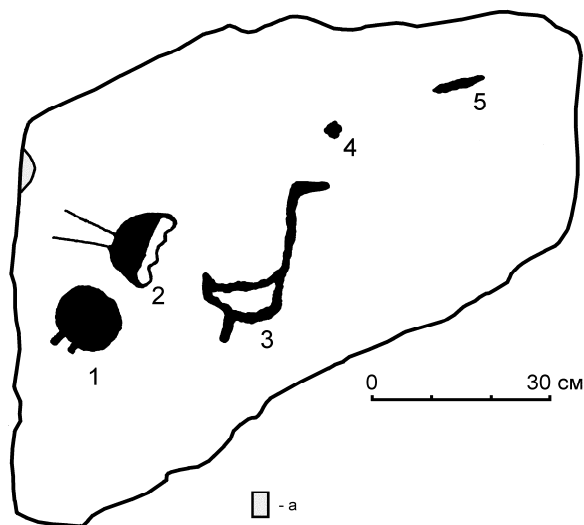

Рис. 3. Каменная плита с петроглифами № 2
а – участки плиты со сбитой гладкой поверхностью

Изображение № 5 выполнено в виде короткой линии. Размеры – 1,8 x 7,6 см.

ПЛИТА № 3

Обнаружена рядом с плитой № 2. Размеры составляют 43 x 75 см, толщина колеблется от 12 до 20 см. На плите четко видна выбивка в виде лунки диаметром 1,2 см.

ПЛИТЫ № 4 И 5

Открыты в 2004 году членом Эстонского общества первобытного искусства Л. Йыэкалда. Плита № 4 находилась в ложбинке между выходами скалы в северной части мыса, на 11 м северо-западнее места первоначального положения, на высоте примерно 1,4 м над уровнем воды в Онежском озере. Размеры плиты составляют 67 x 110 см, толщина колеблется от 23 до 30 см. Плиту пересекает кварцевая жила. На плите имеется контурное изображение лося размером 32,3 x 44,5 см (рис. 4).

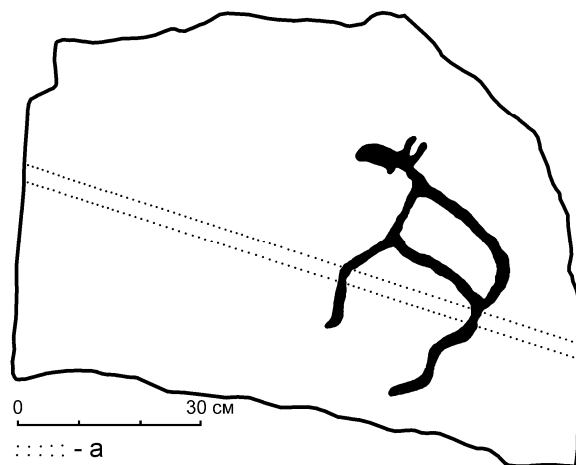

Рис. 4. Каменная плита с петроглифами № 4
а – кварцевая жила

Плита № 5 была расположена на 1,5 м восточнее плиты № 4. Размеры плиты составляют 37 x 77 см, толщина колеблется от 5 до 22 см. На плите имеются два изображения, одно фрагментированное, второе представляет собой нечеткую выбивку.

Изображение № 1 на плите № 5 фрагментировано, имеет размеры 3 x 5,7 см.

Изображение № 2 представляет собой нечеткий круг, от которого отходит один луч. Размеры – 2,6 x 5,7 см.

ПЛИТА № 6

Была обнаружена в расщелине в северной части мыса под намывным песком, неподалеку от плит № 2 и 3. На этой плите отсутствуют изображения, однако на ней имеется кварцевая

жила, аналогичная пересекающей плиту № 4. Это дает основание полагать, что плита № 6 также происходит с оконечности мыса. Размеры каменной плиты № 6 составляют 28 x 48 см, толщина – до 19 см.

ПЛИТА № 7

Была найдена на удалении 15,5 м от места первоначального расположения на оконечности мыса, на высоте около 3 м над естественным уровнем Онежского озера.

Плита имеет следующие размеры: длина – 2,47 м, ширина – 0,72–0,83 м, толщина в северной части – 24–49 см, в южной части – 9–20 см. Южная часть плиты к моменту обследования откололась, видимо, вследствие пожара. Отколовшийся кусок распался на три части. На плите № 7 имеются три изображения (рис. 5).

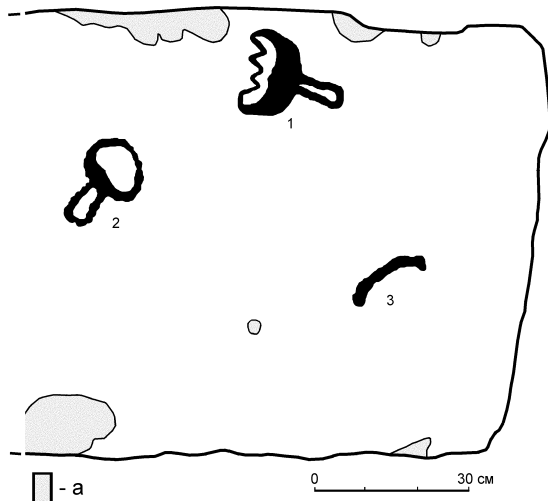

Рис. 5. Фрагмент каменной плиты с петроглифами № 7
а – участки плиты со сбитой гладкой поверхностью

Изображение № 1 – символическая фигура в виде полумесяца, от выпуклой стороны которого отходит выступ в виде петельки. Рога полумесяца соединены линией в виде зигзага. Размеры фигуры – 16,6 x 19,3 см.

Изображение № 2 – символическая фигура в виде полумесяца, от выпуклой стороны которого отходит выступ в виде петельки. Рога полумесяца соединены изогнутой линией. Размеры фигуры – 12,5 x 18,3 см.

Изображение № 3 – символическая фигура в виде изогнутой линии. Размеры фигуры – 2,5 x 15,5 см. Рядом с изображением № 3 находится небольшое (2,5 x 3,1 см) овальное углубление с неровными краями, которое явно имеет естественный характер.

Всего на каменных плитах № 1–5 и 7 имеется 31 изображение.

В ходе работ по выяснению положения плит по отношению друг к другу самые легкие по весу плиты № 5 и 6 были временно установлены

на место их первоначального расположения, что подтвердило гипотезу об их происхождении с оконечности мыса. Кроме того, удалось состыковать между собой плиты № 4 и 6.

Остальные каменные плиты имеют достаточно большой вес, что исключало их перемещение на оконечность мыса Пери Нос VI. Для определения первоначального расположения плит нами были выполнены их плоские копии (прорисовки) из прозрачного полиэтилена. На них помимо петроглифов, краев плит и трещин был нанесен контур кварцевой жилы, пересекающей мыс в направлении северо-запад – юго-восток. Затем копии были состыкованы друг с другом на местах предполагаемого размещения с учетом их толщины, имеющихся трещин и кварцевой жилы, а также параметров сколотых участков скалы на оконечности мыса. В результате этой работы удалось определить места размещения всех семи плит, что позволило выполнить реконструкцию их размещения на оконечности мыса (рис. 6). Плита № 1 происходит из южной расщелины на оконечности мыса, остальные плиты находились на месте северной расщелины.

Имеющиеся данные позволяют оценить объем утрат наскальных изображений на оконечности мыса Пери Нос VI. Анализ размещения выбитых фигур на оконечности мыса показывает,

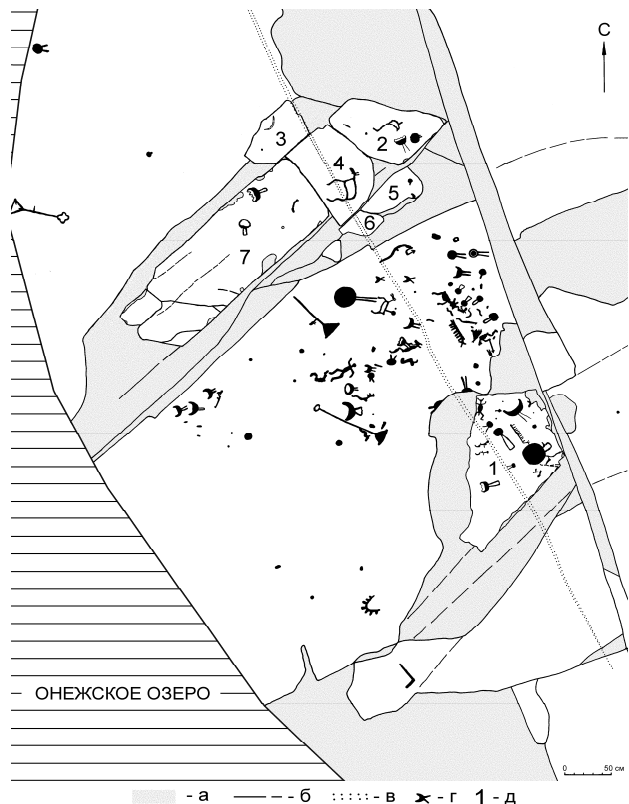

Рис. 6. Реконструкция первоначального расположения каменных плит № 1–7 на оконечности мыса Пери Нос VI
а – участки скал со сбитой поверхностью, б – скальная трещина, в – кварцевая жила, г – наскальное изображение (петроглиф), д – номер плиты с петроглифами

что к северу, востоку и западу от отколовшихся плит располагаются участки скалы, почти не имеющие изображений (рис. 6). Куски плит, сколотые с данных участков, скорее всего, не имеют петроглифов. Судя по имеющимся фрагментам фигур, как минимум несколько изображений могли размещаться на участках скалы, находившихся к северу от места размещения плиты № 1 и к югу и юго-востоку от плит № 5 и 6.

Новые исследования состава и размещения фигур на мысе Пери Нос VI позволяют в перспективе пролить свет на вопрос о предназначении данного петроглифического святилища.

На мысе Пери Нос VI имеется множество мифологических образов (лось-солнце, уникальный знак небосвода, «человеколось», ритуальная охота, фигурка «шамана»). Однако самая большая загадка этого мыса – многочисленные символические изображения, не имеющие аналогий в природных объектах, животном мире и предметах быта. Благодаря новым находкам их число на мысе Пери Нос VI возросло почти в два раза.

Нигде в первобытном наскальном творчестве Северной Европы нет такого обилия и разнообразия символических изображений, как на берегах Онежского озера. Всего здесь насчитывается более 150 символических изображений, большей частью представляющих собой круг, полукруг или серповидную фигуру, от которых часто отходят две короткие линии, иногда образующие петлю или зигзаг. Большинство исследователей трактует их как лунарные или солярные знаки. Однако остается неясным, почему эти знаки имеют так много вариантов – более 20 различных типов.

Мыс Пери Нос VI, где в обилии представлены символические фигуры, расположен между оконечностью Бесова Носа, где представлены образы нижнего мира, и мысом Пери Нос III, наскальные изображения которого связаны в основном с образами первопредков, темой жизненного цикла человека, воспроизводства новых поколений (эротическая сцена, сцены дефлорации и деторождения) [3]. Таким образом, залив между мы-

сами Пери Нос III и Бесов Нос представляет собой своеобразную дугу, связывающую воедино «жизнь» и «смерть». Посередине между ними и находится мыс Пери Нос VI, который условно можно назвать «шаманским», так как здесь в первую очередь представлен астральный знаковый комплекс. Известно, что такого рода знания в древности были эзотерической информацией, доступной лишь особым лицам (посредникам между мирами). Ориентировка символических фигур на этом мысу имеет определенные закономерности. Так, четко выделяются как минимум три группы подобных изображений: лучи и петли первой группы ориентированы примерно на северо-восток, второй – на восток, а третьей – на юго-запад. Другие изображения на Онежском озере не обнаруживают подобной устойчивой ориентировки. Возможно, избыточная вариативность загадочных знаков отражает многообразие фаз луны, передает движение светил по небосклону. Это подтверждает и новая находка: на обломке каменной плиты есть мужская фигура с «рогами», которые не имеют аналогов в фауне тайги, но очень напоминают серп луны. На онежском святилище имеются и другие свидетельства процесса олицетворения небесных светил в облике антропоморфных персонажей.

Считается, что астрономические наблюдения получили широкое распространение лишь у тех древних народов, которые активно занимались земледелием, однако очевидно, что наблюдения за фазами Луны и положением других светил были актуальны и для первобытного населения Карелии. Возможно, они помогали определять время совершения ежегодных ритуалов, а также сроки нереста различных видов рыб на Онежском озере. Пока ясно одно: в наскальных рисунках мыса Пери Нос VI с помощью лунарных и солярных знаков, а также семантически близких им зооморфных персонажей (лося и лебедя) отражены мифические представления древних охотников о смене дня и ночи, лунном и годичном (солнечном) цикле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюсов А. Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 169–194.
2. Девятова Э. И. Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск: Карелия, 1988. 110 с.
3. Жульников А. М. Петроглифы Онежского озера: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.
4. Линецкий А. М. Петроглифы Карелии. Т. I. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.
5. Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Академия наук СССР, 1936. 212 с.
6. Равдоникас В. И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология. 1937. № 4. С. 11–32.
7. Равдоникас Ф. В. Лунарные знаки в наскальных изображениях Онежского озера // У истоков творчества. Новосибирск: Наука, 1978. С. 116–132.
8. Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 2: Стоянки. Л.: Наука, 1977. 444 с.
9. Савватеев Ю. А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1983. 216 с.
10. Столяр А. Д. «Жезлы» онежских петроглифов и их материальные прототипы // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. М.: Наука, 1983. С. 145–158.
11. Цуцкин Е. В. Подводные исследования в районе Онежских петроглифов // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 34.
12. Hallström G. Monumental Art of Northern Europe from the Stone Age. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1960. 403 p.
13. Poikalainen V. Rock art of Lake Onega. Tartu, 2004. 64 p.
14. Poikalainen V., Ernits E. Rock Carvings of Lake Onega: The Vodla Region. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, 1998. 432 p.

ОЛЬГА ИВАНОВНА ХОДАКОВСКАЯ

кандидат философских наук (г. Санкт-Петербург)

*delfinhod@rambler.ru***В. А. НЕКРАСОВ И ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ ОЛОНЕЦКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ**

Публикация воспоминаний В. А. Некрасова (1892–1987) раскрывает неизвестные страницы истории Олонецкой духовной семинарии и повседневной жизни Петрозаводска в начале XX века. Большое внимание в воспоминаниях уделено видному деятелю Русской православной церкви Н. К. Чукову (с 1942 года – инок Григорий), который в 1911–1918 годах был ректором Олонецкой духовной семинарии, а в 1945–1955 годах – митрополитом Ленинградским и Новгородским.

Ключевые слова: Петрозаводск, Олонецкая духовная семинария, история православия в Карелии, Н. К. Чуков

О судьбах выпускников Олонецкой духовной семинарии известно сравнительно мало. Девятнадцатый век безнадежно отдалил их от нас, а век двадцатый стер память о многих из них в силу жестких исторических событий. Между тем личность, ее интонация составляют живую ткань истории. Тому, кто уже в наше время перелистывал подшивку журнала «Олонецкие епархиальные ведомости», мог попасть на глаза текст выступления воспитанника 4-го класса Олонецкой духовной семинарии Некрасова на юбилее инспектора. Через 75 лет в некрологе доценту Ленинградской духовной академии Владимиру Афанасьевичу Некрасову, помещенном в журнале Московской патриархии [2], было упомянуто об этом выступлении: его поручили Владимиру Некрасову как лучшему ученику. Как же было на самом деле? В 1911 году произошло чествование инспектора семинарии Василия Ивановича Лебедева – исполнилось 25 лет его педагогической службы. В зале семинарии проходило собрание корпорации, учащихся,

служащих. Выступали с речами ректор, протоиерей Николай Кириллович Чуков, многие преподаватели, представители выпускного класса... Все шло по заранее утвержденному в таких случаях порядку. Но вдруг совершенно неожиданно из толпы буквально выскочил Владимир Некрасов из 4-го класса и также обратился к юбиляру с речью. Конец ее был таков: «Чем мы, Ваши воспитанники, можем вознаградить Вас за Ваше отеческое о нас попечение? Злата-серебра мы не имеем, но зато у нас нечто более ценное: любовь и глубочайшее уважение к Вам... Эти чувства не умрут в нашем сердце, пока мы будем живы». Это приветствие подействовало на юбиляра сильнее всего. Он не смог сдержать слез. Без сомнения, это был успех. Тем не менее ректором было сделано замечание, тактичное и деликатное:

– Победителей не судят, но все же, господин Некрасов, Вы должны были сообщить, раз уж Вам захотелось выступить, заранее.

«Я же боялся, – вспоминал доцент Ленинградской духовной академии Владимир Афана-

сьевич Некрасов, – что в текст моей речи вмешаются, внесут какие-нибудь изменения. Мне этого так не хотелось!»

Через 35 лет бывший олонецкий ректор стал одним из первых лиц РПЦ. Митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) восстановил разрушенное к тому времени в России духовно-богословское образование. В 1946 году в Ленинграде были вновь открыты духовная семинария и духовная академия. Митрополит Григорий подбирал для них кадры. Он старался набрать людей, в которых был уверен. Не удивительно, что среди них были люди, знакомые ему по до-революционному Петрозаводску. Так, был приглашен на преподавательскую работу протоиерей Иван Стефанович Козлов, бывший олонецкий епархиальный миссионер, учащийся богословских классов при Олонецкой духовной семинарии. За год до этого, в 1948 году, в здании на Обводном появился внешне ничем не примечательный учитель из школы рабочей молодежи при заводе «Марксист». Можно представить, какие чувства охватили его, когда в вестибюле учебного заведения он увидел большой образ Спасителя. Это был тот самый юноша, выпивший так неожиданно с речью на юбилее.

Как же сложилась биография Владимира Афанасьевича Некрасова? Сын сельского священника, служившего в дер. Нижняя Водлица (Водла) Олонецкой губернии, был одним из самых даровитых воспитанников Олонецкой семинарии. По ее окончании в 1913 году поступил в Петроградскую духовную академию с лучшими результатами по вступительным экзаменам. Закончил ее по первому разряду. Звание кандидата богословия получил за сочинение «Проблема жизни и смерти в художественном творчестве Льва Толстого». Владимир Некрасов был не только обширно начитан, сформирован на идеалах русской литературы XIX века, но был одаренным художником. Только на одной выставке в Петрозаводске в 1912 году было выставлено 36 его работ. В Духовной академии он – чуткий слушатель лекций профессора церковной археологии Николая Васильевича Покровского – крупнейшего авторитета в этой области. После Великой Отечественной войны в воссозданной теперь уже Ленинградской духовной академии именно Некрасов стал продолжателем его дела – преподавателем церковной археологии, собирателем церковно-археологического кабинета академии. В стенах Ленинградской духовной академии ему довелось стать преподавателем двух будущих патриархов: Приснопамятного Алексия II и ныне управляющего Русской православной церковью патриарха Кирилла.

В «Журнале московской патриархии» появлялись его статьи о ленинградских соборах: Богоявленском, Троицком. В библиотеке академии хранится рукопись подробного исследования по истории строительства Троицкого собора Александро-Невской лавры. Владимир Афанасьевич

начал с того, что в качестве помощника библиотекаря, а потом заведующего библиотекой составлял картотеку книг богословского содержания, в огромном количестве поступивших из антирелигиозных фондов Публичной библиотеки. Поначалу Некрасов преподавал гомилетику в семинарии. Он жаловался, что этот курс ему приходится готовить ночами. Сорок лет нанесли богословским знаниям урон, который необходимо было срочно восполнять.

В 1917 году, после окончания Духовной академии, его призвали на военную службу и направили на ускоренные офицерские курсы в Павловское училище. Курс подошел к концу в октябрьские дни 1917 года. Первый год рабоче-крестьянской революции Некрасов перебивался на случайных работах, а потом был призван в Красную армию. Служил инструктором в Нарвском резервном полку, курсантом всеобща, был на Северо-Западном фронте. А в 1924 году после демобилизации стал на долгие годы простым учителем географии, русского языка, черчения: в Важинах, Лодейном Поле, с 1931 года – в Ленинграде в школах рабочей молодежи при больших заводах: «Красный Треугольник», «Радиокоминтерн», в ФЗУ при кожевенном заводе «Марксист». Лица, подобные Некрасову, в советской средней школе нашли нишу, где были востребованы их знание, их нравственная культура. Не случайно многие из привлеченных митрополитом Григорием в послевоенную духовную школу пришли туда из учительских. Кстати сказать, они задавали уровень советской школы того времени.

Скончался Некрасов в начале перестройки на 95-м году жизни. Он немногим пережил своего брата Петра Афанасьевича Некрасова (1895–1984) – выпускника Олонецкой духовной семинарии 1917 года. Еще один олонецкий питомец протоиерея Николая Кирилловича Чукова стал доктором наук, физиологом, профессором и заведующим кафедрой физиологии Курского медицинского института [1; 78].

Публикуемые здесь воспоминания Владимира Афанасьевича об Олонецкой духовной семинарии были сделаны в виде заметок на клочках бумаги в глубоко преклонном возрасте. Но еще в 1949 году, 14 октября, на торжественном собрании в Ленинградской духовной академии по поводу присуждения степени доктора богословия митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Григорию (Чукову), бывшему ректору Олонецкой духовной семинарии, прозвучал доклад доцента В. А. Некрасова, в котором также присутствовала тема воспоминаний об Олонецкой духовной семинарии [3]. Оба текста приводятся в данной публикации.

В воспоминаниях воссозданы картины, ярко запечатленные в памяти бывшего олонецкого семинариста. Сказалось и то обстоятельство, что Некрасов стал профессиональным педагогом. Строй семинарии он анализирует как педагог,

отмечая достоинства и недостатки воспитательной системы.

Сейчас, когда существует ярко выраженная тенденция исключать из школьного дела задачи воспитания и оставлять чисто образовательный процесс, опыт старой русской школы, в том числе Олонецкой духовной семинарии, приобретает особую значимость.

Автор публикации выражает благодарность Александру Константиновичу Галкину (г. Санкт-Петербург) за предоставление хранившихся у него рукописных заметок Некрасова, из которых составил¹ первый из двух помещенных здесь текстов.

В. А. Некрасов

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОЛОНЕЦКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

В начале XX века наиболее значимыми приметами губернского Петрозаводска были крупный чугунолитейный завод и пять соборов с большим количеством духовенства. В городе имелся также целый ряд учебных заведений: Духовное училище, Духовная семинария, Епархиальное женское училище, Учительская семинария, педагогический женский техникум, мужская и женская гимназии и ряд начальных школ.

Наброски воспоминаний о времени моего пребывания в Олонецкой духовной семинарии (1907–1913) считаю необходимым начать с краткой характеристики двух первых ректоров – архимандритов Фаддея² и Никодима³. Оба они были как монахи людьми бессемейными и одинокими. При этом за свои высокие личные качества и образованность пользовались большим уважением учащихся и городской общественности.

В пору моего поступления в Олонецкую духовную семинарию, то есть в августе – сентябре 1907 года, ее ректором был архимандрит Фаддей. Это был человек не от мира сего; настоящий аскет, воплощение христианского смирения, кротости и постоянного богомыслия, при том на редкость добрый и благожелательный человек⁴, кроме того, большой любитель произносить проповеди. Он произносил их обычно в конце обедни, с амвона, опираясь на посох. Однако содержание проповедей почти всегда носило печать аскетических поучений и было мало связано с реальной жизнью, а вследствие слабого голоса архимандрита произношение их было едва слышно и маловыразительно. Проповеди его успеха у семинаристов не имели. Кроме того, ходили слухи, что о. Фаддей отрицательно относился к бальным танцам, считая, что соприкосновения при танцах – это путь к разврату. Правда, вечера с танцами в семинарии при нем никто не отменял. Спустя год или два он был произведен в епископы и направлен викарным архиереем в Южную Россию.

Архимандрита Фаддея заменил другой ректор – архимандрит Никодим. Второй ректор был

физически крепче, с голосом сильным и четкой литературной речью. Эти преимущества заставляли воспитанников выслушивать его выступления с достаточным вниманием и интересом. Он выступал обычно в семинарском зале. Говорил громко, четко, никогда не имел заранее приготовленных записей для выступления. Я хорошо запомнил один случай, когда архимандрит Никодим быстро и умело познакомил преподавателей и учащихся, собравшихся в зале семинарии, с неправильным учением какой-то секты, представители которой прибыли из-за границы в Петрозаводск. Ректор, пользуясь одной Библией, легко разбил учение сектантов о том, что на земле нет и не может быть праведников. Помню еще, что этот ректор написал литературно и живописно, прекрасным житийным языком два жития малоизвестных олонецких святых. Эти жития были помещены в еженедельном издании «Олонецкая неделя», которое основали и редактировали о. Николай Чуков и преподаватель семинарии Михаил Павлович Смирнов. И то, и другое свидетельствовало о высоком уровне богословского образования о. архимандрита.

Мне кажется, архимандрит Никодим пытался как-то духовно сблизиться с воспитанниками. Я тогда был во втором или третьем классе. Он иногда заходил в какой-нибудь класс, случалось, что и в тот, в котором я учился, обычно вечером. В эту пору воспитанники готовили уроки, или писали сочинения, или читали художественную литературу, иногда всем классом пели какую-нибудь любимую песню (например, «Хаз Булат удалой»). Ректор делал некоторые замечания, иногда шуточные, иногда деловые. Заходил он и в спальни и тоже пробовал беседовать с воспитанниками на житейские темы, но мелкие, малоинтересные нам. Настоящего духовного общения между ним и нами, мне кажется, не было; вероятно, потому, что ректор не сумел (или не хотел) найти для беседы более важных для жизни вопросов. Я имею в виду младшие классы, в одном из которых я тогда состоял. Не уверен при этом, насколько точны здесь мои воспоминания, кроме того, мне неизвестно, о чем и как беседовал ректор с учащимися старших классов. А вот успеха в духовном сближении с учащимися младших классов семинарии все-таки не было. Это, вероятно, объяснялось тем, что на нас ректор смотрел как на недоростков, с которыми трудно беседовать на серьезные темы богословского и религиозно-нравственного характера. Но были и другие причины неуспеха. Это неподготовленность к беседам, а между тем интересных материалов для них было много. Хотя бы русская художественная литература (Л. Толстой, Чехов, Лесков и др.) или произведения живописи, например картина в Братском доме; Репин; историческая литература; Русско-японская война; некоторые события войны 1812 года, столетие которой широко отмечалось, а к юбилею готовились задолго до его проведения.

Вероятно, он очень плохо знал современную ему молодежь, плохо представлял, чем жил современный ему семинарист по своему духовному и культурному уровню, как он вырос в первое десятилетие XX века.

Посещение же классов и спален учащихся, попытка сближения с ними все же свидетельствовали о живом интересе и добрых чувствах ректора Никодима к воспитанникам. Можно не сомневаться, что в области благосостояния семинарии он как глава заведения играл только положительную роль. Это же можно отнести и к его предшественнику архимандриту Фаддею.

Вскоре и архимандрит Никодим был удостоен епископского сана и также направлен куда-то на юг. Некоторое время семинария оставалась без ректора. Наконец в результате обстоятельного обсуждения в соответствующих инстанциях на должность ректора семинарии был назначен соборный протоиерей г. Петрозаводска, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой епархии протоиерей Николай Кириллович Чуков.

С момента этого назначения в семинарии начали происходить значительные изменения. Безусловно, и до ректорства о. Николая Чукова жизнь семинарии не стояла на месте, постепенно происходили перемены, содействовавшие подъему ее общего благосостояния и духовному росту воспитанников.

Прежде всего, в Олонецкой духовной семинарии был достаточно удачный состав преподавателей. Большинство хорошо знали свой учебный предмет и умели заинтересовать им. Прекрасно вели занятия по истории русской литературы Костяков, Шайжин и еще один, заменивший ушедшего Костякова. По Ветхому Завету – Н. П. Громов, по математике и физике – А. К. Бурцев, по психологии – В. Мельников. По истории философии отличался эрудицией И. И. Поспелов. Значительно слабее их были Ф. А. Милотворский по греческому языку и Д. П. Ягодкин по гражданской истории. Среди преподавателей эти двое представляли старое поколение. Из молодых недостаточно владел своим предметом (основное богословие) Д. Шумов.

Почти все преподаватели при ознакомлении с заданием на следующий урок выходили за пределы учебника и добавляли что-нибудь новое, интересное. Например, Николай Петрович Громов (Ветхий Завет) умел очень интересно сопоставлять библейские сказания о сотворении мира и человека с новейшими исследованиями и теориями о происхождении материков, океанов, горных хребтов, древних обитателей на планете и т. п. Одним словом, пытался как-то примирить Библию и науку. Это был увлеченный преподаватель. Аналогично вел занятия в 4-м классе по физике Александр Кондратьевич Бурцев, у которого для этого имелись все возможности. Между прочим, в кабинете по физике была даже астрономическая труба больше метра длиной, в кото-

рую можно было увидеть два спутника планеты Марс. Математика, к сожалению, прорабатывалась менее углубленно. Тот же Бурцев преподавал алгебру и тригонометрию. За недостатком времени алгебра давалась очень сжато, заучивались простейшие формулы: квадрат суммы и разности двух чисел, куб суммы и разности двух чисел. Решались простейшие тому примеры. Тригонометрия совершенно не укладывалась в наши головы. Даже лучшие ученики класса могли лишь с большим напряжением решать простейшие задачи.

Психологию в 3-м классе преподавал Мельников... Запомнилась его лекция «О происхождении жизни». В некоторых случаях он брал материал из лекций профессора Петербургской духовной академии В. Серебрянникова, а иногда давал эти лекции учащимся, у которых возникал интерес к тому или иному вопросу.

Преподаватель по Новому Завету Василий Иванович Лебедев, несмотря на многолетнюю педагогическую службу, поражал замечательной увлеченностью своим предметом. Одновременно он являлся и представителем администрации семинарии, занимая пост инспектора. У него было два помощника, добросовестные работники. Но сам Василий Иванович являл собой образец очень опытного, знающего все трудности своего положения администратора. При этом был необыкновенно добрым человеком, недаром ему присвоили прозвище «папаша». Между прочим, он мечтал стать священником, но едва ли это ему впоследствии удалось...

Некоторые из изменений в укладе семинарии в конце первого – начале второго десятилетия XX века были естественным плодом внутреннего развития, причинами других служили крупные исторические события тех лет. Учеником духовного училища я довольно часто навещал своего брата, семинариста, когда он учился в семинарии, и любил наблюдать над его товарищами. Припоминаю, что большинство воспитанников семинарии конца XIX – начала XX века отличались неким благообразием, они производили впечатление уже взрослых людей, серьезных, солидных, начитанных. Это часто были люди вежливые, хорошо одетые и умеющие вести себя в обществе с достоинством. Я знал, что многие из них имели знакомство с весьма уважаемыми в городе лицами – чиновниками губернского правления, духовной консистории, духовенством, были приняты в их семьях и семьях старой интеллигенции. Постепенно на смену старого образа семинариста пришел новый тип воспитанника семинарии с отличавшим его более широким духовным кругозором⁵. <...>

На протяжении ряда лет, в том числе когда ректорами семинарии состояли архимандриты Фаддей и Никодим, у воспитанников наблюдался большой интерес не только к церковному, но и светскому пению. Новые произведения певче-

ского искусства разучивали и с ними выступали на литературно-вокально-музыкальных вечерах, которые устраивались в семинарии. По просьбе любителей рисования в семинарии был создан рисовальный класс, руководителем которого пригласили местного художника Андрея Лукьяновича Андреевского.

Семинаристы всегда отличались любовью к пению и музыке, многие старались усовершенствоваться в игре на инструменте или пении. Эта особенность вполне соответствовала их будущему назначению – быть священниками... К сожалению, за отсутствием рояля и пианиста-учителя для обучения игре на этом великолепном инструменте приходилось ограничиваться игрой на венской гармонии с довольно сложной клавиатурой в три яруса. Некоторые семинаристы (Миша Хотеновский и Тялшинский) получили известность как замечательные мастера играть на этом музыкальном инструменте. Они овладели им без всякой посторонней помощи. Даже принято было приглашать их как хороших музыкантов на семейные вечеринки. Находились еще любители игры на фисгармонии, которая обычно находилась в помещении 4-го класса.

Все это: рисование, музыка, пение – были проявлениями самобытной художественной деятельности семинаристов.

Некоторые любители чтения художественной литературы записывались в городскую библиотеку, где находили книги, которых не было в семинарской библиотеке.

Одновременно – в противовес умственному напряжению, труду, связанному с умственными занятиями, – семинаристы активно занимались физическими упражнениями на военно-гимнастическом городке.

С тыльной стороны семинарского здания располагался очень просторный двор. Он еще не был приведен в должный вид, то есть в сад или парк, в площадку для футбола или других игр. Лишь в одном его углу виднелся гимнастический городок, устроенный обычным образом: 3 столба с крышей, с висячими под крышей канатами, шестами, кольцами и большой лестницей. Рядом – горка для взбега, а с другой стороны – турник (деревянный), параллельные брусья. Здесь всегда толпились желающие развивать свои мышцы, силу, ловкость и смелость.

С лицевой стороны семинарского здания находился сад, овальный в плане, не очень большой, но благоустроенный и вполне удовлетворяющий семинарию. Его оградой были кустарные растения. Сад служил местом прогулок для мечтателей или юношей, наклонных к философским размышлениям.

Протоиерей Николай Чуков стал новым ректором с 1 февраля 1911 года. Благодаря своим выдающимся способностям организатора и администратора, талантливого ученого-педагога и опытного хозяйственника он сумел поставить семинарию на должную высоту во всех отношениях.

В силу многих причин протоиерей Николай Чуков оказался наиболее удачным ректором Олонецкой духовной семинарии. Он с живым интересом вникал во все стороны учебной, воспитательной и хозяйственной жизни вверенной ему семинарии. Быт воспитанников, их запросы были предметом постоянных его забот. Особое значение в деле формирования личности будущих священнослужителей о. ректор придавал живому общению. В высшей степени деликатный в обращении с сослуживцами и обслуживающим персоналом семинарии и гуманный по отношению к воспитанникам, он стремился своим собственным примером воздействовать на всех обитателей семинарии.

Он любил порядок, строгое исполнение своих обязанностей учащимися, был, когда нужно, суров, а вообще был человеком очень добрым, справедливым, прекрасным педагогом и в теории, и на практике. Недаром, будучи студентом Петербургской духовной академии, он очень интересовался педагогическими дисциплинами и серьезно изучал их.

Его первое богослужение в храме семинарии было совершено 13 февраля 1911 года. Перед богослужением о. Николай произнес вступительное слово, в котором прежде всего попросил своих сотрудников по семинарии о помощи ему и содействии его начинаниям. А в конце, обращаясь к семинаристам, сказал: «На вас лежит нравственный долг так подготовить себя здесь в духовной школе, чтобы потом во всеоружии развитого и обогащенного всеми необходимыми сведениями ума и нравственного опыта и всей молодой энергией выступить на общественное поприще и там всеми мерами, пламенным горением духа, упорно и напряженно, шаг за шагом содействовать поднятию в обществе христианского настроения, росту христианской идеи и усовершенствованию христианского строя в той сфере, какая каждому выпадет на долю».

Вступительная речь, ясная по содержанию, проникнутая твердым убеждением в непреложной истине ее основных положений и вдохновенная по силе внутреннего чувства, произвела огромное впечатление, особенно на семинаристов старших классов. Некоторые из старших воспитанников уже знали в лицо отца Николая, видели и слышали его на богослужениях в соборе, имея определенное и при этом положительное о нем мнение. С ним как епархиальным наблюдателем по церковно-приходским школам приходилось встречаться их старшим братьям и сестрам⁶. Доброе мнение составлялось и из иных источников. Нам было известно, что о. Николай был членом разных обществ – благотворительных и просветительских. На многочисленных съездах, конференциях, вообще, на всевозможных собраниях уступавшаяся практика почти всегда избирать председателем или секретарем именно его. Это свидетельствовало о его

широкой популярности в Петрозаводске и вообще в губернии. Ректор имел репутацию как человек умный, хорошо образованный, отлично знающий школьное дело, энергичный, властный и влиятельный.

Большое значение имело то обстоятельство, что он был человек семейный, имел в то время семью из 6 человек: кроме родителей – три мальчика и одна девочка. В общем, обычная русская семья. Дети не чуждались общения с семинаристами. Особенно охотно бывала в их обществе дочка ректора Анюта, девочка лет 5–6, очень живая, бойкая, собою миловидная. Она невольно вызывала мысль о пленительном образе Наташи Ростовской из романа «Война и мир». Анюта очень любила так называемые гигантские шаги, любила кружиться на канате вокруг столба. Конечно, это делалось только при помощи воспитанников семинарии, которые с удовольствием ее «кразносили» и сами также чрезвычайно увлекались этим аттракционом. Они поднимали ее на большую высоту, так что дух захватывало, а она ничего не боялась и испытывала лишь восторг.

Сам Николай Кириллович Чуков после окончания семинарии в Петрозаводске в течение двух лет был педагогом-надзирателем в Петрозаводском духовном училище. Я, проживши за четыре года ученья в том же Духовном училище в общежитии, очень хорошо понимаю, что служить надзирателем в этом общежитии – прекрасная педагогическая школа, которая у Николая Чукова дополнилась должностью епархиального наблюдателя. Отец Николай мог наблюдать немало подростков и юношей самого разнообразного темперамента, характера, разных степеней духовного и физического развития, с чем едва ли приходилось иметь дело архимандритам Фаддею и Никодиму. Он имел возможность изучить различные психологические типы молодых людей, чтобы в дальнейшем к каждому типу найти особый подход. А самый правильный подход к молодежи, учащейся в семинарии, – это осознание ее молодости, выявление ее важнейших возрастных интересов и потребностей и содействие всестороннему росту, подъему, развитию. Наиболее важные в жизни подростка и юноши потребности – это потребность в движении и, кроме того, это потребность наблюдать, видеть, слышать окружающий мир, выражать свои настроения и чувства и запоминать воспринятое. Очень важно при этом, чтобы воспитатель хорошо помнил свою молодость, юношеские года и юношеские интересы, увлечения, мечты, ошибки, духовные взлеты и т. д.

Если первые два ректора были далеки от интересов семинаристов, то о. Николай в этом отношении был другим и не чуждался общения с ними, любил и понимал молодость и сам когда-то, вероятно, был похож на свою Анюту. Понимая, что для юноши необходимо движение, гим-

настика, он поощрял разнообразные приспособления для нее, хлопотал об устройстве во дворе семинарии военного городка наподобие тех, которые были в военной части. Мы узнали, что в своем детстве он очень любил игру в солдаты, организовывал полки, армии, командовал ими и награждал наиболее ловких, умных и смелых орденами. Он знал наперечет все военные ордена и то, за что каждый из них дается.

Пение, музыку, живопись, рисование он находил важным образовательным и воспитательным средством, вводившим в жизнь подростков эстетическое чувство, мир красоты. По всему своему складу он не мог отрицать танца, подобно о. Фаддею. Кстати сказать, у нас, учащихся семинарии, даже установилась традиция заниматься практическим изучением наиболее принятых в то время танцев (краковяка, падекатра, вальса, польки). Эта практика обычно проходила после ужина и до молитвы, то есть с 9,5 до 10 часов вечера, после чего отходили ко сну. Отец ректор, вероятно, знал о нашем увлечении танцами, но не запрещал их.

Сам о. Николай очень любил церковное и светское пение, если оно удовлетворяло его художественному вкусу. Отчасти этому содействовало то обстоятельство, что его многоуважаемая супруга Валентина Дмитриевна получила музыкальное образование и была хорошей пианисткой, а один из его сыновей, Александр, будущий оперный певец, обладал хорошим баритоном.

Отец Николай Кириллович Чуков поощрял сближение семинаристов с обществом, по его твердому убеждению, будущий пастырь должен был знать паству, ее интересы и потребности. Он старался усилить в старших воспитанниках элементы «светскости». Внешний вид семинаристов, особенно старших классов, был вполне приличный. Они ходили либо в пиджачной паре, либо в сюртуках, либо в установленной к этому времени форме, умело пользуясь манишками, манжетами и галстуками, всем, чем полагается светскому человеку; знали правила вежливости и умели применять их.

По-видимому, ректор считал нужным понять психологию и образ мыслей семинаристов, имея в виду, чтобы те интересы их, которые не соответствуют духу Духовной школы, как-то отвести в сторону, постепенно выдвигая на первое место интересы, содействующие росту добрых задатков и углублению религиозной настроенности. Чтобы деятельность ректора в качестве доброго наставника была особенно плодотворной, конечно, было бы необходимо, чтобы она основывалась на конкретном, жизненном материале, которым так богаты произведения наших (Толстой, Чехов, Лесков, Достоевский) и иностранных (Диккенс, Гюго и др.) писателей. При этом хорошо припомнить самим воспитанникам случаи из собственного опыта и опыта исторического. К сожалению, эти приемы в семинарии так и не были использованы. По крайней мере, в

том классе, в котором я учился. Между тем воспитанники семинарии были достаточно начитаны для того, чтобы участвовать в разговорах на литературные и исторические темы. Вспоминаю, как мы, еще ученики IV класса Петрозаводского духовного училища, знакомились под руководством смотрителя училища Василия Николаевича Ильинского с сочинениями Жуковского, Пушкина, Гоголя и даже с отрывками из иранского эпоса.

В своем вступительном слове о. Николай обратился к своим сотрудникам с просьбой о помощи и содействии ему в его начинаниях. Какие же это были начинания?

Отец ректор стремился к тому, чтобы активизировать учебные занятия, сделать их более содержательными и полезными, чтобы учащиеся не ограничивались только слушанием и запоминанием учебного материала, но чтобы и сами в какой-то степени участвовали в его разработке. Например, предложить одному из них или небольшой группе из 2–3 человек разработать небольшой доклад на какую-нибудь интересную и важную тему. Я помню, как преподаватель истории философии Иван Иванович Поспелов предложил Александру Никонову, первому ученику по успехам в классе, разработать и прочитать на уроке доклад о Канте. Подробностей я не знаю, но помню, что доклад получился удачный, заинтересовал одноклассников Никонova. Мне кажется, что здесь дело не обошлось без о. ректора, который мог подать мысль о подобных докладах на Совете семинарии. Было и другое очень важное начинание нового ректора. При о. Николае для учащихся 5–6-х классов семинарии была введена практика произнесения проповедей (в дополнение к гомилетике) в семинарском храме, в церкви при архиерейском доме и в кладбищенском храме (в случае похорон лиц, имевших отношение к семинарии). Практика проповедничества была очень полезна выпускникам духовных семинарий – будущим пастырям или учителям начальных школ. Проповедь на любую тему может дать богатейший материал для религиозно-нравственного назидания и вместе с тем служить средством для развития логики, способности к самостоятельному исследованию и широким обобщениям. В 1912 году, когда вся страна отметила столетие победы над французским императором Наполеоном I, по указанию о. ректора темы проповедей в семинарском храме были согласованы с юбилейной датой. Воспитанник 6-го класса Иван Островский с воодушевлением произнес блестящую проповедь на текст «Взявший меч от меча и погибнет». Я свою проповедь на день св. Архистратига Михаила также постарался связать с победоносным окончанием войны 1812 года.

Эти проповеди явились одним из подготовительных мероприятий к проведению в стенах семинарии в честь и память незабываемого 1812

года года русской славы. Празднество было хорошо подготовлено и торжественно проведено. Зал семинарии был оформлен элементами художественных декораций силами рисовального класса под руководством его руководителя художника Андреевского. Многочисленные гости, приглашенные <на> праздник, видели перед собой портреты императора Александра I и М. И. Кутузова – главных исторических деятелей 1812 года, стоявших во главе русского народа, уничтожившего «великую армию» Наполеона, заставивших его обратиться в постыдное бегство из пределов России.

В том же 1910/1911 учебном году, когда я был учеником 4-го класса, проходило чествование инспектора семинарии Василия Ивановича Лебедева по случаю 25-летнего стажа его педагогической службы. В зале семинарии было устроено собрание всех сотрудников юбиляра, присутствовали учащиеся, служащие семинарии и просто знакомые юбиляра. Выступали с речами: новый ректор, протоиерей Николай Чуков, многие преподаватели и представители учащихся из 6-го выпускного класса. В речах была прекрасно охарактеризована личность Лебедева как человека выдающегося по своему гуманному, чисто отеческому отношению к учащимся и по неустанной его заботливости об их нравственном воспитании в строго христианском духе. Юбиляр был очень растроган. Но вдруг совершенно неожиданно для всех из людской массы, заполнявшей зал, выскочил я и также обратился к Василию Ивановичу с речью. Приведу ее конец: «Чем же мы, Ваши воспитанники, можем вознаградить Вас, дорогой Василий Иванович, за Ваше чисто отеческое о нас попечение? Злата и серебра мы не имеем, но зато у нас есть нечто более ценное. Это наша искренняя, живая, настоящая сыновняя любовь и глубочайшее уважение к Вам. Эти чувства никогда не умрут в нашем сердце, пока мы будем живы. Дай Вам Бог крепкого здоровья и библейского долголетия! Многая и многая Вам лета!» Почтительный юбиляр меня крепко обнял и горячо поцеловал. Мое приветствие на него подействовало, моему, наиболее сильному образом. Он не мог сдержать слез. Но ректор все же за мою речь сделал мне замечание, правда, очень тактичное и деликатное.

– Победителей не судят, как говорилось классиками древности, но все же, господин Некрасов, Вы должны были, раз уж вам захотелось произнести юбиляру речь, сообщить об этом мне заранее. Ведь чествование Василия Ивановича проходило по определенному плану, который был разработан своевременно. Отвечаю за этот план и его осуществление я, как ректор семинарии, как ее глава, а Вы этот план нарушаете.

Я был смущен, но извинился перед отцом ректором и обещал впредь никогда не поступать самовольно. Мое решение никого не посвящать в содержание своей речи до дня юбилея было

вызвано боязнью, что в мою речь могут внести нежелательные для меня исправления. В конечном итоге, все обошлось хорошо.

Я уже упоминал о рисовальном классе – одном из важных факторов духовного роста семинаристов. Руководителем рисовального класса состоял художник Андрей Лукьянович Андреевский, ученик художника Ю. Клевера⁷ (пейзажиста). Занятия проходили в определенные дни и часы в помещении Образцовой школы недалеко от здания семинарии. Ректор о. Николай поощрял занятия в рисовальном классе. По рекомендации Андрея Лукьяновича для рисовального класса были выписаны из Петербурга гипсовые фигуры, необходимые для рисования с натуры. Это были детали человеческого тела: глаз, ухо и необыкновенно удачный слепок, несколько больше натуральной величины, головы Антиноя – любимца императора Адриана. Этот образ считается идеалом юношеской красоты. Были также слепки листка, ветки. Кроме того, Андрей Лукьянович где-то раздобыл ряд репродукций с мужских портретов (в технике гравюры), женских голов и фигур. Но делались также и зарисовки из окружающей жизни. Рисование с обнаженной натуры в рисовальном классе не практиковалось. Некоторые из занимавшихся в рисовальном классе проявляли большое упорство, отдавали этим занятиям все свои силы.

В 6-м классе я получил разрешение по воскресным дням на целый день после церковной службы уходить к Андрею Лукьяновичу. Под его руководством я принимал участие в работе над изображениями Спасителя, Бога Отца Вседержителя, Божией Матери, апостолов, священных лиц и священных событий для иконостасов скромных сельских церквей. Заказы эти не были слишком сложны, а самые образы для иконостаса не были слишком крупными, поэтому работы по живописи можно было выполнять в довольно скромной квартире Андрея Лукьяновича. Было положено, чтобы я приходил к нему в воскресные и праздничные дни сразу после богослужения и обедал у него. Должен заметить, что супруга Андрея Лукьяновича была прекрасной хозяйкой и замечательным мастером по изготовлению разных блюд, так что, отказываясь от семинарского обеда, я ничего не терял. Моя работа состояла в том, чтобы, пользуясь некоторыми пособиями (рисунками), построить углем образ данного священного лика в основных чертах, передать правильные пропорции человеческого тела, а также сделать подмалевки (первоначальное изображение в красках), а затем иногда и продолжить работу дальше, следуя указаниям своего учителя. Окончательная отделка принадлежала учителю. Мое участие в работах над иконостасом принесло мне большую пользу, помогло мне развить мои способности к рисованию карандашом и живописанию и обогатило мое пони-

мание духовного мира, уяснение идеи святости. Мне даже удалось написать во время летних каникул (при переходе в 6-й класс) две иконы примерно в метр высотой: образы св. кн. Владимира. Они были помещены в семинарии в верхней части стены, отделяющей семинарскую церковь от продольного коридора. Издали они производили неплохое впечатление. Отец ректор нашел возможным поместить их в данном месте. Некоторые мои рисунки и опыты живописи масляными красками произвели на о. ректора (о. Николая) довольно приятное впечатление, и у него возникла мысль поручить мне написать несколько икон для семинарского храма.

Из факторов, которые формировали семинаристов, важнейшими были события в самой семинарии: учебные занятия, педагогическое воздействие администрации, инспектуры и преподавательского персонала.

Сюда нужно отнести и литературно-вокально-музыкальные вечера в семинарии, иногда под духовой оркестр. Обычно они проходили 2–3 раза в год. К ним готовились очень тщательно⁸.

В семинарии имелся хороший церковный хор на 2 клироса. Подготовка к церковной службе, особенно праздничной (спевки, чтение паремий), проходила под руководством опытного преподавателя пения Александра Петровича Максимова. На уроках пения он иногда разучивал с учащимися и светские произведения: отрывки из опер, например, из оперы «Демон». Вновь возвращаясь к тому, о чем уже упоминал: семинаристов особенно отличала любовь к пению, церковному и светскому. Пели иногда и всем классом, после уроков.

«Внутренние факторы» соседствовали с внешними влияниями. Такими, как посещение кафедрального собора, когда в нем совершались архиерейские богослужения; чтение Евангелия Скобелевым. Свой след оставляли «царские дни». После обедни в семинарской церкви и обеда многие семинаристы шли в такие дни к кафедральному собору, около которого возвышался памятник императору Александру II. Вблизи выстраивалась прекрасно вымуштрованная рота солдат во главе с офицерами. Вышедший из собора губернатор поздравлял участников парада с праздником, в ответ раздавался мощный и дружный ответ. После совершался торжественный марш-парад вокруг собора и памятника. Нам это очень нравилось.

Много для нас значили (в частности, для расширения кругозора в области международных отношений) события Русско-японской войны 1904–1905 годов. Будучи учеником духовного училища, «духовником», я ходил в семинарию к брату Мите. В актовом зале семинарии огромный стол был завален телеграммами, разными газетами и иллюстрированными журналами с сообщениями о ходе войны. Семинаристы их систематически прочитывали. Кроме того, все

они приняли участие в крупной патриотической демонстрации по случаю начала войны, в которой приняли участие разные слои городского населения, в том числе и учащиеся учебных заведений. Она проходила под мощные звуки духового оркестра, исполнявшего национальный гимн «Боже царя храни», под оглушительное почти непрерывное «ура!». Это был настоящий взрыв патриотических чувств.

Вспоминаются прогулки на Древлянку, архиерейскую дачу; также на пристань «на пробу». Зимой чугунолитейный завод совершал пробные выстрелы из новой пушки. На льду Онежского озера устраивалось сооружение из деревянных брусьев, которое служило для них мишенью. Семинаристы неизменно присутствовали на этом событии.

Среди событий, которые наполняли нашу жизнь, большое место занимали посещения Братского дома. Главное его помещение – обширный зал прямоугольной формы – был украшен огромной картиной в технике масляной живописи на евангельский сюжет. Она была написана монахом Лукой с какой-то немецкой гравюры. Картина покрывала всю торцовую стену. Сюжетом служила проповедь Иисуса Христа на Генисаретском озере. Колорит картины был прекрасен. Он ослеплял сиянием ярких красок – синих и светло-голубых, розовых, красных, желтых, зеленых на легких тканях, которые облекали фигуры многочисленных слушателей Спасителя, старых и молодых, мужчин и прекрасных женщин, дети которых играли на берегу озера. Все они составляли живописную группу, позади которой возвышались деревья с пышной листвой. Христос стоял в лодке у берега. Не буду говорить о некоторых недостатках картины. Они отступали перед сильным незабываемым впечатлением.

В этом зале устраивались разнообразные собрания и съезды представителей всевозможных общественных организаций: духовенства, школьных работников и других. Здесь проходили заседания Олонецкого отделения Карельского православного братства. Здесь устраивались религиозно-нравственные чтения и концерты – духовные и светские; иногда выступали представители местной интеллигенции с лекциями на разные темы и с сообщениями о современных событиях. Запомнилась лекция художника А. Лукьянова «О значении рисования и живописи в системе среднего образования». Таким, например, было и выступление помощника инспектора семинарии П. П. Мегорского, прибывшего из города Дальнего (рядом с Порт-Артуром) и рассказавшего о начале Русско-японской войны в январе 1904 года и гибели адмирала Макарова. Многие семинаристы и даже ученики расположенного почти рядом общежития Духовного училища любили посещать это место, где можно было послушать, увидеть и узнать много интересного и полезного. Братский дом был в то время своего рода клубом. Боль-

шим событием были для нас выступления здесь в течение нескольких дней 1911 года знаменитого в то время хора Агренева-Славянского. Вероятно, именно у семинаристов этот хор и вызывал наибольший интерес. Хористы были одеты в особые старинные костюмы из разноцветных тканей. Особенно поражали нас мощные басы. Они придавали своим умелым *fortissimo* какую-то необыкновенную силу песням, из которых некоторые были нам знакомы, но в исполнении их хором вызывали у нас настоящий восторг. Нам больше всего нравилась песня «Хаз Булат удалой, бедна сакля твоя...». Эта песня была сразу же включена в наш репертуар и стала у нас одной из самых любимых.

Несколько учащихся из старших классов семинарии, обладавших красивыми и сильными голосами (тенорами и басами), были приглашены в состав архиерейского хора и участвовали иногда в церковных концертах в Братском доме.

Большим недостатком в области культурной жизни Петрозаводска было отсутствие театра. Лишь только, кажется, в десятых годах мы увидели на ул. Пушкина довольно крупное деревянное здание с двумя ярусами окон, очень простое, похожее на обычный жилой дом. Но внутри оно было приспособлено для театральных представлений. Это был театр. Прямо против сцены устроены хоры. Нам, уже воспитанникам 5-го и 6-го классов, удалось все-таки побывать в этом театре 2–3 раза. Видели мы пьесу «Велизарий» (древний византийский полководец) и еще что-то, близкое к современности. Играла, кажется, какая-то приезжая труппа. Я был особенно поражен прекрасными, живописными декорациями, которые отлично дополняли игру актеров и помогали глубже почувствовать содержание пьесы.

Тогда же в городе появилось кино. Это поразительное чудо современной техники, дающее возможность увидеть весь мир, сидя на стуле в кинотеатре. Нечего и говорить, какое потрясающее впечатление оно производило на нас. Мы старались не пропускать ни одного сеанса в кинотеатре. Нам разрешали ходить в кино, лишь бы не страдал учебный процесс.

Большую заинтересованность у семинаристов, особенно младших классов, вызвал приезд в Петрозаводск бродячего цирка. Цирк прибыл в Петрозаводск около того же времени, то есть в 1908–1909 годах.

Он имел вид огромного островерхого шатра с широким основанием. Вместительный внутри, тем не менее каждое представление он был переполнен. Владельцем цирка был некто Лапиадо, как будто итальянец, силач лет 30–40. Он же был главным артистом цирка, выступавшим с упражнениями с гириями и штангой. С гимнастическими номерами выступали мальчики. Мы, ученики младших классов, были от них в восхищении: везде, на улице и в классе, пытались повторять за ними, и кое-что нам удавалось.

В семинарии сразу же стало наблюдаться оживление гимнастики и других видов физических упражнений: гигантские шаги, городки. Один вид Лапиадо, его могучие мускулы и видимая легкость его упражнений с гириями и штангой невольно вызывали даже у пожилых людей мысль о пользе физических упражнений для развития силы и укрепления здоровья. Что тогда говорить о подростках и юношах из семинарии?

Ярмарка, расположенная вблизи от Гостиного двора, вокруг которого мы после обеда обычно прогуливались, также привлекала наше внимание. Мы любили бродить среди ларьков и телег, заваленных разными игрушками, корытами и другими изделиями местных мастеров, и с удовольствием ели сушеную репу, это северное лакомство, которым угощали знакомых девушек.

По ярмарке ходил пожилой мужчина в овчинном полушубке с каким-то ящичком на подножках. Это был бывший солдат, воевавший на Японской войне. Его ящик с ручкой, которую солдат вращал рукой, представлял собой нечто вроде самодельного эпидиаскопа; в небольшое круглое увеличительное стекло можно было увидеть ряд изображений. Они были нумерованы и наклеены на особый рулон. Это были моменты Русско-японской войны 1904–1905 годов, портреты главных деятелей войны с той и другой стороны.

Зимой некоторые семинаристы, у которых имелись коньки, катались за небольшую плату на общественном катке, который устраивался в так называемой «Яме», широкой впадине в середине города, по которой протекала речка Лососинка.

В воскресные и праздничные дни можно было навестить своих сестер, учившихся в Епархиальном училище. Для посетителей устраивался прием в особом зале в присутствии воспитательницы, которая вызывала епархиалку по просьбе посетителей. На такую встречу отводился один час.

Были нравственные изъяны в семинарской среде? Конечно, были, хотя они и не были массовым явлением. К вредным интересам учащейся молодежи следует отнести игру в карты (на деньги), порнографические открытки, некоторые могли волочиться за женщинами с целью разврата. Что еще? Одеваться модно, не по средствам; не интересоваться учебой, содержанием предмета – лишь бы получить удовлетворительный балл; с увлечением читать низкопробную литературу, разжигающую низкие инстинкты; замыкаться в себе, чуждаться товарищей, чрезмерно интересоваться едой, особенно сладким; пить спиртное. Появились новые веяния: стенгазеты в семинарии, а также общественное чтение и обсуждение в уединенной комнате сочинений Льва Толстого, но не художественных произведений, а разной его публицистики. Я ходил туда один лишь раз, мне не понравилось.

В. А. Некрасов

ВОСПОМИНАНИЯ О РЕКТОРЕ ОЛОНЕЦКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ ПРОТОИЕРЕЕ Н. К. ЧУКОВЕ

(из доклада на Торжественном открытии заседания Совета Ленинградской православной академии по поводу присуждения ученой степени доктора богословия высокопреосвященнейшему Григорию, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому)

С 1 февраля 1911 г. о. протоиерей Чуков – ректор Олонецкой духовной семинарии и одновременно – по традиции председатель Епархиального училищного совета.

Ему же пришлось взять на себя труд наблюдения и приведения в порядок епархиального женского училища, в котором создалось очень запутанное положение, как в отношении учебно-воспитательной части, так и в хозяйственном отношении, а также спустя некоторое время пришлось взять на себя вместе с преподавателем Духовной семинарии М. П. Смирновым издание и редактирование еженедельного епархиального органа «Олонецкая неделя».

Но главное внимание о. ректора, естественно, сосредоточилось на семинарии, которая в тот момент, как никогда, нуждалась в твердом порядке и умелом руководстве.

Новый ректор начал энергично наводить порядок и властно руководить.

Мы видим здесь в его работе те же отличительные черты, какие характеризовали предыдущую деятельность о. Николая: основательное изучение своего дела, творческую инициативу, преодоление шаблона, личный глаз во всем, укрепление материальной базы, умение разыскать для этого средства, рациональную организацию всего уклада семинарской жизни, решительную перестройку учебно-воспитательного процесса с требованиями современной тому моменту педагогической науки.

Во всем наблюдается свойственная о. ректору широта взглядов на воспитание и образование, чувство нового, умение идти в ногу с жизнью, способность видеть вперед, готовность отдать всего себя любимому делу.

О. ректор следит за выполнением программ, осуществляет методическое руководство, борется с формализмом и педантизмом некоторых преподавателей, сам ведет Св. Писание Нового Завета, а в случае необходимости и другие предметы, ликвидирует дефицит в семинарском хозяйстве, производит капитальный ремонт семинарского здания в соответствии с требованиями тогдашней местной техники и школьной гигиены, в результате чего здание становится лучшим в городе во всех отношениях.

В семинарии налаживается твердая дисциплина, учащиеся и учащие приучаются к точности и аккуратности в проведении режима дня.

Серьезное внимание обращает новый ректор на внешний облик и внешнее поведение уча-

щихся, требует опрятности в костюме и подтягивает в отношении манер и умения обращаться в обществе, сам лично подавая в этом отношении, как и во всем другом, личный пример.

Для повышения общего культурного уровня учащихся и сближения их с обществом в семинарии несколько раз в год устраиваются литературно-вокально-музыкальные вечера с танцами под духовой оркестр.

Программа вечеров была глубоко продуманной. Организация вечеров проводилась на основах широкой самостоятельности учащихся: особая выборная комиссия разрабатывала программу, устраивала буфет на добровольные взносы учащихся, нанимала оркестр и разрешала все другие вопросы, связанные с вечером.

Нужно было видеть, какое деятельное участие в устройстве подобных вечеров принимал сам о. ректор.

Он лично присутствовал на репетициях, делал указания, как исполнять тот или другой номер программы, а его жена, незабвенной памяти Валентина Дмитриевна, обаятельная личность и музыкально образованный человек, при всей своей занятости по семье была у нас постоянным аккомпаниатором.

Благодаря тщательной подготовке наши вечера имели большой успех в городе, привлекая внимание всех слоев петрозаводского общества, вплоть до архиерея и губернатора, и очень подтягивая учащихся.

Той же цели – расширению духовного кругозора, приобретению специальных навыков и сближению с обществом – служили и организованные при семинарии рисовальный и музыкальный классы, а также оркестры – духовой и струнный.

О. ректор, как видно, считал полезным предоставлять широкую свободу самостоятельности учащимся, лишь бы она была употреблена на развитие добрых задатков – к науке или искусству, – заложенных в человеке.

Разрешите несколько остановиться на рисовальном классе, который я с увлечением посещал на протяжении всей семинарской жизни и который мне поэтому особенно близок.

Рисовальный класс существовал и до этого, но теперь он был поставлен в более благоприятные условия и лучше снабжен всем необходимым.

Преподавание рисования, имея конечной целью подготовку грамотных иконописцев, не носило узкого, специально иконописного характера, но поставлено было широко – на академических началах: начинающие художники знакомились по альбомам с лучшими образцами мировой живописи – религиозной и светской; с академическими приемами рисования и живописи, изучали и писали натуру, знакомились с технологией производства и таким образом приобретали все необходимые для грамотного иконописца знания и навыки.

Ежегодно устраивались имевшие большой успех в городе выставки работ учащихся. Мно-

гие экспонаты с выставок покупались посетителями, и это служило дополнительным стимулом для занятия живописью. В дни особо крупных праздников общественно-политического характера актовый зал семинарии оформлялся силами рисовального класса.

Рисование в глазах о. ректора имело важное значение: он делал иногда заказы на выполнение некоторых икон для семинарского храма.

Однажды о. ректор пригласил меня к себе, чтобы поручить мне написать образ св. ап. Павла, замечательная личность которого тогда, как и о. ректора, так и меня, очень интересовала и привлекала к себе, в частности, как объект для художественного воплощения.

О. ректор подробно и обстоятельно изложил свой взгляд на изображение ап. Павла, зачитал некоторые материалы по этому вопросу и таким образом дал мне основные руководящие указания. К сожалению, ввиду приближения выпускных экзаменов этот наш общий замысел остался неосуществленным.

Элементы «светскости», сознательно допускаемые о. ректором в целях сближения будущих пастырей церкви с обществом, не могли помешать воспитанию в учащихся религиозно-нравственного настроения, о чем главным образом и в первую очередь заботился о. ректор.

Была на высоту поднята церковная дисциплина, налажено аккуратное посещение богослужений, благоговейное поведение учащихся за церковной службой. Была усилена воспитательная работа, для чего был учрежден институт классных воспитателей, для которых составлена инструкция с очень ценными педагогическими установками, ничуть не устаревшими и до сих пор.

Придавая огромное воспитательное значение личному примеру, о. ректор являл собой яркий образец истового и благолепного совершения богослужения. Было видно и чувствовалось, что он не просто служил, но переживал богослужения. Особенно ярко это ощущалось на необычайно выразительных службах страстной седмицы и Пасхи. Глубокое религиозное чувство, воодушевленное чтение канона и Евангелий производили сильное впечатление, заражали молитвенным настроением и привлекали в семинарскую церковь много посторонней публики, в том числе губернатора с семьей. Я никогда не забуду вдохновенного чтения о. ректором замечательного слова св. Иоанна Златоуста за пасхальной утреней. Никогда ни раньше, ни после этого в своей жизни мне не приходилось слышать такого волнующего, вызывающего дрожь в теле, проникновенного чтения, с такой силой передающего пафос победы Христа над смертью, пафос торжества спасения человека над темными силами ада.

В результате всех мероприятий учебно-воспитательного характера уровень необходимых знаний, общее культурное и моральное состояние

учащихся семинарии были подняты на небывалую дотоле высоту, что и было засвидетельствовано в отчете ревизора Св. Синода П. Ф. Полянского, впоследствии митрополита Петра, ме-

столюбителя патриаршего престола, обследовавшего Олонецкую семинарию в 1915 году.

В 1918 году семинария была закрыта, и о. ректор отбыл в Петроград...

1949 год

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рукопись с воспоминаниями была передана А. К. Галкину с правом последующей публикации сыном Владимира Афанасьевича Некрасова – Б. В. Некрасовым.
- ² Фаддей (Успенский Иван Васильевич, 1872–1942), ректор Олонецкой духовной семинарии с 8 января 1903 года. Хиротонисан во епископа Владимиро-Волынского 21 декабря 1908 года.
- ³ Никодим (Кононов Александр Михайлович, 1871–1921), ректор Олонецкой духовной семинарии с 17(19) марта 1909 года. В 1911 году, 9 января, хиротонисан во епископа Рязьского, впоследствии епископ Белгородский.
- ⁴ Примером тому может служить эпизод с воспитанником Владимиром Савойским, окончившим Олонецкую духовную семинарию в 1905 году. Он учился в 5-м классе, когда семья потеряла отца и осталась без средств к существованию. Юноша решил выйти из семинарии. Впоследствии протоиерей Владимир Савойский писал о себе: «Ректор [архимандрит Фаддей] отговаривал. Я обратился с той же просьбой к епископу Анастасию и просил назначить куда-нибудь псаломщиком. Епископ отказал в назначении и велел окончить курс в Семинарии, а семье, сказал он, Бог поможет. Ректор нашел мне переписку и переплет книг, и благодаря этому я учился и помогал семье...» // Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 273. Л. 16.
- ⁵ В набросках воспоминаний тема не получила развития.
- ⁶ Мои сестры-учительницы каждый (или почти каждый) год учились в летние каникулы на курсах усовершенствования, организуемых о. Николаем Чуковым.
- ⁷ Клевер Юлий (1850, Дерпт – 1924, Ленинград) – русский художник-пейзажист, картины которого ценились императорской семьей и пользовались известностью в 70–90-е годы XIX века.
- ⁸ См. ниже воспоминания из доклада В. А. Некрасова, прочитанного в 1949 году на чествовании митрополита Григория (Чукова).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворянский календарь. Справочная родословная книга российского дворянства. Тетрадь 11. СПб., 2003.
2. Сорокин В. Прот. Владимир Афанасьевич Некрасов [Некролог] // Журнал Московской патриархии. 1987. № 11. С. 44–45.
3. Торжественное открытие заседания Совета Ленинградской православной академии по поводу присуждения ученой степени доктора богословия высокопреосвященнейшему Григорию, митрополиту Ленинградскому и Новгородскому. Л., 1949 // Машинопись в библиотеке СПбДА.

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В. А. НЕКРАСОВА

1. Приветственное слово воспитанника V класса В. Некрасова, произнесенное им на юбилее инспектора В. И. Лебедева 1 августа 1911 // Олонецкие епархиальные ведомости. 1911. № 31. С. 531–533.
2. Церковно-археологический кабинет в Ленинградской Духовной Академии // Журнал Московской патриархии. 1952. № 12. С. 41–42.
3. Николо-Богоявленский собор в Ленинграде (к 200-летию со дня освящения) // Журнал Московской патриархии. 1960. № 12. С. 22–30.
4. Князь-Владимирский собор в Ленинграде // Журнал Московской патриархии. 1961. № 6. С. 29–36.
5. Престольный праздник и годичный акт в Ленинградской духовной академии и семинарии // Журнал Московской патриархии. 1961. № 11. С. 39–41.
6. Начало нового учебного года в духовных школах // Журнал Московской патриархии. 1962. № 10. С. 9–10.
7. Св. благоверный великий князь Александр Невский (К 700-летию со дня кончины) // Журнал Московской патриархии. 1963. № 8. С. 56–62.
8. А. Ф. Шишкин (некролог) // Журнал Московской патриархии. 1965. № 9. С. 21–23.

УДК 94(47) “1917–1991”

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России, декан исторического факультета ПетрГУ
verigin@psu.karelia.ru

ФИНСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ (ЗИМНЕЙ) ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

Статья посвящена слабо изученному вопросу российской историографии – проблеме положения военнопленных финской армии в период Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов. Доказывается, что в период военных действий НКВД безуспешно пытался использовать финских военнопленных в пропагандистских и разведывательно-диверсионных целях. Статья подготовлена на основе широкого круга источников – архивных документов из центральных и карельских государственных и ведомственных архивов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Советско-финляндская (Зимняя) война, финские военнопленные, НКВД, пропагандистская и разведывательная деятельность

Среди различных аспектов Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов до сих пор остается слабо изученным вопрос о положении финских военнопленных на территории СССР, являющийся составной частью общей истории Зимней войны. Это объясняется тем, что финляндские авторы не имели доступа к документальным источникам из фондов советских архивов. Поэтому данная тема рассматривалась в соседней стране лишь в мемуарной литературе.

В отечественной историографии длительное время (1950–1980-е годы) этот вопрос по идеологическим соображениям был практически закрыт для исследователей. Историки не имели возможности получить необходимые архивные документы, отражающие положение военнопленных армий противника на территории СССР. Ситуация стала меняться только в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда были сняты идеологические ограничения на исследование проблем истории

Второй мировой войны и историки наконец-то получили доступ к ряду архивных документов, которые ранее хранились под грифом «секретно». В 1990-е годы начали появляться первые публикации, в основном в виде небольших по объему статей, затрагивающие некоторые аспекты данной темы [14], [19], [16], [17]. И только в 1997 году вышла первая специальная работа В. П. Галицкого «Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.)» [15].

Сложность исследуемого вопроса заключается в том, что в период Советско-финляндской войны 1939–1940 годов противоборствующие стороны не вели отдельного учета своих военнопленных, фиксируя лишь пропавших без вести. При этом, по официальным данным, с советской стороны пропали без вести 39 369 человек, а с финской – 3273 человека [20; 45]. К сожалению, исследователям пока не удалось обнаружить в архивах точных данных о количестве финских военнопленных,

находившихся в 1939–1940 годах на территории СССР. В финляндской историографии эта цифра колеблется от 825 до 1000 человек. По данным российских авторов, общее количество военнопленных финляндской армии варьируется от 800 до 1100 человек [19; 99], [18]. Отдельным и также недостаточно исследованным вопросом положения финских военнопленных на территории СССР в период Зимней войны является вопрос об использовании их органами НКВД СССР в разведывательных и пропагандистских целях.

К началу войны с Финляндией СССР уже имел определенный опыт содержания военнопленных армий противника (поляков, японцев и др.). Их содержание регулировалось изданными «Положениями о военнопленных». В период Зимней войны действовало два «Положения о военнопленных»: первое – утвержденное Положением ЦИК и СНК СССР № 46 от 19 марта 1931 года, почти полностью совпадавшее с текстом Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 года; второе – утвержденное Экономическим Советом СНК СССР от 20 сентября 1939 года и определившее режим содержания всех категорий военнопленных, находящихся в СССР [15; 21]. Данные нормативные акты исходили из двух основных принципов. Во-первых, военнопленные сохраняли свое гражданство. Во-вторых, они находились под защитой как международного права о защите жертв войны, так и внутригосударственного права державшей их в плену страны.

Руководство СССР требовало от Управления по делам военнопленных (УПВ) НКВД СССР соблюдения этих правовых актов. Однако в практической деятельности администрации лагерей принципы содержания военнопленных часто нарушались. Это выражалось в плохом бытовом обеспечении (размещении военнопленных в непригодных для проживания помещениях, неполноценном питании, отсутствии необходимых условий и др.), не всегда квалифицированном медицинском обслуживании, неудовлетворительном обеспечении вещевым довольствием. В целом по сравнению с условиями содержания советских военнопленных в Финляндии (см. подробнее об этом: [21]) правовое положение финских военнопленных в основном соблюдалось. Анализ архивных данных показывает, что это даже вызывало недоумение у некоторых финских военнопленных, не рассчитывавших на такое отношение и содержание их в советском плену.

С началом войны против Финляндии в полосе действия 7, 8, 9 и 14-й армий советских войск были созданы специальные пункты приема для финских военнопленных: Мурманский (на 500 человек), Кандалакшский (на 500 человек), Кемский (на 500 человек), Сегежский (на 1000 человек), Медвежьегорский (на 800 человек), Петрозаводский (на 1000 человек), Лодейнопольский (на 500 человек) и Сестрорецкий (на 600 человек). Для финских военнопленных были подготовлены 4 тыловых лагеря: Южский (Ивановская область) на

5000 человек, Потьма (Мордовская АССР) на 6000 человек, Грязовец (Вологодская область) на 2500 человек, Путивль (Сумская область) на 4000 человек [15; 29].

Предполагалось, что война станет для СССР победоносной, финская армия будет разгромлена, а все оставшиеся в живых военнослужащие будут взяты в плен. С этой целью надо было подготовиться к приему пленных. Эта задача была возложена на созданное в сентябре 1939 года УПВ НКВД СССР.

В конце декабря 1939 года начальник УПВ майор госбезопасности П. Сопруненко рапортовал в Наркомат внутренних дел о готовности 6 лагерей к приему финских военнопленных численностью до 27 тыс. человек. Все эти лагеря уже использовались для приема военнослужащих польской армии, интернированных осенью 1939 года в СССР в результате военных действий Красной армии по присоединению к Советскому Союзу территории Западной Белоруссии и Западной Украины [19; 99]. В качестве резерва держали еще три лагеря: Карагандинский (Спасо-Заводской) Казахской ССР на 5 тыс. человек, Тайшетский Иркутской области на 8 тыс. человек и Велико-Устюженский Вологодской области на 2 тыс. человек. Однако говорить о полной готовности лагерей было трудно. УПВ НКВД СССР не справлялось с поступающей массой интернированных военнослужащих польской армии, к приему и размещению которой НКВД СССР с его отлаженным механизмом ГУЛАГа оказался практически не готов. Так, начальник Особого отдела НКВД, проведя инспекцию одного из лагерей, предназначенного для пленных финнов, – Южского, отмечал в докладной записке на имя начальника УПВ П. Сопруненко, что лагерь не подготовлен для нормального содержания военнопленных [11; 49], [19; 99].

В решении этого вопроса советским властям «помогли» сами финны. Количество пленных было небольшим, на что явно не рассчитывало советское руководство. Так, по нашим подсчетам, за декабрь 1939 – март 1940 года петрозаводский приемный пункт военнопленных, один из самых крупных среди других действующих пунктов, принял от 8-й и 9-й армий только около 260 человек (подсчитано по данным: [2]). В итоге единственным лагерем для пленных финнов стал Грязовецкий лагерь Вологодской области, расположенный в 7 км от г. Грязовца). В книге учета этого лагеря значатся имена 600 финских военнопленных, но надо учесть, что в ней не указаны те, кто умер в советском плену. Сведения об умерших финнах в документах Центрального аппарата и политотдела ГУПИ НКВД СССР отсутствуют.

Однако не всех пленных финнов отправляли в Грязовецкий лагерь. Проведенный нами анализ архивных документов, содержащихся в Архиве МВД РК (протоколы допросов военнопленных, состав этапных списков из Петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь и др.), показывает, что раненых, тяжело больных, обморожен-

ных военнослужащих оставляли в госпиталях г. Петрозаводска [2]. Кроме того, часть военнопленных финнов вообще не отправлялись в лагерь, а использовались советскими органами для проведения пропагандистской и разведывательной деятельности.

В период Зимней войны финская пропаганда утверждала, что всех военнопленных большевики расстреливают или отправляют в Сибирь, но, как уже отмечалось, большинство финских военнопленных были отправлены в Грязовецкий лагерь Вологодской области. Сохранились воспоминания некоторых из них. Так, бывший военнопленный Тадеус Сарримо вспоминал: «Ухаживали за нами хорошо. Раненым давали чистые бинты, от холода сразу дали водки... По прибытии в лагерь дали щи, чай и гречневую кашу с подсолнечным маслом. Мы были сыты... Кормили в лагере в общем-то хорошо, только финские желудки не были приучены к щам, и военнопленные жаловались... В комнатах у военнопленных был шкаф, где они хранили хлеб и сахар. Санитарные условия были хорошие. Вшей было очень мало. Ночью люди играли в карты и шашки. Днем не работали...» [19; 100].

Ввиду небольшого количества сохранившихся архивных документов в настоящее время трудно дать обстоятельную картину жизни и быта финских военнопленных в СССР. Отчет старшего инспектора 4-го отдела УПВ НКВД, приехавшего с проверкой в Грязовецкий лагерь в начале февраля 1940 года, остался, по существу, единственным официальным документом, зафиксировавшим условия содержания пленных финнов. В нем отмечалось: «Помещения для военнопленных оборудованы нарами сплошной системы в один, два и три яруса в зависимости от состояния здания (ветхости и кубатуры воздуха)... Беспорядочное нагромождение нар, без соблюдения требуемых между ними проходов, имеет следствием скученность контингента и делает невозможным уборку помещений. На одного военнопленного приходится 0,6 кв. м, что крайне недостаточно... Одежда и простыней для военнопленных нет» [19; 100].

Тяжелые бытовые условия органы НКВД старались компенсировать политической и культурно-воспитательной работой среди военнопленных. Большинство пленных финнов были выходцами из рабочих и крестьян – среды, близкой «стране победившего социализма». Поэтому в основу политической работы с пленными был положен тезис о том, что главная задача Красной армии в военной кампании против Финляндии состоит в освобождении финских трудящихся от гнета помещиков и капиталистов. С этой целью еще в самом начале войны советская печать сообщила, что в финском г. Териоки, занятом частями Красной армии, создано Народное правительство во главе с О. В. Куусиненом. Оно опубликовало «Декларацию Народного Правительства Финляндии», объявило об образовании Финляндской демократической республики (ФДР), а также заключило «Договор о взаимопомощи и дружбе между СССР и ФДР».

Советское руководство надеялось на поддержку правительства Куусинена со стороны финского населения. Определенная роль при этом отводилась и военнопленным. В карельских архивах нами были изучены протоколы допросов более 260 финских военнопленных. Наряду с обычными вопросами, которые задавали следователи на пунктах приема военнопленных: к какой части принадлежите? какое имеется вооружение, снаряжение и обмундирование? каково настроение солдат? и др., были и политические: что вы знаете о народном правительстве Куусинена и его программе? знаете ли вы, что войну против СССР начала кровавая финская буржуазия? хотели бы вы остаться в СССР? и др. На допросах следователи пытались также выявить среди финских военнопленных членов политических партий и организаций Финляндии, особенно их интересовали шюцкор и Карельское академическое общество. В Советском Союзе их считали контрреволюционными, анти-советскими организациями.

Вопрос о том, какова была прослойка шюцкора среди финских военнопленных, остается не до конца выясненным. В. П. Галицкий считает ее незначительной, отмечая, что из 697 военнопленных финской армии (691 финн и 6 шведов), содержащихся в Грязовецком лагере в период с декабря 1939 года по март 1940 года, было официально выявлено лишь 69 шюцкоровцев [15; 107]. Однако проведенный нами анализ архивных документов этапных списков финских военнопленных из Петрозаводска в Грязовецкий лагерь не позволяет согласиться с этим. Прослойка шюцкора составляла от 1/4 до 1/3 всех пленных (подсчитано нами по данным: [2]). Надо иметь в виду, что шюцкор для финляндской молодежи в 1930-е годы был примерно такой же организацией, как комсомол для советских молодых людей. Поэтому довольно значительная часть молодежи Финляндии состояла в шюцкоре.

На наш взгляд, это разночтение в документах объясняется тем, что часть военнослужащих финской армии, зная интерес советских органов к шюцкору и Карельскому академическому обществу, пытались скрыть свое членство в них. И если при первых допросах на пересыльных пунктах военнопленных они признавались в принадлежности к этим организациям, то затем, попав в Грязовецкий лагерь, стали отрицать свое участие в них. Некоторые старались объяснить это тем, что вступили в шюцкор по молодости и неопытности. Так, военнопленный из крестьян Яков Мойланен на допросе в петрозаводском приемном пункте пленных 8 декабря 1939 года заявил, что в шюцкор вступил необдуманно, по молодости совершив глупость. А теперь «осознал», что шюцкоровцы защищают не интересы рабочих и крестьян, а интересы буржуазии [3; 6–8]. Однако надо иметь в виду, что были и такие военнопленные, которые заявляли, что вступили в шюцкор добровольно, оказывая посильную помощь своей стране. Об этом, например, сообщил следователю на допросе

в этом же приемном пункте 9 декабря 1939 года один из военнопленных, бывший учитель Эйно Юлкунен [5; 19].

Среди военнопленных встречались также члены Крестьянской партии Финляндии («Малайслиитто»), женской организации «Лотта Свярд» и даже Коммунистической партии Финляндии. Так, согласно этапному списку из петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь 18 января 1940 года из 29 военнопленных шюцкор представляли 7 человек, Крестьянскую партию – 1, Компартию – 1 (Онни Сааринен); по этапному списку 5 января 1940 года, из 41 человека шюцкор представляли 5 человек, Карельское академическое общество – 1, «Лотта Свярд» – 1 (Сирка Урасмаа) [5; 12, 61, 63].

В. П. Галицкий по политическим взглядам разделил финских военнопленных на три группы: 1) высказывавшие лояльное отношение к СССР, его политическому устройству, необходимости быть с ним в добрососедских отношениях и т. п. (около 20 % как в период 1939–1940 годов, так и в период 1941–1944 годов); 2) проявлявшие антисоветские, фашистские, крайне националистические настроения, во взглядах которых отражалось враждебное отношение к СССР, русским (около 15–20 %); 3) занимавшие в условиях плена нейтральную позицию, так называемые «молчуны», которые как в неофициальной, так и в официальной обстановке скрывали истинное отношение и к СССР, и к фашизму, занимали позицию «не нашим и не вашим» (около 60 %). Представители последней группы, как правило, всегда ставили свои подписи под политическими воззваниями, подготовленными антифашистами для использования в пропагандистских целях (все возможные документы, распространявшиеся среди военнопленных, военнослужащих и населения Финляндии, и т. п.) [15; 107].

Между первой и второй группами шла упорная борьба за перетягивание на свою сторону военнопленных из третьей группы. Безусловно, администрация лагерей и их политический аппарат отдавали предпочтение первой группе, активно боролись с представителями второй группы и проводили разъяснительную работу в третьей группе финских военнопленных. Систематически собирались данные о политико-моральном состоянии финских военнопленных. Потребителями этой информации были руководство НКВД СССР, Бюро военно-политической информации ЦК ВКП(б), 7-е Управление ГлавПУРКА, секция Компартии Финляндии при ИККИ. Так, 21 февраля 1940 года начальник Грязовецкого лагеря военнопленных докладывал руководству УПВИ НКВД СССР, что политико-моральное состояние финских военнопленных нормальное; положением в плену довольны; среди них ходят слухи о том, что не финны, а Красная армия открыла огонь по своим войскам 26 ноября 1939 года; регулярно проводится читка газет на финском языке; изучение их продолжается посредством бесед и т. п.; нужна по-

мощь в организации библиотеки на финском языке; кинофильмы демонстрируются с субтитрами на финском языке и т. д. [15; 107].

С февраля 1940 года в списках военнопленных армии Финляндии стали выявляться добровольцы из Швеции, Норвегии и других стран. Так, согласно этапному списку военнопленных от 1 марта 1940 года из петрозаводского приемного пункта в Грязовецкий лагерь было отправлено 28 человек, среди них два шведа-летчика: командир эскадрильи Пер Стегнер и прапорщик-летчик Оне Юнг [5; 12].

Несколько лет назад в Петрозаводске побывала группа кинематографистов из Швеции, которая снимала фильм об Оне Юнге. Члены группы обратились к нам с просьбой познакомиться с архивными материалами о нем. Удалось установить, что самолет О. Юнга был сбит под Ухтой (Калевалой), затем он был направлен в Грязовецкий лагерь, а потом в ходе обмена военнопленными вернулся на родину.

В допросах военнопленных армии Финляндии на приемных пунктах принимали участие члены редколлегии газеты «Кансан Валта» (печатный орган правительства Куусинена) и ее редактор Линко, а также представители Народного правительства. Особое внимание при допросах уделялось тем военнослужащим, которые добровольно сдались в плен Красной армии. Справедливости ради стоит отметить, что таких было немного.

Анализ архивных документов показывает, что основная часть финских военнопленных не поддерживала идею создания Териокского правительства. Финны заявляли, что они защищают свою родину от завоевания Советского Союза [10; 4–31]. Так, военнопленный Матти Андреевич Сайкконен, 1907 года рождения, рабочий-пильщик, по происхождению из крестьян губернии Сортавала, на допросе на Сестрорецком приемном пункте ответил следователю: «Разговоры о том, что СССР не воюет с финским народом, – это ложь, борьба идет за самостоятельность финского народа. Что касается правительства Куусинена, то у нас есть законное правительство в Хельсинки» [10; 8].

Члены правительства Куусинена – министр внутренних дел Т. Лехен и министр сельского хозяйства А. Эйкия, проводившие беседы на сестрорецком приемном пункте в конце февраля 1940 года с финскими военнопленными, входившими в состав 62, 63 и 68-й стрелковых полков, 2-го берегового артополка и других соединений, сражавшихся в районе Выборга, отмечали: «В отличие от первой партии военнопленных, захваченных до прорыва линии Маннергейма, среди последних партий нет людей, которые бы верили в слабость Красной армии; все говорят, что Финляндия потерпит поражение, что ей не устоять против огромного превосходства сил. Все военнопленные подчеркивают усталость трудящихся от войны, однако добровольный переход на сторону Красной армии имел место лишь в единичных случаях.

Программу правительства Куусинена считают пропагандой» [10; 70].

Судя по архивным источникам, лишь небольшое число финских пленных дало согласие на сотрудничество с советскими политическими и разведывательными органами. По социальному составу в основном это были рабочие и крестьяне, многие из них – представители социал-демократической партии. Так, среди военнопленных сестрорецкого приемного пункта, которые добровольно сдались в плен и выразили желание сотрудничать с советскими властями, были: Карл Холстикко, социал-демократ с 1938 года; Орво Пейтсамо, 1905 года рождения, социал-демократ; Матвей Луома, добровольно сдался в плен и заявил, что верит в декларацию правительства Куусинена; А. Виртанен, перешел на сторону Красной армии и согласился написать листовки на фронт; Ю. Пусила, пожелал написать обращение к финским солдатам и др. [10; 14–58].

В числе военнопленных, которые прошли в декабре 1939 – январе 1940 года через петрозаводский приемный пункт пленных, также были те, кто добровольно сдался в плен и начал сотрудничать со следователями: Арви Лимантус, Анти Валтонен, Отто Лейкас, Ялмари Мустонен, Юхо Хуттунен, Отто Суутари, Арво Яко, Арне Кархонен и др. Так, Арне Кархонен, крестьянин-батрак из деревни Селкоскюля прихода Суомуссалми, подписал подготовленное письмо, в котором призвал финских солдат с оружием в руках переходить на сторону Народного правительства Финляндии. В письме отмечалось, что Красная армия идет в Финляндию с целью освободить финский народ от гнета капиталистов и помещиков [3; 44–67]. С помощью таких военнопленных готовились письма и обращения к солдатам финской армии, часть которых в виде небольших по формату антивоенных листовок с портретами военнопленных забрасывалась в тыл противника [6; 18–19], другая часть в качестве пропагандистских материалов публиковалась в органах печати Териокского правительства.

Приведем в пример типичную листовку.

«Финские солдаты приветствуют Народное правительство.

Мы, солдаты финской армии, 12-й отдельной строительной роты, находясь в плену у Красной армии, узнали о том, что в Финляндии, в г. Териоки, создано новое правительство, которое является действительным представителем и выразителем воли трудящихся. Это правительство даст мир финляндскому народу, установит контроль над крупными фабриками и заводами, уничтожит безработицу, голод и нищету трудового народа. Поэтому мы, как и каждый рабочий, крестьянин, солдат Финляндии, приветствуем новое Народное правительство и опубликованную им Декларацию. Мы будем всеми силами помогать ему в осуществлении поставленных им задач.

Урьё Торикиака, Калле Лахти» [6; 18–19].

Советские политические органы пытались использовать финских военнопленных в своих пропагандистских целях и через радиопередачи на финском языке различных радиостанций. Активно работала радиостанция Народного правительства. Только с 1 по 28 января 1940 года вышло 154 радиопередачи. Уже сам перечень названий радиопередач говорит о желании советской стороны расколоть финляндское общество, найти в нем поддержку правительства Куусинена: «Новый год – год побед!» (1 января), «День присяги Народной армии» (2 января), «Конституция Финляндии под сапогом реакции» (4 января), «Маннергейм – палач финского народа» (4 января), «Обращение к солдатам финской армии» (8 января), «В освобожденных деревнях Финляндии» (9 января), «Куда ведут страну белофинские генералы» (18 января) и др. [8; 1–14]. По радио неоднократно передавались обращения к финским солдатам членов Народного правительства и руководства Финской народной армии с призывом сложить оружие и прекратить сопротивление Красной армии. С 15 января 1940 года практически ежедневно в радиопередачах стали зачитываться письма финских военнопленных.

В период Зимней войны Программа вещания Сектора оборонных передач Ленинградского радиокомитета резко увеличила число и объем передач на финском языке. Значительное место в них также отводилось «пропагандистским выступлениям» финских военнопленных. Так, в отчете особой редакции вещания на финском языке при Ленинградском радиокомитете за 1–19 февраля 1940 года говорилось: «По радио выступили финские военнопленные Ярвинен и Суоминен. Была организована внестудийная передача из госпиталя военнопленных белофиннов в г. Сестрорецке» [13; 7–10].

Для повышения действенности радиопропаганды политические передачи часто сочетались с музыкальными. Например, 19 января 1940 года Сектор оборонных передач Ленинградского радиокомитета транслировал литературно-музыкальный концерт финской музыки, а в паузах звучали воззвания финских военнопленных к солдатам и населению Финляндии с призывами сложить оружие и перейти на сторону Красной армии [9; 15].

Серьезное внимание в работе с военнопленными отводилось повышению их политического и культурного уровня. В Грязовецком лагере, где содержалась основная масса финских военнопленных, у финнов была изъята «шовинистическая литература» и Евангелие. Вместо этого был рекомендован список партийных трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Молотова, Берия, а также произведения классиков мировой и русской литературы: Сервантеса, Гете, Жюль Верна, Пушкина, Тургенева, Чехова и др.

В. П. Галицкий отмечает следующие направления политической работы в Грязовецком лагере: проведение тематических бесед в соответствии с планами политического отряда лагеря, беседы по

текущим вопросам международного и внутреннего положения Советского Союза, распространение литературы на финском языке и ее обсуждение, организация передвижных библиотек, демонстрация кинофильмов с соответствующими пояснениями и комментариями, создание актива военнопленных, целенаправленное и всестороннее изучение военнопленных посредством бесед с ними (групповых и индивидуальных), использование писем и заявлений военнопленных по различным вопросам; пропаганда Финской народной армии и склонение военнопленных к вступлению в ее ряды и т. д. [15; 112]. Однако политическая и культурная работа среди финских военнопленных велась недостаточно активно и профессионально. Главная причина заключалась в отсутствии необходимого количества политработников, владевших финским языком.

Так, 29 февраля 1940 года старший инструктор политического отдела УПВ НКВД СССР батальонный комиссар Лисовский в докладе о результатах проверки политической работы среди финских военнопленных Грязовецкого лагеря отметил необходимость отправить в этот лагерь 1–2 инструкторов со знанием финского языка. О. Куусинен и Т. Антикайнен в своей докладной записке в адрес Бюро военно-политической пропаганды ВКП(б) и в Исполнительный комитет Коммунистического интернационала (ИККИ) также отмечали неудовлетворительную постановку пропаганды среди финнов в период войны 1939–1940 годов [15; 114]. Все эти недостатки в дальнейшем были учтены в политической работе с финскими военнопленными в войне 1941–1944 годов.

Плен для финнов оказался недолгим. Уже в апреле 1940 года между СССР и Финляндией начался обмен военнопленными.

Несмотря на все усилия советских органов, эффективность идеологической деятельности среди финских военнопленных была весьма низкой. Так, после многочисленных уговоров остаться в СССР, а иногда и угроз того, что после возвращения в Финляндию военнопленные будут расстреляны, лишь небольшая часть финнов приняла решение остаться в Советском Союзе. По документам трудно установить точное число таких людей. В книге учета Грязовецкого лагеря из 600 финских военнопленных только 14 человек проходили с отметкой «добровольно остался в СССР» [19; 101]. И в действительности их вряд ли было немногим больше. В. П. Галицкий по этому поводу пишет: «Из всего количества финских военнопленных осталось на постоянное жительство в СССР и приняло советское гражданство 20 граждан Финляндии, из них трое русских по национальности. Среди оставшихся в СССР были следующие финские военнопленные: Суутари Отто Матти, финн, 1910 г. р., приход Салми, служил в отдельном батальоне 2-й роты резерва, в плен попал 8 января 1940 г. в г. Салласа; Салминен Вилье-Еханнес, финн, 1915 г. р., пос. Ямя, служил рядовым 6-й роты 62-го полка, попал в плен 28 февраля 1940 г. в районе Перо; Пуссила Юрье Хейкки,

финн, 1916 г. р., дер. Сипола, служил во 2-й роте 26 полка, в плен попал 26 февраля 1940 г. в районе Вуюксенринта; Маннонен Леви Микко, финн, 1911 г. р., Выборгская губерния, служил в 7-й роте 31-го полка, в плен попал 12 декабря 1939 г. в районе Муолла и др.» [15; 67].

С самого начала военных действий большой интерес к финским военнопленным стали проявлять и советские разведорганы. Уже в ходе первых допросов финнов на приемных пунктах военнопленных их сотрудники особое внимание уделяли «классово близким элементам – рабочим и крестьянам», никогда не состоявшим в шюцкоре, Академическом карельском обществе и других (как считали в СССР) антисоветских организациях. У таких лиц выявляли мотивы вступления в финскую армию, настроение, с которым они воевали, имеют ли данные люди родственников в СССР (прежде всего в Карелии) и т. п. Особым вниманием и доверием спецслужб пользовались те финны, которые добровольно сдались в плен Красной армии. Как правило, они давали подробную информацию о составе и командовании своих частей, рассказывали о том, кто среди их сослуживцев состоял в шюцкоре и других военизированных формированиях, сообщали и другую полезную для советских органов информацию. Именно среди таких людей велась вербовка агентов.

В последние годы нам удалось познакомиться с некоторыми прежде секретными архивными документами периода Зимней войны. В карельских государственных и ведомственных архивах были обнаружены списки финских военнопленных, которые были завербованы органами НКВД в период Зимней войны, прошли соответствующую разведподготовку в СССР и затем в качестве агентов в 1940–1941 годах были заброшены на территорию Финляндии. Однако анализ этих архивных материалов показывает, что эффективность вербовки и работы этих агентов на родине была низкой. Большинство агентов были либо арестованы спецорганами Финляндии, либо они сами после переброски в Финляндию добровольно обращались в эти органы, заявляя, что были завербованы НКВД. Многие «агенты» не только давали подробную информацию об их подготовке в разведшколах на территории СССР, раскрывали свои «задания», но и обещали сообщать в соответствующие органы, если на них выйдут «русские шпионы».

Так, Илмари Фагерстрем, член шюцкора, попал в плен в 1939 году, был завербован советскими спецслужбами и в 1940 году заброшен в Финляндию. Сдался финским властям и обещал помощь в разоблачении русских разведчиков. Суло Ярвинен, будучи в плену в период Зимней войны, дал согласие на сотрудничество с советской разведкой. Однако после переправки его в Финляндию в 1940 году сдался финской полиции, дал сведения о своей вербовке в СССР и обещал помощь в разоблачении «советских шпионов», если они выйдут на него. Тойво Муукка попал в плен в 1939 году и дал согласие на сотрудничество с советскими

спецслужбами. Прошел соответствующую подготовку в спецшколе НКВД и в 1940 году с общей массой финских военнопленных был возвращен в Финляндию, но сразу признался финским следователям в том, что является «русским шпионом», рассказал о процессе вербовки и подготовке в спецшколе и обещал содействовать в раскрытии других советских разведчиков, если они будут искать контакты с ним [7; 4–165].

Вместе с тем мы не исключаем тот факт, что некоторые бывшие военнопленные могли не признаться финским властям в их вербовке советскими спецорганами и продолжить разведывательную работу уже в период войны 1941–1944 годов. Вполне понятно, что данный материал до сих пор остается секретным.

Финские военнопленные периода Зимней войны 1939–1940 годов использовались в основном на работах внутри Грязовецкого лагеря (работы по самообслуживанию, по благоустройству лагеря и своего быта и др.). Их труд на производстве вне лагеря фактически не применялся. Это можно объяснить незначительным количеством пленных, которые не могли принести большой пользы на объектах народного хозяйства или воспользоваться трудовыми ресурсами страны. Кроме того, судя по архивным документам, НКВД не считал целесообразным лишним раз выводить пленных из мест их содержания.

Время пребывания финнов в советском тылу было недолгим. Согласно мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года, предусматривался обмен военнопленными. Была создана Смешанная комиссия по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Правительство СССР в состав этой комиссии включило комбрига Евстигнеева (представитель Красной армии), капитана госбезопасности П. Сопруненко (начальник УПВ НКВД СССР) и Г. Тункина (представитель НКВД СССР). Правительство Финляндии в Смешанную комиссию выделило генерала Уно Койстинена (советник миссии), подполковника Матти Тийанена и капитана Арво Вийтанена. Основными вопросами, которые должна была решать комиссия, были: порядок передачи военнопленных, наведение справок о пропавших без вести, определение срока передачи тяжелораненых и больных. С 14 по 28 апреля 1940 года в г. Выборге состоялось 6 заседаний Смешанной комиссии по обмену военнопленными между СССР и Финляндией. Стороны сделали заявления о количестве военнопленных: в Финляндии, по официальным данным, находилось 5395 советских военнослужащих, в СССР – 806 финских военнослужащих.

В. П. Галицкий пишет: «...ни Костинен, ни Евстигнеев не располагали точными сведениями о количестве военнопленных. Уместно будет также напомнить, что в плен финские военнослужащие захватывались Красной армией и после 12 марта 1940 г. Так, после 12.00 13 марта 1940 г. в районе Тамисуо были захвачены в плен 10 финских военнослужащих, которые переданы финским пред-

ставителям 16 апреля 1940 г. О данном факте докладывалось начальнику Генерального штаба РККА командарму 1-го ранга Шапошникову». Исследователь делает вывод, что всего было пленено 876 военнослужащих финской армии и 6116 военнопленных советской армии. Расхождения в числе пленных можно объяснить плохим учетом и несвоевременным сообщением сводных данных членам Смешанной комиссии [15; 57–58].

Были также составлены списки раненых и больных (советских военнопленных – 170, финских – 53), которых передающая сторона обязывалась доставлять своими средствами до вагонов принимающей стороны. Первый обмен военнопленными состоялся 17 апреля 1940 года на границе СССР и Финляндии в районе ст. Вайниккала [19; 104].

Помимо обмена военнопленными комиссия решала и проблему розыска пропавших без вести. Финская сторона проявляла завидную настойчивость в этом вопросе. На каждом заседании ее представители делали запросы о всех пропавших без вести в годы войны, о гражданском населении, которое оказалось на оккупированной территории, уточняла неправильно записанные фамилии пленных. После ответа советской стороны об отсутствии у них того или иного человека запросы продолжались. В результате этой деятельности большинство пленных финнов смогли вернуться на родину.

Как отмечает В. П. Галицкий, порядок обмена военнопленными был следующим: они сводились в группы по 400–1000 человек и доставлялись в район Выборга (в основном передача осуществлялась на железнодорожной станции Вайниккала). Финские военнопленные из приемных пунктов и лагерей направлялись сначала или в Грязовецкий лагерь, или непосредственно на сборный пункт в районе г. Выборга. Перевозка осуществлялась по заявкам председателя советской комиссии комбрига Евстигнеева. Так, начальнику 3-го отдела штаба ЛВО комбригу Тулупову была направлена телеграмма-молния следующего содержания: «Прошу перевести 600 человек пленных финнов из лагеря военнопленных в Грязовец. Эшелон подать на станцию Грязовец Северной железной дороги из расчета, что он к 9.00 20 апреля 1940 г. должен быть на черте границы у станции Вайниккала на железной дороге Выборг – Симола. Эшелон конвоем и продовольствием будет обеспечен лагерем военнопленных НКВД» [15; 62–63].

Рассредоточенность на значительной территории северо-западной части СССР лагерей и приемных пунктов военнопленных, в которых финские военнопленные содержались небольшими группами до середины марта 1940 года, потребовала их предварительного сосредоточения в 2–3 местах для удобства доставки в пункты передачи. В некоторых случаях финские военнопленные направлялись в пункты обмена непосредственно из приемных пунктов. Так, 16 апреля 1940 года из сестрорецкого приемного пункта представителю

финской армии Вайнюля было передано 107 финских военнопленных (1 офицер, 7 младших сержантов, 8 капралов, 1 летчик-практикант, 90 рядовых) [15; 63–64]. Передача основной массы военнопленных осуществлялась 16, 20 и 26 апреля 1940 года: обмен проводился с советской стороны уполномоченными капитаном М. П. Зверевым и старшим политруком Н. Г. Шумиловым, с финской стороны – уполномоченным майором Вайнюля. Но передача финских военнопленных происходила и в начале мая 1940 года. Так, 6 мая 1940 года из Петрозаводска в Выборг было направлено 7 финских военнослужащих, которые в период войны получили ранения и прошли лечение в петрозаводских госпиталях (1 офицер и 6 солдат) [4; 28].

Благодаря взаимопониманию и слаженной работе всех членов советско-финляндской комиссии обмен военнопленными был осуществлен в течение одного месяца (16 апреля – 10 мая 1940 года), что уменьшило время страданий финских и советских военнослужащих в плену [15; 64].

В процессе обмена военнопленными решались и вопросы о возвращении им имущества. Так, 21 апреля 1940 года финской стороне было передано 19 873 марки 55 пенни, принадлежавшие финским военнопленным, находившимся в советском плену. Финская сторона, в свою очередь, передала советскому составу Смешанной комиссии ряд документов, изъятых у погибших во время

боев советских солдат: партийные, комсомольские и профсоюзные билеты, паспорта, военные билеты, удостоверения личности и др.

Изучение вопроса о финских военнопленных на территории СССР в период Зимней войны, как, впрочем, и позже, в годы Великой Отечественной войны (в Финляндии большинство исследователей называют ее «война-продолжение») в российской историографии еще только начинается. Предстоит исследовать многие аспекты проблемы: проанализировать организацию приема и эвакуации финских военнопленных с линии фронта в тыловые районы СССР; рассмотреть документы, регулирующие пребывание военнопленных на территории Советского Союза (приказы УПВ НКВД СССР, нормативно-правовые акты НКВД и НКВД СССР относительно финских военнопленных и др.); определить правовое положение (статус) финских военнопленных по международному и советскому праву; дать характеристику социально-психологического климата среди пленных; раскрыть основные направления работы с ними и др. Однако уже сейчас на основе имеющегося материала можно отметить, что попытка советских политических и разведывательных органов использовать финских военнопленных в период Советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 годов в своих целях не принесла ожидаемых результатов.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив Министерства внутренних дел Республики Карелия (далее – МВД РК). Особые папки. Д. 1/1. Т. 1.
2. Архив МВД РК. Д. 1, 1/1, 2. Т. 1, 2.
3. Архив МВД РК. Д. 1/1. Т. 1.
4. Архив МВД РК. Особые папки. Д. 1/1. Т. 2.
5. Архив МВД РК. Особые папки. Д. 2. Т. 1.
6. Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278.
7. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 287. Оп. 2. Ед. хр. 5.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 516. Оп. 2. Д. 33.
9. РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2. Д. 3.
10. РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 47.
11. Центр хранения историко-документальной коллекции. Ф. 1е. Оп. 3. Д. 3.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов (далее – ЦГАИПД). Ф. 24. Оп. 26. Д. 4327.
13. ЦГАИПД. Ф. 24. Оп. 28. Д. 943.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

14. Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46.
15. Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М.: Издательский дом «Грааль», 1997. 248 с.
16. Дудорова О. А. Неизвестные страницы «Зимней войны» // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С. 12–23.
17. Ивашов Л. Г. Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 7–12; № 5. С. 45–50; № 7. С. 35–40.
18. Международная встреча-конференция историков, политологов и общественных деятелей России и Германии «Эра примирения». Петрозаводск, 1995.
19. Носырева Л., Назарова Т. Пойдем на Голгофу, мой брат... // Родина. 1995. № 12. С. 99–105.
20. По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944: Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
21. Pietola Eino. Sotavangit Suomessa, 1941–1944. Helsinki: Gummerus, 1987. 281 s.

УДК 94(47) "1917–1991"

ЭЙНАР ПЕТРОВИЧ ЛАЙДИНЕН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
международного научно-образовательного Центра по истории и культуре Европейского Севера ПетрГУ
einar.laidinen@onego.ru

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА И ОПЕРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК НКВД КАРЕЛЬСКОГО ОКРУГА

В статье рассматриваются отдельные вопросы оперативной деятельности Управления пограничных войск НКВД Карельского округа в Советско-финляндской (Зимней) войне 1939–1940 годов.

Ключевые слова: Советско-финляндская война, Карелия, оперативная деятельность, закордонная агентура, Управление пограничных войск НКВД Карельского округа

13 марта 2010 года исполняется 70 лет со дня окончания «незнаменитой» Советско-финляндской войны, унесшей тысячи жизней. Определенный вклад в ход этой войны внесли карельские пограничники.

СОЗДАНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК В КАРЕЛИИ

До 1923 года карельский участок советско-финляндской границы охраняли воинские подразделения. Изгнав части белофиннов и карел из Северной Карелии, с 1 марта 1922 года бойцы 30-й бригады 10-й стрелковой дивизии (переименованной позже во 2-ю пограничную дивизию) Красной армии приступили к охране государственной границы. Это стало началом формирования пограничных частей Карелии. В конце 1922 года было принято решение о создании Отдельного пограничного корпуса Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Для формирования его в составе Петроградского пограничного округа создается специальная комиссия во главе с

начальником контрразведывательного округа Полномоченного Представительства Государственного политического управления в Петроградском военном округе (ПП ГПУ в ПВО) А. И. Каулем¹. На основании приказа ОГПУ от 1923 года формируется часть пограничной охраны (ЧПО) ПП ОГПУ в ПВО, а также части пограничной охраны ГПУ АКССР. В тот же период создаются пограничные отряды в ГПУ АКССР [10; 65–68].

14 июля 1923 года ПП ГПУ в ПВО отдал приказ № 97 начальнику Карельского областного отдела ГПУ В. Р. Домбровскому: «...сформировать часть пограничной охраны отдела с сохранением штаба Карельского пограничного отряда, начальником коего в оперативном отношении подчинить начальнику части погранохраны ОО ГПУ. Начальником части погранохраны Карельского губернского отдела назначаются начальники КРО по совместительству с подчинением начальнику отдела ГПУ через начальника Секретно-оперативной части (СОЧ)» [1; 84]. Приказом Кароблотнодела ГПУ от 28 августа 1923 года были объявлены штаты вновь введенной части Погранохраны с подчине-

нием отдела численностью 8 человек. Исполняющим обязанности начальника погранчасти был назначен Григорий Пермикин, одновременно он являлся вторым заместителем начальника отдела. В штат также входили 2 уполномоченных (Домовец, А. Богданов), статистик-делопроизводитель, чертежник-дислокатор, переписчик-машинист. На погранчасти возлагалась работа по пограничным пунктам, которые были переданы из контрразведывательного отделения (КРО). Однако уже 31 августа 1923 года начальник КРО М. Сестэ принял у Г. Пермикина дела с материалами по охране границы и приступил к формированию части погранохраны Отдела [2; 257, 260, 269].

Следует отметить, что в Карелии заблаговременно начали подготовку к предстоящим изменениям и созданию частей пограничной охраны. На 1 января 1923 года в Кароблотделе ГПУ было 3 пограничных оперативных пункта: № 1 (с. Кандалакша), № 2 (с. Ухта), № 3 (с. Олонец) с общим штатом 21 человек. Оперпункты дислоцировались на наиболее важных направлениях. Им подчинялись 14 пограничных оперативных постов со штатом 2–4 человека в каждом (всего 39 человек). Всего в оперативных пунктах и оперативных постах служили 60 сотрудников, из них 13 финнов. Среди них было много карел. Большинство сотрудников знали финский язык [3; 6–8].

Согласно приказу ПП ОГПУ в ЛВО № 82 от 21.03.1924, с 1 апреля 65 сотрудников пограничных постов ГПУ были исключены из списка ГПУ и переведены в Погранохрану АКССР [4; 70–71].

В апреле 1924 года приказом ОГПУ от 02.04.1924 в результате реформирования морских контрольных постов на Белом море появились четыре контрольно-пропускных поста: № 1 в Сороках, № 2 в Кемь, № 3 в Керети, № 4 в Ковде. Сотрудников указанных постов исключили из списков органов ГПУ АКССР, передав их в ведение и на все виды довольствия в Погранохрану АКССР и подчинив непосредственно Управлению Погранохраны АКССР [5; 14].

Через 5 месяцев после разделения ГПУ и Погранохраны в Карелии были сформированы пограничные отряды. 9 сентября 1924 года приказом ГПУ АКССР «О Пограничной охране» определяется структура, места дислокации управлений отрядов, комендатур и застав. Управление Погранохраны находилось в Петрозаводске, ему подчинялись 4 пограничных отряда (ПО): Ухтинский пограничный отряд (Ухта) численностью 405 человек; Ружозерский (Ружозеро, в ряде документов проходит как Ребольский погранотряд) со штатом 365 человек; Петрозаводский погранотряд (Петрозаводск) численностью 656 человек; Олонецкий погранотряд (Олонец) численностью 203 человека. В каждом отряде были свое управление и различные подразделения. Всего в 4 пограничных отрядах было 9 комендатур с 87 пограничными заставами [5; 60–68].

29 сентября 1924 года приказом ГПУ АКССР утверждены штаты Управления Пограничной

охраны АКССР численностью 30 человек. Управление состояло из оперативно-разведывательной части, строевой и политической части. Начальник Пограничной охраны был одновременно начальником ГПУ АКССР (Домбровский). Вопросами оперативной деятельности (разведки и контрразведки) занималась оперативно-разведывательная часть (ОРЧ). Начальник ОРЧ был помощником Пограничной охраны и одновременно начальником контрразведывательного отделения ГПУ (М. Состе). Штат ОРЧ состоял из 7 человек: уполномоченный по охране границы (он же заместитель начальника частей погранохраны), помощник уполномоченного по экономике и контрабанде, два помощника уполномоченного по обслуживанию погранчастей, помощник уполномоченного по шпионажу и политической контрабанде, делопроизводитель, машинистка [5; 67]. Кроме того, в каждом пограничном отряде имела своя ОРЧ: со штатом 3 человека (Петрозаводский погранотряд), 6 человек (Олонецкий погранотряд), 8 человек (Ружозерский и Ухтинский погранотряды). Как правило, начальник ОРЧ являлся одновременно и помощником начальника отряда по оперативно-разведывательной части. В штат ОРЧ входили: уполномоченный по охране границы и контрразведке, помощник уполномоченного по охране границы и погранчастей, уполномоченный по шпионажу, борьбе с бандитизмом и политической контрабанде, уполномоченный по контрабанде, помощник уполномоченного по контрабанде, инструктор по применению собак, делопроизводитель-машинист [5; 68–72].

Таким образом, в структуре пограничной разведки было 32 сотрудника, которые занимались вопросами разведки и контрразведки. Сотрудники ОРЧ, как и сотрудники органов безопасности Карелии, вели оперативную работу. Основное внимание уделялось сбору разведывательных данных на сопредельной Финляндии и выявлению шпионов из числа перебежчиков из Финляндии и жителей пограничных районов Карелии. Штатная численность пограничного отряда и оперативно-розыскной части показывает основное направление прикрытия карельского участка советско-финляндской границы, а также оперативной работы карельских пограничников.

Таким образом, в сентябре 1924 года в Карелии было закончено формирование пограничной охраны, началась повседневная физическая и оперативная охрана карельского участка советско-финляндской государственной границы. При этом происходит разделение пограничной охраны на оперативно-чекистскую и войсковую. Ее деятельностью руководили два аппарата: оперативные органы ГПУ и войсковое командование, которые лишь в центре замыкались на одного начальника – заместителя председателя ГПУ [9; 303].

Позже неоднократно происходила реорганизация пограничных войск СССР, и во второй половине 1930-х годов в Карелии было создано Управление пограничных войск НКВД Карельского

округа. Вопросы оперативной деятельности были возложены на 5-й (разведывательный) отдел и 5 отделений пограничных отрядов округа.

УПРАВЛЕНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК НКВД КАРЕЛЬСКОГО ОКРУГА НАКАНУНЕ СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ

Накануне Советско-финляндской войны Управление пограничных войск НКВД Карельского округа, которое дислоцировалось в Петрозаводске, состояло из 4 пограничных отрядов: Ковдозерского, Калевальского (бывшего Ухтинского), Ругозерского, Петрозаводского, а также Поросозерской отдельной комендатуры. Во время Советско-финляндской войны большая нагрузка пришла на Управление пограничных войск НКВД Карельского округа. Всю свою деятельность оно согласовывало с Главным управлением пограничных войск НКВД СССР, НКВД КАССР, Разведуправлением РККА. Особая роль отводилась 5-му (разведывательному) отделу и 5-м отделениям пограничных отрядов округа, решавшим две основные задачи: ведение разведки в сопредельной Финляндии (агентурная разведка) и осуществление контрразведывательной деятельности по выявлению шпионов, направленных в СССР из-за рубежа, и среди местного населения, проживающего в пределах пограничной зоны Карелии. В предвоенный период заграничная агентура пограничной разведки округа информировала о военной подготовке финского командования, «которая явным образом свидетельствует о подготовке к военным действиям Финляндии против Советского Союза» [6; 12–13]. В то же время, по признанию очевидцев, «разведывательная информация округа правильно отображала общую группировку сил противника в предвоенный период, но не была глубокой и исчерпывающей; ... пограничная полоса Финляндии была разведана, изучена и отработана явно неудовлетворительно; отсутствовали данные о пунктах вероятного формирования диверсионных групп и банд на случай военных действий» [6; 12–13].

ОПЕРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК НКВД КАРЕЛЬСКОГО ОКРУГА В ХОДЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

С началом военных действий войскам Ленинградского, Карельского и Мурманского пограничных округов было приказано ликвидировать финские кордоны и обеспечить продвижение Красной армии через линии государственной границы. После захвата кордонов пограничные отряды приступили к выполнению новых боевых задач. Они бдительно охраняли тылы действующей армии, вели разведку, боролись с разведывательно-диверсионными группами противника [10; 88–90].

С началом военных действий «главнейшей задачей разведки округа явилось обеспечение нерушимости государственной границы всей совокупностью агентурно-оперативных мероприятий, как

со стороны бандитско-диверсионных групп, так и со стороны подразделений регулярных войск противника» [6; 18–19], то есть путем разведки во многом решали контрразведывательные задачи.

Советские пограничники выявили важную особенность оперативной обстановки, а именно попытки перехода через границу, особенно на участке 73-го (Ребольского) пограничного отряда, мелких групп противника, имеющих структуру войсковой организации: отделение, взводы, роты и даже батальоны, что было неожиданностью для пограничников. Пограничная разведка объясняла это тем, что пограничники не приняли своевременных мер по созданию специальной агентуры за кордоном, то есть в Финляндии [6; 18–19].

В результате выявления фактов внезапного перехода финских подразделений через границу были сформированы специальные пограничные полки НКВД для охраны коммуникаций и борьбы с бандитизмом. Для обеспечения более успешной боевой деятельности этих частей и подразделений в их штат были введены полковые, батальонные и ротные начальники разведки. На укомплектование разведчиков полков были взяты все начальники 5-х отделений погранотрядов и часть их помощников, а также часть командиров разведки округа. Это, по мнению руководства пограничного округа, отрицательно сказалось на планомерной агентурной разведке в отрядах [6; 21–22] и фактически это указывает на то, что финская сторона уже в Советско-финляндскую войну начала направлять в советский тыл разведывательно-диверсионные группы (в данном случае – разведывательно-диверсионные группы майора Мартина), что также оказалось полной неожиданностью для советской стороны.

Вместе с Красной армией на оккупированную территорию Финляндии вступили и разведчики Управления пограничных войск Карельского округа. Их главной задачей была вербовка агентуры из числа неэвакуировавшихся местных жителей, что успешно выполнялось. В частности, «эта агентура с первых же дней начала давать исключительно ценные материалы, направленность и содержание отвечали интересам границы. Уже в декабре 1939 года агентура информировала о местах спрятанного оружия, которое сразу же изымалось; о связях финских граждан с финскими разведчиками, действующими в тылу Красной армии, и т. д.» [6; 22]. Эти результаты были получены в том числе и с помощью 38 закордонных агентов из числа финнов, которых пограничники завербовали во время войны [6; 30]. Именно через закордонную агентуру пограничники выявили среди финского населения карела Шнероева, которого финская разведка до войны использовала в качестве маршрутного агента, а также его явку на территории Карелии в д. Пески Пряжинского района. Материалы агентурной разработки были реализованы арестом Шнероева. Всего при помощи закордонной агентуры было ликвидировано 7 агентурных дел и первичных разработок [6; 31]. Скажем несколько

слов о Шнероеве. Макар Федорович Шнероев родился в 1895 году и проживал в Сямозерском районе Карелии. Начальник Суоярвского разведывательного пункта Сортавальского разведывательного отдела финской разведки Матти Поймела (он же Матвей Федорович Булдоев) привлёк Шнероева к шпионской работе для сбора разведывательной информации по Карелии. В конце сентября 1929 года М. Ф. Шнероев был арестован ГПУ Карелии и 18 января 1930 года был осужден по ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж) к 10 годам лишения свободы. 19 июня 1930 года Шнероев в числе 3 заключенных бежал из лагеря и в конце июня 1930 года нелегально перешел из СССР в Финляндию. После задержания и допроса был освобожден и поселился в д. Сувилахти, рассказывал массу баек о своем аресте и пребывании в советской тюрьме. В Финляндии он поменял фамилию на Сноро [7], [11; 210].

В то же время деятельность «старой» (довоенной) пограничной агентуры с началом военных действий оказалась малоэффективной. Имелся только один случай, когда через линию фронта на советскую сторону перебежал агент «Ронгонен», который сообщил ряд ценных сведений военного характера и даже был лично принят заместителем наркома обороны СССР командармом 1-го ранга Г. И. Куликом, находившимся на фронте 8-й армии. Второй положительный момент пограничной закордонной агентуры связан с благородным поступком агента «Нурис», спасшего жизнь командир-летчику РККА Соколову, который произвел вынужденную посадку на территории противника. После аварии летчик Соколов блуждал по лесу, случайно набрел на дом агента, был им принят, накормлен, укрыт и переведен через линию фронта. Командующий 9-й армии отметил эту заслугу денежной наградой [6; 22].

Военные действия ввели изменения и в расстановку пограничной закордонной агентуры. Из всей закордонной агентуры только двум агентам удалось остаться на занятой советскими войсками территории, с ними была восстановлена связь и продолжена работа. С другой стороны, часть закордонной агентуры ушла в финскую армию и сражалась на стороне противника, другая часть была эвакуирована в тыл страны с гражданским населением [6; 23].

В мае – июне 1940 года 5-й отдел Управления пограничных войск НКВД Карело-Финского округа подготовил «Обзор материалов по разведывательной деятельности 5-го отдела округа и 5 отделений частей в предвоенный и военный периоды 1939–1940 гг. на советско-финляндской границе» [6; 12–38]. Следует отметить, что документ составлен в духе 1940 года, когда Финляндия считалась агрессором, и его целью было обобщить опыт

разведывательности карельских пограничников в советско-финляндской войне и выявить ее недостатки. По своей направленности «Обзор материалов...» напоминает стенограмму «Совещания при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14–17 апреля 1940 г.» против Финляндии под руководством И. В. Сталина [8]. Особую ценность этого документа представляет описание недостатков работы разведывательного отдела Управления пограничных войск Карело-финского округа. Для 1940 года это были смелые высказывания. Остановимся на некоторых из них:

- мобилизационная готовность 5-го (разведывательного) отдела округа и 5 (разведывательных) отделений частей находилась на низком уровне, поэтому организационные и оперативно-разведывательные мероприятия не были планомерными;
- работа всех органов пограничной разведки округа во время войны проходила без должного взаимодействия с разведывательными органами, особыми отделами НКВД и специальными формированиями НКВД;
- удельный вес пограничной работы по изучению деятельности противника в условиях боевой обстановки был весьма низок;
- работа финской разведки и роль пограничной стражи во время войны были очень слабо освещены;
- не было достигнуто должного взаимодействия с пограничными полками НКВД, а также обмена информацией с разведорганами и Особыми отделами НКВД [6; 37–38].

Авторы «Обзора материалов...» предлагали учесть указанные недостатки для заблаговременного их устранения. В то же время, зная определенные противоречия между пограничной разведкой, разведкой НКВД, Особыми отделами НКВД и Разведуправлением РККА, можно предположить, что частично это повторилось и в войне 1941–1945 годов, но это тема отдельного исследования.

Подводя итоги оперативной деятельности Управления пограничных войск НКВД Карельского округа в ходе Советско-финляндской войны, следует отметить, что деятельность пограничных войск была аналогична деятельности РККА накануне и в ходе войны и имела те же недостатки. Была слишком большая уверенность в своих силах, надежда на финский пролетариат и недооценка противника, которого пограничная разведка знала плохо.

12 марта 1940 года в Москве был заключен советско-финляндский мирный договор, а с 13 марта военные действия между странами прекратились, но для карельских пограничников началась «тайная война» по борьбе с финской разведкой.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Кауль Александр Иосифович (1887–1958), в органах ВЧК–ОГПУ с 1919 года, председатель Тульской ГубЧК, в 1922–1924 годах – начальник контрразведывательного округа ПП ГПУ в ПВО.

ИСТОЧНИКИ

1. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 4. П. 2.
2. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 4. П. 1.
3. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 5. П. 1.
4. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 5. П. 2.
5. Архив УФСБ РФ по РК. ФРД. Оп. 5. П. 3.
6. Архив УФСБ РФ по РК. Ф. КРО. Оп. 1. П. 64.
7. Архив УФСБ РФ по РК. ФПД. Д. № П-13895.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

8. Зимняя война 1939–1940. Книга вторая. И. В. Сталин и финская компания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М.: Наука, 1999. 295 с.
9. На страже границ Отечества. История пограничной службы. М.: Граница, 1998.
10. На страже Северо-Западных рубежей Отечества. Очерки по истории Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа. СПб.: ГПП «Печатный двор», 1998. 304 с.
11. K o s o n e n M a t t i . Raja railona aukea. Tiedustelu Neuvosto-Karjalassa vuosina 1920–1939, Kustannusyhtio Ilias OY. Joensuu, 2001.

УДК 821.161.1.09“18”

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУЗИ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
vnsuzi@yandex.ru

К «ДУХОВНОЙ ПРОБЛЕМЕ» ГОГОЛЯ

Статья раскрывает своеобразие поэтического мировосприятия Гоголя. Объектом изучения являются образная структура автора, художественный замысел и способ его реализации в образной системе. С этим связана базовая категория поэтики – тип художественного метода: *христианский* реализм Достоевского и *магический* реализм Гоголя, их единство и различие в способах отражения и обобщения реальности.

Ключевые слова: историческая и теоретическая поэтика, поэтическое мировоззрение, типология образов, художественный метод, христианский и магический реализм

Назвать Гоголя одной из самых загадочных фигур в русской классике – значит вернуться к *общему месту*, отведенному ему при жизни. Он столь многомерен и противоречив, что впору говорить об олицетворении в нем синдрома одаренности, назвав его *синдромом Гоголя*, связав с ним, обозначив им целый комплекс духовно-психологических проблем бытия и творчества, отличающих всякое крупное дарование; вплоть до темы «гений и злодейство», без сомнения, входящей в проблемное поле, составляющее основу любой личности. Огрубляя мысль, скажем: *всякий Моцарт сам себе Сальери*. Несомненно, можно оценить гениальность как романтический коррелят, синоним проблемности в аспекте вечных состояний души, но одновременно это и востребованная конкретной эпохой историческая категория, тематизированная романтиками. Наше отношение к миру определяет импульс служения или потребления, то есть притяжения мира любовно, самопожертвенно или утилитарно, потребительски. Проще говоря, все мы *родом из детства*, определяющего наш тип мифологиза-

ции мира и своего места в нем. Конечно же, порыв дуалиста окрашен дымкой мечты, романтики, далек от грубой эмпирики, прагматики.

И безусловно, русская культура со Слова о законе и благодати вдохновлялась пафосом *служения*. Вопрос лишь в том, служения кому: Творцу или себе?

Вне Христа любая *жертва* сводится к *самоосвящению*, игре словом, образом.

Обмирщение жизни в XVIII веке, слом традиций потрясли устои нашей души. Это была жесткая проверка на прочность и вместе с тем закал личности и нации. Менялся не просто обряд, канон, устав, отменялся принцип организации, ритуала. Человеку предоставлялось право полагаться лишь на себя, и в то же время он подавлялся всем строем *бытия*, сословно-державным тяглом. За него никто не отвечал, но с него ответственности не снимали.

Разрыв культа и культуры вел к подмене цели средством, раздвоению, распаду, самоотчуждению личности. Культуре остались два пути: возврат к Богу или к магии образа, его культ, су-

веренизация, сакрализация. Запад сделал выбор в пользу социума и индивида в XV веке. Наша культура раздвоилась в путях своих в середине XIX века: классика нашла себя под знаком второй, теперь уже культурной, «христианизации» Руси, *воцерковления* культуры; Серебряный век остался на распутье: утверждая Христа-логоса на словах, на деле тяготели к магии форм, *заговариванию ничто*, ворожке образом, к опасному экспериментированию, *игре в бисер* смыслов, формотворчеству, *новациям ради новаций*. Возникал искус самооправдания, толкавший модерн к теургии, богозамещению, кумиротворчеству. То была иллюзия «антихристово добра».

Гоголя задела *стихия благих порывов, обуздываемых благой волей* («тогда блажен, кто крепко словом правит» в стоянии «бездны на краю», Пушкин), болезнь роста протекала остро. Опасной остроты счастливо избежал Пушкин, необычайный «поэт обыкновенного человека», в нем процесс протекал мягче; сказалась *сила благодатная*, явившая себя и в преемниках: Гоголе, Лермонтове.

1. Взвешенные подходы к личности и творчеству, *проблеме Гоголя* выдвинул профессор-протоиерей В. Зеньковский, исходя из христианской антропологии с ее тремя уровнями разрешения: духовным, психическим и социально-бытовым, физическим; а по сферам: религиозный, поэтико-творческий, биографический.

Эмпирика дает материал, на котором решается духовно-творческая тема.

Любая проблема есть проблема выбора. У Гоголя она начинается с выбора *пути, поприща* («Мысль о службе никогда меня не оставляла» [4; 312]): кем быть – поэтом или аскетом? Вопрос сводился к тому, как сочетать *ум с сердцем*, «писателя комического и сатирического» [4; 288] с учительной проповедью.

Вопрос цели и средств обрел у него форму дилеммы: «Нет выше удела на свете, как звание монаха» [4; 5] – и «... Не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить», «... Едва есть ли высшее из наслаждений, как наслажденные *творить*» [4; 312]. Чужой *запрос*: «... зачем я оставил тот род и то поприще... где был почти господин, и принялся за другое, мне чуждое?» [4; 287] – мучил его. Но и в 1847 году он сознается: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще» [4; 287]. Он готовит себя в жертву *искупления*, в своем «домостроении» совмещая оба пути, императив «очищения» распространяя на дар: «Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою» (завет художника-аскета во 2-й редакции «Портрета»).

Описателям жизни он противопоставляет *творца, ответственного* за нравы, среду, настаивает на соответствии дара и зрелости духа – высокой цели. Ибо кому больше дано, с того строже и спрос! Вопрос в том, по завету Отцов или по образцу Платона протекал его *катарсис*.

Путь к Христу был труден, неровен, мучителен. Проблема заключалась не в *цели*, а в выборе *средств*. Ведь вопрос *призвания* сводится к сопряжению *формы* и *смысла* в образе, Слове.

По сути, речь идет о совмещении Лица и знака, идеи как форм Логоса. У Гоголя это стало его крестом. Дело в том, что образ и идея, живя напряжением *диалога*, разнятся степенью условности и индивидуации, определяемыми их природой и поэтикой автора. Безлико экспансивная идея готова пожрать образ, образ может изменить ее до неузнаваемости. Вот почему всякая идея, завися от образа, эксплуатирует его, стремится обрести имя, лицо. Гоголь, подчиняя образ идее, порыву души, рискует им и собой во имя ее. Благая цель достигалась ценой искусства, жизни. Не слишком ли высока цена? Ответ дают иномирный, культурно-исторический, бытовой критерии. В контексте быта жертва, конечно же, непомерна; в ареале истории и Духа – ответ не столь очевиден. Без *трезвения* здесь неизбежны замещения, подмены, перекосы.

Именно трезвения Гоголю порой и не хватало. Может, скит и был его призванием, как думал Жуковский. Но Гоголь признавал: «... В монастыре тот же мир окружает нас, те же искушенья вокруг нас» (1847, о. Матвею). Постриг мог закалить или сломить дух; в скиту свои искусы, едва ли не гибельнее мирских, творческих. В их сети попадали и суровые аскеты.

Как, например, понять оценку Гоголем выведенных из опыта Отцов «Правил жития в миру»: «... Примите их, как повеление Самого Бога» (Виельгорским, 1844). Что это, наивность? Св. Отцы на такое не дерзали! Искус обрел опасные формы: если пост, то самовольно, прежде срока, не сообразуя меры. Если покаяние, то до самоуничтожения, самоистязания. И тут же самопревозношение. Во всем крайность, увлечение, надрыв; ни в чем середины. Многие вещи писатель избирал не добровольно, а вынужденно, под давлением не столько обстоятельств, сколько состояний, прежде всего болезни, или противостоя ей.

За болью души крылся надлом, плохо поддающийся исцелению. Измученный собой, *дарами не по силам*, Гоголь кается: «Замыслы мои были горды... и упали вместе с тем, как оставила меня способность производить создания поэтические» [4; 313]. Экзальтации отвечало увлечение «Подражанием Христу» Фомы Кемпена, присущее поэтам, в том числе Пушкину. Любимый в миру труд западного мистика однозначно отвергался русской аскезой. Экспрессией чувств, близкой духовному опыту Рима, пронизана и «Божественная литургия», не раз подвергавшаяся прещениям духовной цензуры.

Показательно, что Гоголь в творчестве не доверял воображению («... говорить и писать о высших чувствах... нельзя по воображению» [4; 294], но в быту благое недоверие к образу обретало форму ипохондрии, мнительности, фобий.

Конечно, проблема Слова, призвания задает *герменевтический круг* изучения.

Поэтику (прием, форму) и мировосприятие надо рассматривать в их тесном единстве и *соприкосновении*. Попытаемся без пафоса, не судя и не апологизируя, всмотреться в те процессы, которыми причастны и мы, поскольку боль поэта отражает распад духа, болезнь века сего («Не плоть, а дух растлился в наши дни...» – «Наш век», Тютчев).

2. Гоголь свою цель видит в исцелении себя. Он замечает: «...В то время когда писаны были “Мертвые души”, произошло некоторое обращение на самого себя» [4; 299]. И далее: «Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевес и над вопросами политическими, и над учеными, и над всякими другими вопросами» [4; 307]. Он нередко жестко и трезво оценивал свое положение, будучи не всегда в силах с ним справиться.

«Выбранные места...» он признает нравственно выше уничтоженного в 1845 году 1-го варианта 2-го тома «Мертвых душ» («Это я писал в “прелести”»). Но и «...Переписку с друзьями» считает не вполне зрелой, ибо в ней проступает искусительность образа. Творческая задача сводится к устранению разлада поэта с аскетом на уровне идеи и формы, смысла и образа.

Он пытается найти «идеал прекрасного человека, тот благодатный образ, каким должен быть на земле человек» [4; 295]. Это не «герой нашего времени», а герой на все времена. Именно *найти*, а не *создать*, и проблематично, ибо *дни лукавы* и корыстны. Но, по признанию автора, его манере чужда фантазия («Я никогда ничего не создавал в своем воображении и не имел этого свойства», «Я *создавал* портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья», «Но воображение мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером и не создало ни одной такой вещи, которую где-нибудь не подметил мой взгляд в натуре» [4; 297–298]).

По его мысли, он имел «ум... способный больше выводить, чем выдумывать» [4; 305], с опорой на реальность. Не найдя в ней нужного типа, он решил плута Чичикова привести к идеалу через потрясение, что оказалось невозможно по ряду причин. Автор исходил из идеи, что и закоренелый грешник хранит *образ* Божий. В целом идея верна, но редко осуществима. Все зависит от наличия воли к преображению, потенций, скрытых в *подобии* Богу. Гоголь уповал на действие извне, почти на чудо. Но чудо не тиражируемо; переносить частный случай в ряд множеств, в социум – это утопия, детерминизм, близкий взглядам позитивистов на определяющую роль среды в личности. Вопрос уперся в форму образа – тип или индивид. Автор привычно работает с типом, хотя устремлен к индивиду.

3. Встает вопрос цели, обращения к психотипу, в форме психологизма, ведь «психологиче-

ский вопрос... есть главный предмет всей моей книги» [4; 284]. Он признает: «Вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников» (цит. по: [4; 16–17]).

Онтопсихология Отцов – психология личности, ее воли, когда к действию, в меру приятия дара, способна волящая личность, а не тип, обусловленный средой и плотью. Ее сфера духовна, а не душевна. В ней проступает инобытийная замкнутость обратной перспективы. Привычная нам психология – это скорее социальная психотипология, манипулятивная магия, овладевшая приемами воздействия на душу. В ней цель подменена средствами. «Для рационалиста присутствие переживания или индивидуального тона мысли есть признак *психологизма*, т. е. затемненности и порабощенности мысли. Для “логиста” нижний, подземный этаж личности, ее иррациональные основания, уходящие в недра Космоса, полны скрытым *Словом*, то есть Логосом» [7; 90].

Освобожденность «психологических состояний... от характеров», где «чувства, страсти живут как бы самостоятельной жизнью, способной к саморазвитию» [6; 81, 85], присуще культуре Древней Руси. Поэтому здесь можно говорить только о передаче эмоциональной атмосферы, характера ситуации, а не характера героя, что подтверждает сверхличные истоки образа. В *бесхарактерной* поэтике иномирного контекста центр тяжести оказывается как бы вне личности, в контексте среды, усугубляя в последней личностный импульс.

Это чревато гипертрофией индивида, но только в романтической установке. Лирический герой – форма авторского сознания, выработанная романтиками-дуалистами, противопоставившими микрокосм души макрокосму мира. «...Ведь именно романтики в борьбе против расщепленного аллегоризма отточили понятие символа как *органической многозначности*» [1; 121]. Отклик романтизма на философию тождества выглядит не более как реакция на порожденное ею противоречие, но не его разрешение. «Реализм» же Отцов характеризуется структурированием личностного импульса в диалоге. Мир и человек оказываются в отношениях перихорезы, симфонии тварной и Творящей воли. «За описываемым феноменом стоит чрезвычайно утонченная и до мелочей разработанная психология Григория Паламы, Григория Синаита и Нила Сорского, которая также была психологией “без характеров”», – отмечал С. Аверинцев [1; 137].

Это дает нам право говорить о поэтике «глаголющего безмолвия», бытийно-личностного, *волящего контекста*, присущего поэтике Евангелий. Раскрыта она Пушкиным и Достоевским. Гоголь к ней лишь подступал. Он видел разницу подходов,

но использовать ее мешал стереотип, тип собственной личности. Гоголь выявлял в своих героях общечеловеческие, психо-социальные, а не личные черты. Он перевел идею в позитивную плоскость, в эмпирику, и цель стала недостижима. Не случайно состояние *прелести* он связал с прежним своим пониманием психологии «прирожденных страстей», выводя проблему на уровень библейской *антропологии* и *эсхатологии*.

4. У него заметна общая для его эпохи и культуры динамика от природно-родового, социального психотипа к гномической личной воле. Это движение от христианской платоники Оригена и гносиса свт. Григория Нисского к двум природам и единой воле и Лику Христа, к христианской экзистенции преп. Максима Исповедника. Гоголем упор сделан на стихийно-природное, а не личностно-волевое. Отсюда его прием **типизации**, содержащий проблемный момент. Если в создании образов он отталкивается от реалий, частных, то в логике идет от сущности – к существу, от универсума к ипостаси, что присуще антично-западному *умозрению*, экзальтации чувств, воображения, экспрессии.

Путь Лика иной: от ипостаси – к Троице, очищение, умирение, укрощение страстей, а не их умерщвление, не отвержение мира. К этому добавим, что, ставя цель организации общества на иных началах, особое внимание он уделял *практико-хозяйственной* стороне, идя путем Марфы. Даже мир души он понимал как хозяйство, которое необходимо обустроить. К *созерцанию* и образу он отнесся с недоверием (видимо, в силу склонности к грезам), утверждая *деятельностный* подход.

Ту же задачу, но уже *создания* образа «положительно прекрасного человека», с иными исходными данными, на ином материале – в области отношений *личных*, решал Достоевский. Он взял тип не деятеля (дельца), а *созерцателя*, и не тип, а уникальную *личность*. Ему нужен был пример духовно трезвого практического христианина. Но даже и его, даже на столь благодатном материале поначалу постигла неудача. Мы имеем в виду не качество образа Мышкина (он вполне достоверен, создан гениально), а исполнение замысла. Погубленный средой князь гибнет психически и интеллектуально. Для романа даже 60-х годов задача осталась непосильной. Искомое идеала жизнь не дала. Лишь в Зосиме, Алеше, отчасти Мите задача была решена. Это едва ли не единственный случай в XIX веке.

Тому есть социально-исторические, морально-психологические культурно-идеологические, мировоззренческие, поэтические причины. Начать надо с идеи.

5. Гоголь принял *христианство* как *идею любви, программу действия*. Беды нет, если проект отвечает реальности. По ряду причин соотношение было нарушено. Ведь христианство – явление Личности, Лика, и затем уже идея, план домостроения. Лик, символ, аллегория, идея –

формы жизни в Образе и Слове разного уровня конкретики и условности. Эти реалии претендуют на универсум, всеобщность, кафоличность. Лик есть образ, икона, явь Логоса.

При обозначении иномира деталью быта, соотношении Лика и фона, его символизации фон, служа Лику, сохраняет право автономии, суверенности. К ней неприменимо насилие, даже любовью. Идея в силу безликости, бездушия свое право узурпирует, что ведет ее к столкновению с Образом.

Христианство Гоголь воспринял теоцентрически, теократически, романтически ветхозаветно, а не христообразно, христоцентрически. Любый дар может стать искусом в меру его приятя. Между Промыслом, реализуемым в Лике, идеей и знаком телесным, культурой и культом нет противоречия, оно привнесено нашим со-знанием. Жизнь дышит в диалоге, Зове и отклике, встрече, Вести и отзыве, соборе; «язык есть дом бытия» (Хайдеггер), ибо *мы призваны в общение*.

Динамика диалога возможна, реализуема лишь в свободе со-вести, определяется ракурсом видения, соотношением прямой и обратной перспективы. Иначе возникает *ложь благих*, но *стихийно* монологических, волевых порывов. *Магия* образа, культ красоты, формы, их подчинение идее, эстетизация, любование вместо созерцания, живописная пластика плоти – идеал Рима. Социальный активизм, доминанта этики труда, идеи над созерцанием, ригоризм проповеди – знаки Реформации. Подмена любящего, страдающего Лика – символом, идеей любви – формы христианского позитивизма.

Очарование образом, ворожба словом, закливание – рудименты эмпиризма, культивируемые романтикой, эстетикой Платона, и – противостоянием ей. Отсюда жажда буквального «подражания Христу» Фомы Кемптена, почитаемого Гоголем за идеал христианина, и позднейшая «философия общего дела» Н. Федорова. Истоки их – магия Платонова зйдоса.

6. Сугубо филологический аспект нашей темы – соотношение **романтического воления** и **реалистической детали**. И вновь отметим: реализм Гоголя имеет два уровня – *бытовой* и *иномырный*. На втором уровне доминирует элемент фантазии, иррацию, диссонанса, присущих поэтике барокко, рудименты чего отчетливы у Гоголя (наряду с Ломоносовым, Державиным, Тютчевым, Лермонтовым, Достоевским). «Внешний реализм Гоголя не был, в сущности, настоящим реализмом» [5; 63]. Это реализм **магический**, восходящий к мысле-образам Платона. Диссонанс Идеала и мира, романтической идеи, пафоса души и поэтической формы, мечты и жажды обновления, обличения усугубился, оказался неустраним. Гоголь, мученик *веры* в *образ и идею*, поднялся в ней до высот исповедничества. Но в нем доминировал *соблазн* идеи-образа, красоты и *искус* *борения* с ним, с собой. Его силы подрывал пафос разоблачения, противостояния

злу Идеалом. Он исчерпал запас «тайной свободы», трезвения Духа, остался не понят и друзьями, отчасти по своей вине, что вскоре признал. Он иссяк не творчески, а морально-душевно; утратил не дар, а доверие к себе, образу. В этом был свой резон: дар искусителен, но недоверие стало манией. Его жизненно-творческую драму, усвоив ее урок, разрешил Достоевский.

О «реализме». Тема двоения души, *распада* духа пронизывает, организует, поляризует и связывает идейно-поэтический хронотоп Гоголя, проступая на уровне *воличноствления*, Христовы Лица и *типизации* Платонова эйдоса. Он сопрягает типологию (прием) и веру в проекции Воскресения *мертвых душ*.

Но в образе-типе воля лишь угадывается, намечена, личное весьма условно, доминирует среда. Получается не портрет и не икона (лик), а портретная аллегория (колоритно выписанный манекен, муляж, пустая оболочка). Отсюда впечатление неверия, нелюбви автора к своим персонажам, поскольку это не лица, а маски, куклы. Мысль автора противостоит форме, но деталь предстает правдоподобней, жизнеспособней идеи. Живая материя противится нажиму, выдает заданность идеи. Форма и идея оказались полярны, как *эйдос* и Лик. Таков образный исток тяги автора к проповеди, публицистике, где идея находила себе адекватную форму. Здесь лежит причина отказа от 2-го тома «Мертвых душ» автором, понявшим неосуществимость мысли в прежней форме.

Если говорить о *символическом реализме* (не в понимании модерна, а в парадигме 5–6-го Вселенского собора), то Гоголь придал человеческим страстям («бесам») черты индивидов – узнаваемость, жизнеподобие. Выражение его «лиц» может меняться, быть подвижно, но это маски-аллегии, подобию, создающие иллюзию жизни. Он не людей приравнял к бесам (что невозможно), а страсти вочеловечил. В типах Гоголя доминирует колорит. Но это не живопись Ренессанса и не средневековый символизм, а портретный аллегоризм. Двойственный ракурс двоит мысли, образы.

Иное видим у Достоевского: это беснование схожих с бесами лиц, им уподобившихся, но ими не ставших. Это опирается на нераздельность и различие, связь свободы и необходимости, детерминации косной природы в Лике. В типе доминирует статика *натуры* (среда, социум, быт), в личности – воля, динамика духа. Творец жаждет не фиксации данности, а ее изменения.

Но быт сковывает. Отсюда «натурализм», чуждый **поэтической теургии**. Его Чичиков – поэт быта, «вещности», потребления, но мист, жрец приобретения, *стяжания*. Пластика *самовыражения*, экспрессии близка ему. Но в дилемме *быть* или *иметь* ему дано лишь *казаться*, а автор желал перевести его из парадигмы *быта* в проекцию *бытия*, преобразить. Но *вещность* и *вечность* не сопряжены *его стилистикой*, тре-

буют поэтики «диалога». Автор, типизуя мир через вещную суть, как герой, оказывается связан плотью образа-детали.

Для освобождения надо менять стиль, прием или корректировать цели.

Его манера идет от поэтики *невывразимого*, содержащей угрозу миру, подмены его грезой, чреватой магией образа, насилием над жизнью. Имя отрывается от сути, явление от героя. Возникает зазор, образуя локус нереализуемой воли автора, проникающего за грань плоти. Творя зазеркалье, жутко сладостные фантомы, он разрушает реальность. Показательно, что его равно отвергли люди враждующих лагерей. Резкость оценок вызвана позицией Гоголя, не уступающей экспрессией приема ригоризму Белинского. Реализм детали, пластика бытоподобия усугублены беспощадным светом идеала.

Чичиков, вопреки усилиям автора, исчерпан миром вещей 1-го тома. Его преобразование невозможно. Это утопия романтика, иррацию мечты (Фихте), минутный порыв (*elan*), не более. Но поэзия быта не чужда автору (не суд над буколической «низкой» жизни, а грусть от сознания ее бренности). Цена мир, он судит плоть мерой ритора, идеи, чуждой благодушия («нельзя повторять Пушкина», «Выбранные места...»). Гоголь – поэт «предметов и явлений не в их действительности, а в их пределе» (В. Розанов). Динамика от индивида к общему, пределу-эйдосу и есть *типизация*. Отсюда иллюстративность типа, близкая духу книжной иллюстрации. Возникает второ-реальность скрытых смыслов, где порыв скован формой, суггестия **типа и индивида** полярны.

Тип – сгусток смысла, индивид заряжен энергией. При их различии они равны в цене. Динамика типа внутренне статична, неизменна. Но он выпадает порой из пластики застывших форм, как влюбленный Чичиков, достигая экспрессии без-образия. Но за ним стоит автор с морально-поэтической меркой Идеала, сгущающей *мрак жизни* по контрасту. Здесь эрос застыл, а не исчез в паноптикуме людей-вещей. Шинель, мундир – вещная форма эроса, формочувство. Трагизм эроса, пола проступает в стихии эстетики, чувств («Вий», Андрий, «Невский проспект»). Отсутствие «поэтического огня» рождает скуку без-дарности, зла. Порыв не спасает от пустоты, если ничтожен исток («Портрет»). Контраст *призвания* и *реализации* выступает в *утрате себя*, какофония мира *глушит музыку сфер, лишает слуха, ведет к безумию*. Поэтому поэтика недолжного, *несочувствия* малым сим, отдающая *мироотвержением*, возмутила *бедного* Девушкина в «Шинели», а «Станционный смотритель» согрел его душу. Взор Пушкина и Достоевского изначально устремлен к драме вины, искупления, у Гоголя – тяготеет к трагике неискупимости без вины. И их идеал – Христов лик и имя. Но реализм Гоголя состоит не в типизации характеров, не в гиперболизации

деталей, а в возврате быта в инобытие, их связи (воплощение фантазмагорий, реальность фантамов), в обратной проекции. Но это не символический реализм иконы, а аллегоризм и фантазмагоризм поэтики барокко. Отсюда ужас бытия, отвращение к быту.

Плоть реалистической детали отторгает от себя без-образия жизни, освобождает душу от быта, расчищает место идеалу. Автор весь пребывает в плену лирических стихий, боится их утраты; его силы ушли на проживание своего идеала: «Сурово его (“непризнанного писателя”. – В. С.) поприще и горько почувствует он свое одиночество» (гл. 7 «Мертвых душ»).

Трезвение духа в суде над миром оказалось невозможно.

Идеи, позиции, поэтика Гоголя устойчивы и многоуровневы в сплетении реальных и фантастических: его бытовой и «психологический», онтический реализм – от двоемирности – «инструментален»: оформляет лирические порывы романтика, связывая мечту и эмпирику. Это противоречивость единства, множества форм в их внутренней цельности, последовательности. Иной мир прорывает течение повествования одной фразой, ремаркой, вводным словом, вздохом. «Нигде нет фальши, хотя много неправдоподобия» [5; 28]. «Гоголь – гениальный живописец внешних форм, но никто не заметил, что за этими формами в сущности ничего не скрывается, нет никакой души» ([8], В. Розанов).

В его мире явственны три уровня: быт (плоть, предмет), душа, дух. Жизнь плоти переходит в омертвление души при едва заметном всплеске духа: его **магический реализм** – все та же **романтика**. Так, в «Шинели» быт и эрос сплетены, вызывая судорогой агонии «воспламенение души», вспышку перед последним ее омертвлением. Поэзия быта приправлена сарказмом, будто в отместку за увлечение деталью спохватившегося автора: «...видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов». От поэзии быта, магии красоты, завершенности, ее *чар*, от стихии, опьянения, восторга автор вдруг впадает в скепсис, нигилизм, обличение, отвержение, уныние. Происходит резкая смена идеи, ракурса, угла зрения, образуя смесь добродушной иронии, уничтожающего сарказма, грусти, отвращения, уныния, высокой трагикомедии, ужаса перед стихией плоти, ничто. Его смех *стихийной свободой* своей сродни *лиризму*. Лирическая стихия и сила смеха сплелись в очищающем *смехе сквозь слезы*, в покалывании о грехах мира и своих. Возникает вопрос: истоки смеха, слез, лирики – неудержимая стихия или волящая мысль? В первом случае нам грозит «демон иронии», вызывающий пароксизмы смеха, на которые безумием, смехом ужаса отзывается бездна, пустота, скука. Опасность его показал Пушкин в «Пире во время чумы», она открылась Блоку в «Двенадцати».

Смех не тот феномен, который приветствуется Благой вестью; в Ней при наличии памяти

смертной, страха Господня доминирует радость Пасхи. Беснование стихий Ей чуждо. Гоголь, давая концепцию *лирического и комического*, на вопрос *истоков* прямо не отвечает, лишь констатирует: «В глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. ...Кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..» И далее: «...Озаренное силой смеха несет уже примирение в душу» («Театральный развезд»). Выходит, истоком всего резонно является любовь. Но тут же: «...нужно со смехом быть очень осторожным» [4; 293], то есть различать любовь стихийную и агапе. Действительно, в его идиллии, и смехе, и музыкальном лиризме скрыт Зов и трагедия, конвульсии ужаса, «едкость боли уже охладевшего сердца», бес тревоги, соль слез. Отсюда резкая смена тональности повествования, их смешение. Страстный дидактизм автора чужд плоскому морализму критики. И гипербола, знак беды, дана им не смеха ради; он суров к себе, но заряжен, упоен эмоцией. Страсть – та стихия, которую он жаждет обуздать волей, сам не всегда владея собой и ею. Потому некритичное приятие архим. Феодором Бухаревым «Выбранных мест...» проистекает из той сферы гуманной душевности, что присуща теплоте разбавленной духовности, подменяющей тело и кровь Христовы чувственно-умственным «подражанием».

Она претила даже автору, не говоря уж о его критиках из церковной среды. Это топос паперти и притвора, но никак не храмовое, не алтарное пространство. Это нищета чего угодно, но не Духа. На «нравственное одиночество» его обрекала не столько среда, сколько он сам. При иной оценке «ортодоксы» окажутся в стане его *гонимых* вместе с либералами. Не зря Гоголь признается: «Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно» [4; 293]. Надо думать, под разумом он имел в виду Софию, а не тварный ум, которые вполне различал. И когда он намерен «ловить душу его (человека. – В. С.) в малейших чертах и движениях его» [4; 296], он имеет в виду не только психологию, но пневматику и апологию («в урок и в поученье»), примеряя призывание апостолов быть «ловцами человеков». А для этого надо обустроить «хозяйство» души, для чего нужна бескровно строительная жертва Благодарения, когда «позабыть нужно обо всех огорчениях собственных» [4; 291]. «...В это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметное стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла» [4; 299].

Но жажда действия и призывание влекут автора не домой, а в Рим. Здесь, как всюду у него, скрыт парадокс. Гоголь пишет: «...Мне нужно было это удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России» [4; 300]. «...Узнаю цену России только вне России и до-

буду любовь к ней вдали от нее», «Среди России я почти не увидал России» [4; 302]. Обычному для русских европейцев позыву скитаний есть две мотивации: любить издали проще и, говоря словами Есенина, «большое видится на расстоянии». У Гоголя, помимо любви к «красавице Италии», есть дополнительный мотив – он должен осмыслить многое – свое призвание, место («...Должен ли я в самом деле писать? <...> Благоприятно ли нынешнее время для писателя...?»), роль России в Европе. Сделать это дома невозможно. Для этого необходимо сосредоточение, уединение, отстранение от объекта осмысления. А в России все слишком беспокойно, подвижно, изменчиво, суетно, полемично: «Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя...» [4; 307]. – «...У всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры». «Словом – во все пребывание мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась» [4; 303]. Уже «Мертвые души» призваны были ответить на эти вопросы. И он вновь бежит из дому, где ему трудно жить, думается, пишется. И снова безытность, дорога, чужбина. Так в юности он стремился в Петербург, в Германию, позднее – в Святую землю. Но окончательный ответ не найден ни в Риме, ни в Палестине, ни в Москве. И он устремляет взор и стопы к вечной Отчизне. Бесприютный скиталец вопрошает в тоске: «Зачем венцом всех эстетических наслаждений во мне осталось свойство восхищаться красотой души человека везде, где бы я ее ни встретил?» [4; 306]. Это ответ всем, говорящим о мизантропии Гоголя. Где здесь мироотвержение и психология сектанта? Это видение глубин греха в нас, знакомое Св. Отцам и солнечному Пушкину. Из римского, если что и есть, то культ красоты. Какой же поэт обойдется без нее? На ней стоит мир, воспетый в «Песни песней». Потому автор вправе заявить: «В книге моей скорее зерно примиренья, а не раздора». Он признает: «Книга моя была полезна прежде других – мне» [4; 321], стала зеркалом души. Он даже за неправый суд над ним благодарен, поскольку узнал, что нет «выше подвига, как подать руку изнемогшему духом» [4; 322]. Потому и пришел к Христову: «Просящему дай».

Если герой Достоевского – поэт «подполья», то Гоголь – «герой» романиста, «вечности заложник, у времени в плену» (Пастернак). При исповедальности он очень замкнут: «...Творчество Гоголя, при всей внутренней свободе Гоголя как художника, находилось в несомненной, хотя часто и скрытой зависимости от его идейных построений» [5; 4]. Критика обычно идет от среды, сюжета, а ключ скрыт в эмоции-идее автора: потому Акакий дан «беспощадно», и тут же: «...я брат твой». Герой, поэт-каллиграф, сродни автору, хочет вернуться в материнское лоно шинели (материализация, символ души, мечты, его эрос).

Оттого автор, отрезав, так жесток с ним, как с собой. Он верит: «Сила влияния нравственного

выше всяких сил» [4; 314], «Весь мир не полюбишь, если не начнешь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчить тебя» [4; 316]. И молит: «Матушка, спаси твоего бедного сына!» («Записки сумасшедшего», 1834). Мольба прямо обращена к России и Богородице, Матери мира. Это так близко завету *любви к Богу через милость ближнему*, к слову старца Зосимы у Достоевского.

Понятно, что грезы Гоголя породила эпоха идеалов и мистики, реформ Александра I, жажды *объять необъятное*; дозрел он в эпоху распада духа и жестких форм быта. Так сплелись мечта поэта-провинциала и универсум убогой среды, породив очарование формой, пластикой, идеей, умозрением, утопией *власти* над умами подданных-статистов, читателей, *статикой мифа*, культом державно завершенных форм в культуре. Утрата их вела к упадку сил: «Никогда еще не чувствовал так бессилия своего и немощи. Так много есть о чем сказать, а примешься – перо не подымается» [2]. «Я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения» [3]. Завет гения – «будьте живые, а не мертвые души!» – выразил опыт личной драмы, имеющей психосоматический и духовный критерии мотивации (нас волнует духовно-творческий и менее всего медицинский аспект темы, но и обойти последний нельзя). Не смешиваясь, они взаимодополняются, отчетливо выступают у него: сжег 2-й том и умер, устал (сошлись вместе: физический недуг, драма любви, острая депрессия, кризис творческий, провоцируемые напряжением всех сил). И последний вздох облегчения: «как сладко умирать»; не напоминает ли он вздох на кресте: ИСПОЛНИЛОСЬ! Умер с сознанием исполненного в меру сил христианского долга. Следование Христу стало почти буквальным, в соответствии с «авторским замыслом». Вопрос *верности пути* остается, но ответ не в нашей уже компетенции. Наше дело: *реплика в диалоге*.

Нам лишь хотелось соотнести сладость его смерти со сладостью творчества и любви, как соотнес он их с Иисусом Сладчайшим, не *прогоркиим* и в миру.

Ведь личность, тайна единства в многообразии, всегда проблемна, как явь Богочеловека. А ее привычно восприняли как «конфликт между духовными устремлениями и писательским даром» [4; 12] (В. Воропаев), чей исток не вовне, а в ней самой. Но можно дать и иной срез, соотнеся вектор влечений с *типом* дарования. Продуктивней видеть здесь не конфликт, а напряжение полюсов автора, тему *нового вина* и *старых мехов*. И тогда нет предопределения, а есть воздаяние и искупление, живая Христова идея и нормативная поэтика, близкая проповеди. И это уже не частный или бытийный спор, а эпохальный диалог *оговорочного* и *готового* слова романа и риторики, гомиластики. Драма обретает творческий, исторический акцент. Его тематизи-

ровали наши медиевисты, а на Достоевском и Рабле вскрыл Бахтин, внятно артикулировали Аверинцев, Михайлов. Мы, расширяя ареал, круг имен, обозначили болевые точки Гоголя.

У иных авторов они, явно, иные. Заметим, это не спор *гениальности* и *святости*, как его понял (конечно же, из самых *благих побуждений*) «бунтарь» и экстремал духа, «апостол свободы» Бердяев и доброхоты – любители столкнуть Церковь с миром и культурой, его наслед-

ники. Обычно неукротимое рвение обратить *мир* в *скит*, в *пустынь* превращает мир в пустыню, когда *ревнители благочестия* обращаются в *неистовых ревнителей* «мировых пожаров» (ср. «Двенадцать» Блока). Этим опытом мы богаты, как никаким иным. Отметим, это именно *драматический*, а не *трагический* опыт, поскольку доминирует в нем не пассивный, а активно-личностный момент ответственности выбора, воли (независимо от оценки ее направленности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.
2. Гоголь Н. В. Письмо Константиновскому М. А., конец апреля 1850 г. Москва // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937–1952]. Т. 12. 1952. С. 140–148.
3. Гоголь Н. В. Письмо Шевыреву С. П., 28 февраля н. ст. 1843 г. Рим // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937–1952]. Т. 14. 1952. С. 178–179.
4. Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Гоголь Н. В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1997. С. 240–276.
5. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь // Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. С. 142–266.
6. Лихачев Д. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 186 с.
7. Эрн В. Сочинения. М.: Правда, 1991. 576 с.
8. <http://www.bibliotekar.ru/rus-Rozanov/index.htm>.

УДК 821.161.1.09“18”

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА АЛЕКСЕЕВА

соискатель кафедры русской литературы филологического
факультета ПетрГУ
lempi@mail.ru

ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «ГРИША»

Статья посвящена одному из аспектов изучения творчества П. И. Мельникова-Печерского – проблеме выявления источников. Основное внимание в статье будет сосредоточено на древнерусских источниках повести «Гриша».

Ключевые слова: творчество П. И. Мельникова-Печерского, древнерусские источники, идея духовного поиска, проблемы веры и безверия, мотив испытания праведничества, мотив странничества, образ пустыни

Одним из аспектов изучения творчества П. И. Мельникова-Печерского является установление старообрядческих, древнерусских и фольклорных источников его произведений. Продемонстрировать такой подход к изучению его творчества можно на примере повести «Гриша» (1860), тем самым дополнив наблюдения некоторых исследователей.

К исследованию повести «Гриша» обращались О. Е. Баланчук, П. А. Гапоненко, Н. Н. Прокофьева, С. В. Шешунова, которые в своих работах указывали на некоторые ее источники.

Так, О. Е. Баланчук в своей монографии «Циклизация как принцип поэтики П. И. Мельникова-Печерского (на материале произведений 1840–1860-х гг.)» [2] пытается проследить процесс формирования основных принципов поэтики писателя и определить возможность их реализации в «ключевых» текстах П. И. Мельникова-Печерского. В контексте этой проблемы рассматривается и повесть «Гриша» как произведение, непосредственно предшествовавшее дилогии «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–

1881). О. Е. Баланчук обращает внимание на наличие в повести некоторых житийных черт.

В статье Н. Н. Прокофьевой «Мельников-Печерский» [9] рассматривается идейное содержание повести в контексте изучения личности писателя и его творчества. Данная статья представляет для нас интерес, поскольку исследовательница указывает на один из источников повести «Гриша» – «Повесть о Варлааме и Иоасафе».

С. В. Шешунова в статье «Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции» [12] обращается к китежской легенде, а именно к изучению трансформаций, которые претерпевает образ Китежа в творчестве русских писателей, в том числе П. И. Мельникова-Печерского.

Исследователя П. А. Гапоненко повесть П. И. Мельникова-Печерского «Гриша» интересует как источник поэмы А. Н. Майкова «Странник» 1867 года, в которой сюжет и образы повести получили свое развитие [3].

В данной работе мы обратим внимание на древнерусские источники повести П. И. Мельникова-Печерского.

Повесть «Гриша», вызвавшая противоречивые отклики современников П. И. Мельникова-Печерского, в своей основе имеет сюжет о юноше-старообрядце, который в поисках «истинной веры» становится соучастником преступления. В повести автором затрагивается проблема поиска «истинной веры» и «праведной жизни», проблема выбора героем своего жизненного пути.

Первоначально может сложиться впечатление, что идея повести П. И. Мельникова-Печерского сосредоточена исключительно на теме старообрядчества, о чем свидетельствует ее подзаголовок – «Из раскольников быта». Однако идейное содержание повести гораздо шире, чем просто изображение старообрядческого быта и обличение идеологии старообрядчества. К этой проблеме автор напрямую обратится позднее – в диалогии «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1881). Здесь же на первом плане выступают идея духовного поиска героя, проблемы веры и безверия, поиска истины, как удачно было определено Н. Н. Прокофьевой, «проблемы истинных и ложных ценностей, вопросы религиозного сознания», ставшие центральными в творчестве ряда писателей второй половины XIX века, таких как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков и другие [9; 24].

В жизни П. И. Мельникова-Печерского старообрядчество занимало особое место как проблема и государственная, и общественная. Писатель превосходно знал памятники древнерусской и старообрядческой письменности, изучал старообрядческие предания и легенды, собирал редкие документы, непосредственно наблюдал за жизнью старообрядцев. Связь повести «Гриша» с произведениями древнерусской и старообрядческой литературы очевидна. Среди источников повести следует назвать «Китежскую легенду», «Беседу трех святителей», «Повесть о Варлааме и Иоасафе». Можно говорить, в частности, о близости повести к житийному жанру.

П. И. Мельников-Печерский, раскрывая характеры своих героев, следует традиционной схеме построения сюжета в житии.

Так, в образе Евпраксии Михайловны Гусятниковой, хозяйки дома, обращают на себя внимание некоторые житийные традиции. Основу содержания образа героини составляют черты, демонстрирующие ее религиозность, скитское мировоззрение: добродетель, кротость, вера в Священное Писание. Евпраксия Михайловна «ото всех людей почтена была за жизнь строгую, подвижную. Правдой жила: много потаенного добра творила она, много раздала тайной милостыни, и на смертном одре поднесла господу три дара: первый дар – ночное моление, другой дар – пост-воздержанье, третий дар – любовь-добродетель» [6; 286]. Такой характеристикой автор знакомит нас с образом благочестивой вдовы в начале повести. Она следует библейской заповеди «Возлюби ближнего своего», давая всякому страннику, помянувшему имя Христово, приста-

нище и хлеб-соль в своем доме, ведь, по ее словам, «все люди – Христовы человеки» [6; 293]. Всем своим образом жизни Евпраксия Михайловна приближается к идеалу праведничества. Многочисленные эпизоды повести, в которых она представлена, раскрывают ее религиозность. Она и детей воспитала в страхе Господнем и сама чтит Закон Божий.

Однако образ героини неоднозначен. Еще в начале повести другая сторона ее образа – купеческая деятельность: «На усадьбе Евпраксии Михайловны много жило народу: тут стояли заводы кожевенные, салотопные, свечной, клееварный, тут же кошму из шерсти валяли, овчины выделывали, одних работников что тут жило?» [6; 289]. Возможно, уже здесь скрывается мирское, суетное начало героини, которое открывается лишь в конце повести, после ее смерти. Но до этого оно не дает о себе знать на протяжении всего произведения.

Финальной сценой повести П. И. Мельников-Печерский разоблачил старообрядчество, показав, что денежные интересы для героини оказались важнее религиозных. Пропажу сундука с деньгами, который хранился не где-нибудь, а именно в моленной, приводит к необратимым последствиям: «Дня через три хоронили Евпраксию Михайловну – умерла в одночасье» [6; 322]. Социально-бытовое начало в образе Евпраксии Михайловны, обусловленное ее купеческой деятельностью, оказалось на переднем плане. И все же следует признать, что в ее образе сильны житийные традиции изображения героя-праведника.

Главный герой повести в своих религиозных поисках истинной веры проходит путь от веры к безверию. Автор ставит Гришу в такие жизненные ситуации, сталкивая с рядом второстепенных персонажей, что сомнения героя все больше и больше усиливаются. Препятствия, встающие на его пути, оказываются непреодолимыми.

История молодого келейника Гриши в повести начинается с рассказа о его детстве, во многом напоминающем детство святого. Гриша был круглым сиротой, отец которого умер от пьянства. Несмотря на это, он с раннего возраста несет на себе печать нравственного совершенства. Герой повести живет по вере своих предков-старообрядцев, узнавая о ней из богослужебных книг, житий подвижников, духовных песен. Как и святой, Гриша не по-детски серьезен, тих, послушен. Волей Господа, открывшего ему разум, Гриша осваивает грамоту. Отрешенность от всего мирского, погруженность в себя, смирение перед людской злобой, которую он принимает как благодеянье, соблюдение строгого жития – все это роднит Гришу с образом святого и позволяет говорить о его праведничестве. Может быть, не случайно имя Григорий (от греч. *gregorios* – «бодрствующий»), которым П. И. Мельников-Печерский наделяет своего героя, восходит к имени святых [11; 82]. Как раз такие качества привлекают внимание Евпраксии Михай-

ловны, ищущей в помощь странникам человека, который «служил бы не из платы, а по доброму хотению, плоть да волю свою умерщвлял бы, творил бы дело свое ради Бога» [6; 287].

Казалось бы, ничто не может свести Гришу с праведного пути, поколебать его добродетельность. Такое самоотречение становится серьезным испытанием воли и духа героя. Он готов на любой подвиг ради веры, но как раз эта самоотверженность и приводит его к преступлению.

Герой претерпевает духовные изменения, меняется и его идеал, воплощением которого является пустыня. Ее образ появляется в повести несколько раз. Первый раз она предстает как конечная цель мечтаний Григория:

О, прекрасная мати-пустыня!
Сам господь тебя, пустыню, похваляет:
Отцы по пустыне скитались,
И ангелы им помогали...
Прекрасная ты пустыня,
Прекрасная ты раиня,
Любимая моя мати!
Прими ты меня, мать-пустыня,
От юности моей прелестной!
Научи меня, мати-пустыня,
Жить и творить божье дело! [6; 289]

В образе пустыни как символе счастья и спасения души прослеживается связь повести П. И. Мельникова-Печерского с древнерусской «Повестью о Варлааме и Иоасафе», на которую указывает сам текст произведения: Гриша с любовью читает «Повесть об индийском царевиче Асафе». Эта повесть, переведенная с греческого языка не позднее XI века, была широко распространена в древнерусской письменности. Ее сюжет был одним из самых известных в мировой литературе Средневековья и лег в основу более 140 версий повести более чем на 30 языках. Перевод этого произведения на русской почве вошел в состав Пролога [8; 653]. В повести рассказывается о царевиче Иоасафе, который, несмотря на волю отца, обращается в христианство пустыником Варлаамом, обращает к своему народу, а затем, оставив свое богатство и власть, уходит в пустыню.

Чтение «Повести об Индийском царевиче Иоасафе» воодушевляет Гришу повторить подвиг христианского подвижника, наводит его на глубокие размышления: «Вот — и царевич был, и царством владал, жил в белокаменных палатах, было у него золотой казны несметно, всяких сокровищ земных неисчетно... Променил же царские брашна на гнилую колоду, сладкие меда на болотну водицу...» [6; 288]. Эти образы — «прекрасной матери-пустыни», царевича — усиливают в Грише религиозное чувство.

Одержимый мечтой уйти от грешного мира в воспеваемую им «прекрасную мать-пустыню», подвизаться, как поступали святые, Гриша пытается найти себе духовного наставника, поскольку

ку не способен решиться на такой серьезный поступок. Но он убеждается, что нет никого праведнее его. Гришу одолевает один из самых тяжких грехов — грех гордыни.

Следует отметить, что мотив испытания праведности, имеющий древнерусское происхождение, является бродячим, известным по некоторым патериковым легендам. Связь повести П. И. Мельникова-Печерского с этим мотивом можно продемонстрировать на примере легенды о Сергии из болгарского Сводного патерика (XIV век).

Легенда повествует о некоем Пире, старце-пустыннике, возмнившим себя самым праведным. Однажды он взмолился Богу и попросил указать ему, есть ли на свете человек праведнее его. Бог указал ему на Сергия из Александрии, старейшину над блудницами, принявшего иноческий образ. Когда старец узнал, что он, пребывавший много лет в служении Богу, оказался равным в праведности старейшине над блудницами, его одолел грех гордыни. Дальше сюжеты расходятся: в патеричном рассказе старец знакомится с более праведным человеком, чем он, и эта встреча приводит его к еще большему смирению перед Богом и очищению. Когда старец узнает от Сергия историю спасения им молодой женщины от греха и освобождении монахинь из осажденного войсками монастыря, он убеждается окончательно в том, что Сергий действительно праведнее его [7; 354–359].

В повести П. И. Мельникова-Печерского этого нет. Гриша втягивается еще больше в омут греха, теряя смысл своего подвижничества, который состоит в смирении пред Господом и постоянном противлении греху. И даже появление настоящего праведника Досифея, воплотившего идеал пустынножителя, к которому он стремился, неспособно поколебать уверенности Гриши в своей праведности и в том, что наиболее праведным занятием является борьба с «никонианской ересью», а не смирение пред волей Бога. В образе Досифея обнаруживается параллель с образом Варлаама из древнерусской повести: они оба в своих наставлениях высказывают мысль о том, что «споры о вере — грех перед Господом» [6; 308], [8; 225]. Однако слова Досифея остаются непонятыми Гришей, поскольку душа юного келейника оказывается оскверненной человеконенавистью.

В отличие от святого, который побеждает искушения, Гриша терпит поражение за поражением. Поражение Гриши еще и в том, что он не сумел увидеть в Досифее истинного праведника, приняв его за «беса лукавого». Не выдерживает дух Гриши и в борьбе с «бесовской силой», явившейся ему в образе Дуняши, встреча с которой символизирует борьбу греховного и праведного начал. От искушения его не спасают ни строгий пост, ни истязание своего тела, ни молитвы. Плоть побеждает дух.

Все эти испытания, выпавшие на долю Гриши, не укрепляют душу героя, как в житийной

литературе, а напротив, постепенно подводят его к окончательному поражению.

Раскрытию образа Гриши, борьбы греховного и праведного в душе героя способствует мотив странничества. П. И. Мельников-Печерский создает три образа странников, встреча с которыми порождает в герое душевные сомнения в том, есть ли на земле истинно верующий человек. Каждая такая встреча оказывается для Гриши еще одним шагом к падению.

В образах странников Мардария и Варлаама проявляется обличительный характер повести. Оба странника – грешники, они являются воплощением пороков – пьянства, женоловства, пренебрежения постом. С их появлением в Грише зарождается мысль о том, что праведнее его никого на свете нет. Примечательно то, что эпизод повести, в котором странники удивляют слушателей своей «мудростью», имеет в основе литературный источник. В своем «ученом» диалоге они используют цитаты из «Беседы трех святителей», греческого апокрифического памятника, известного на Руси уже в XI веке. Апокриф построен в форме вопросов и ответов, изложенных от имени трех виднейших иерархов православной церкви – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста [4; 89]. Можно проследить иронию П. И. Мельникова-Печерского в том, что он, демонстрируя «ученость» странников, нарочно выбирает из «Беседы» наиболее известные вопросы, которые отделились от сюжета памятника и перешли в фольклор. Например:

1. «Кто умре, а не истле?» – «Лотова жена – та умре, но не истле, понеже в столп слан претворися – соль же не истлевет. И доднесь тот славный столп стоит во стране Палестинской, на святой на реце Иордане» [6; 297].

2. «Что есть... ключ древян, замок воден, заяц убеже, ловец утопе?» – «Ключ древян – жезл Моисеев, замок воден – Чермное море, заяц убеже – Моисей со израильяны, ловец потопе – Фараон зломудрый, царь египетский» [6; 297].

3. «Что есть... стоит град на пути, а пути к нему нету; идет посол нем, несет грамоту неписаную?» – «Град на пути – то Ноев ковчег, понеже плаваше по непроходному пути, сиречь по потопным водам: посол нем – то есть чистая голубица, а грамота неписана – то есть сучец масличный, его же принесе в ковчег голубица к Ною за уверение познания, что есть суша...» [6; 298].

Те же самые вопросы и ответы находим во многих списках «Беседы трех святителей», например в кижском [1; 157, 159]. Они проникли также в устную традицию, что указывает на их распространенность [10; 271].

Завершение развития образа Гриши связано с образом третьего странника Ардалиона, который окончательно губит душу героя. О характере этого героя в некоторой степени говорит семантика его имени. Имя Ардалион, от лат. *ardelio*, означает «праздный, суетливый человек» [11; 38]. Под влиянием рассказов странника Ардалиона о земном рае, граде Китеже, Кирилловских горах представления Гриши о смысле веры, о служении Богу искажаются.

П. И. Мельников-Печерский использует в качестве источника известную легенду о невидимом граде Китеже, который рисуется как Царство Божие на земле, населенное преподобными. Но в устах Ардалиона китежская легенда приобретает иной смысл. У Гриши складываются ложные представления о святом граде, попасть в который, по словам Ардалиона, можно лишь благодаря абсолютному послушанию наставнику, готовности совершить любой поступок.

Гриша, одержимый мыслью попасть в Царство Божие на земле, готовый полностью подчиниться воле наставника, приняв новое имя Геронтий, в исступлении просит у своего наставника благословения и наконец решается на страшное преступление. Такой итог закономерен, Гриша на деле воплощает высказанную им однажды мысль: «Никониане!.. Укажи мне их, отче, укажи твоих злодеев... Я бы зубами из них черева повытаскал» [6; 307]. Здесь проявилась ложность представлений Гриши о том, что истинная вера – это слепое следование книжным заветам и борьба с теми, кто не разделяет этого убеждения.

Конец повести вновь отсылает нас к сюжету о Варлааме и Иоасафе. Нет больше того образа прекрасной матери-пустыни, о которой мечтал Гриша, желая повторить подвиг Иоасафа. Испытание праведности героя приводит его к окончательному падению. Гриша окончательно укрепляется в своих убеждениях, что не оставляет надежды на дальнейшее исправление героя.

Подобно древнерусскому агиографу, П. И. Мельников-Печерский повествует о герое, заостря внимание на основных моментах его биографии (детские годы, юность, выбор жизненного пути, соблюдение строгого жития, испытания дьяволом), которые способствуют раскрытию идейного содержания повести – религиозные искания, поиск истинной веры. Но, в отличие от святого, Гриша обретает противоположный путь – путь ко греху.

Итак, проблема источников занимает важное место в изучении повести П. И. Мельникова-Печерского «Гриша». В исследованиях, посвященных ей, многие источники никак не упоминаются, однако анализ повести позволяет нам указать на некоторые из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалык М. Г., Пигин А. В. Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей» в кижской рукописи из коллекции крестьян Корниловых // Кижский вестник: Сб. ст. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 148–165.
2. Баланчук О. Е. Циклизация как принцип поэтики П. И. Мельникова-Печерского (на материале произведений 1840–1860 гг.). Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 2007. 144 с.

3. Гапоненко П. А. О языке поэмы А. Н. Майкова «Странник» // Русская речь. 2000. № 6. С. 11–17.
4. Лурье Я. С. Беседа трех святителей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 89–93.
5. Майков А. Н. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1984. Т. 2. 576 с.
6. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 1. 368 с.
7. О некоем мужи именемъ Сергие, иже и старейшии блудницамъ быс(т), потом же иночскыи образъ възем и тако сп(а)се ся // Николова С. Патеричните разкази в българската средновековна литература. София: Издателство на българската Академия на науките, 1980. С. 354–359.
8. Повесть о Варлааме и Иоасафе // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980. С. 196–225.
9. Прокофьева Н. Н. Мельников-Печерский // Литература в школе. 1999. № 7. С. 21–26.
10. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1876. 333 с.
11. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен: Сравнение, происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
12. Шешунова С. В. Град Китеж в русской литературе: парадоксы и тенденции [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vbrg.ru/articles/interesnoe_v_nauke_i_tekhnike/grad_kitezh_v_russkojj_literature_paradoksy_i_tendentsii/.

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии ПетрГУ
pivoev@karelia.ru

ИСТИННОСТЬ И ДОСТОВЕРНОСТЬ

Понятия *истинность* и *достоверность* нередко используют как синонимы. В статье обсуждается некоторое различие между этими категориями, которое непросто уловить и выразить.

Ключевые слова: истинность, достоверность, причинность, проверяемость

Классическая наука, следуя указанию Аристотеля, главной задачей считала обнаружение причины, затем принцип причинности стал дополняться объяснением. Но все же важнейшим свойством и характеристикой научного знания является истинность, или достоверность. В основании науки, как справедливо считал Ницше, лежит «вера в истину», потребность иметь опору в чем-нибудь, что считаешь истинным...», соответственно, «суждение – это вера: что “то-то и то-то есть так”» [8; 247, 278]. Основные стимулы научной деятельности – это стремление к истине, самоутверждение, радость познания, стремление к общественному благу и благосостоянию и материальное вознаграждение. Соответствие наших представлений или высказываний реальности обычно называют «логической истиной» [21; 95].

Проблема истинности, или достоверности, получаемого ученым знания является ключевой в теории познания. Этой проблеме посвящено множество работ, и нет возможности в небольшой статье рассмотреть все существующие по этому поводу мнения. Автор видит свою задачу в том, чтобы различить и сопоставить истинность и достоверность. Непозитивизм подраз-

делял научные истины на эмпирические и логические, первые можно проверить на практике, тогда как вторые не зависят от опыта, их достоверность имеет конвенциональный характер, опирается на априорные конструкции.

Наука как социальный институт возникла в ответ на потребность достоверного знания, на основании которого человек может планировать и осуществлять деятельность по достижению намеченных целей и решению поставленных задач. В современной науке появился термин «мягкие факты», имеются в виду факты, чья достоверность не опровергается, но и не получает пока подтверждения. В отличие от них, «твердые факты» подтверждены объективными доказательствами.

Переходя с уровня научно-теоретического языка на обыденный, Л. Витгенштейн предпочел отказаться от понятия «истинность» и использовать «достоверность» [6; 8]. Эти термины обычно рассматриваются как синонимы, в них в самом деле можно найти много общего, совпадающего, но при внимательном рассмотрении можно обнаружить небольшие различия. Рассмотрим эти различия.

Слово «истинность» происходит в русском языке от «есть», существовать в действительности. И хотя есть разные виды истины: абсолютная, относительная, объективная, субъективная, вероятностная, обычно истина понимается как констатация адекватности наших знаний о реальности. Причем в понятие «истина» заложено стремление к абсолютности этой полноты. Тем не менее остаются две трудности: 1) вопрос о полноте наших знаний о реальности; 2) наличие субъективного аспекта отношения к реальности, который должен быть элиминирован (устранен). Когда этот момент осознается, возникает представление об относительной, субъективной и вероятностной истине.

При определении критериев истины различными философами акцент делался на разные источники:

- истинно то, что принимают за истину большинство людей в силу привычки и неосознанного убеждения (априоризм);
- истинно то, во что люди верят (фидеизм);
- истинно то, что принимается в качестве такового в результате соглашения между людьми (конвенционализм; У. Джемс);
- истинно то, что соответствует реальности (адекватность; Аристотель);
- истинно то, что представляется очевидным и ясным для мыслящего разума, для умственного взора (рационализм; Р. Декарт);
- истинно то, что подтверждается свидетельством органов чувств (сенсуализм; Д. Локк, Д. Беркли);
- истинно то, что подтверждается на практике (материализм; К. Маркс);
- истинно то, что полезно и выгодно (прагматизм; Дж. Бентам, Дж. Милль);
- истинно то, что помогает достижению цели (инструментализм; Д. Дьюи).

В основе современного рационализма (или критической философии, по определению М. Полани) лежит метод сомнения – «логический королларий объективизма. Он основан на допущении, что после искоренения всех волюнтаристских компонентов мнения нетронутым сохранится некий осадок знания, полностью определенный очевидностью. Критическая мысль доверяла этому методу как безусловному средству избежать ошибки и установить правду» [11; 280–281]. Принцип сомнения, лежащий в основе рационализма, был введен Р. Декартом и Д. Юмом. На примере четырех правил Декарта для руководства ума легко увидеть, что принципы рационализма держатся на иррациональных основаниях. Основы рационалистической методологии сформулированы им в «Правилах для руководства ума»:

«*Первое* – никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется моему

уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать их сомнению.

Второе – делить каждое из исследуемых мною затруднений на столько частей, сколько возможно и нужно для лучшего их преодоления.

Третье – придерживаться относительного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых и восходя к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

И *последнее* – составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» [3; 272].

Эти правила, вполне понятные (хотя и не бесспорные) и необходимые в естественно-научном познании, мало пригодны в гуманитарной сфере, и рациональность их относительна, потому что отсутствуют объективные критерии «очевидности» в первом правиле, во втором – неясны «возможность» и «нужность» количества частей, на которые необходимо дробить объект в ходе изучения, в четвертом – появляется «уверенность» – сомнительный и неоднозначный критерий полноты познания. Как заметил Э. Гуссерль, «очевидность есть не что иное, как “переживание истины”, то есть “переживание совпадения мыслимого с присутствующим”» [15; 190].

Отдавая должное роли критического метода в исследовании, Л. П. Карсавин возражал против абсолютизации критики, ибо, по его словам, «не критикой доказывается истинность того, чего нет в подвергаемом критике. Критицизм – признак ученичества и не руководимых целью исканий. И даже отдельные критические замечания полезны лишь в качестве иллюстраций доказываемой мысли. Что касается положительного доказательства, оно всегда – раскрытие системы» [5; 17].

Об этой и других «странностях» европейской культуры размышлял русский философ А. С. Хомяков: «Странную мы проредку сделали с душою человеческою (кто именно, все равно), а разградили мы ее в такой административный порядок, что про цельность ее мы никак не вспомним, да и она не вспомнит, если нам поверит; вот тут понимание, вот тут чувство, вот то, вот другое. А на деле-то она, право, не похожа на нашу таблицу: она живое и недробимое целое. Только любовью укрепляется самое понимание» [20; 272].

Известны следующие основные исторические формы рациональности:

- обнаружение общего в различном (Сократ), на основе чего выработался генерализирующий метод;
- выявление очевидной достоверности объективного знания (Декарт);
- механистичность и исчисляемость явлений природы (Ньютон, Бюффон и др.);
- обоснование достоверности через критику (Юм, Кант);

- отождествление гносеологии, логики, диалектики и онтологии (Гегель);
- сведение критериев достоверности к материальной практике (Конт, Маркс).

К. Поппер предлагал четыре способа проверки теории: а) проверка внутренней непротиворечивости по полученным результатам; б) проверка логической формы теории; в) сравнение данной теории с другими на предмет выявления ее эвристичности; г) проверка практикой. Вслед за этим он ввел критерий фальсификационизма [12].

Истоки «фальсификационизма» К. Поппера связаны с идеями Дж. Милля: «Для нас не существует никакого другого ручательства в истинности какого бы то ни было мнения, кроме того, что каждому человеку предоставляется полная свобода доказывать его ошибочность, а между тем ошибочность его не доказана. Если вызов на критику не принят или если принят, но критика оказалась бессильной, то это еще несколько не значит, что мы обладаем истиной, — мы можем быть еще очень далеки от истины, но по крайней мере мы сделали все для ее достижения, что только могло быть сделано при настоящем состоянии человеческого понимания, мы по крайней мере не пренебрегли ничем, что могло раскрыть нам истину, и если поле для критики остается открытым, то мы можем надеяться, что ошибки, какие есть в нашем мнении, будут раскрыты для нас, как только ум человеческий делается способен к их раскрытию, а покамест имеем основание думать, что настолько приблизились к истине, насколько это возможно для нас в данную минуту. Вот только до какой степени человек достигает знания истины, и вот единственный путь, которым он может достигать этого знания» [13; 232–233].

В социально-исторических исследованиях нередко возникает вопрос о критериях убедительности и аргументированности тех или иных интерпретаций исторических феноменов. Рационально-гносеологическая парадигма требует включения всей человеческой практики в определение предмета, но такое требование невыполнимо, и поэтому дело сводится к некоторому числу аргументов, призванных подтвердить внешне непротиворечивую трактовку предмета. Но такая трактовка, по логике рационалистического метода, должна быть однозначной и, следовательно, односторонней. Это требование оправдывается необходимостью выявления главной, сущностной доминанты. В то же время подобная необходимость правомерна лишь как исследовательский аналитический прием, нуждающийся в оговорках и ограничениях и в последующем дополняемый синтетическим возвращением этого элемента в структуру процесса. К сожалению, для рационально-гносеологического подхода эта часть исследования обычно является факультативной, и аналитический прием выхватывания одной из сторон предмета (возможно, важнейшей на данном этапе процесса) превращает ее в абсолют

и фетиш, навязываемый в качестве образца на всех других этапах процесса, когда он уже не имеет права считаться ведущим. Вот почему правомерно определить такую методологию как «рационально-гносеологический фетишизм».

Таким образом, показателем истинности исторического описания является, на наш взгляд, не отсутствие противоречий или полное соответствие описания действительному событию (это невозможно в принципе), а описание события именно с разных точек зрения, в различных аксиологических координатах, что позволит обнаружить не только рациональные, но и иррациональные аспекты феномена.

Рационально понятая истина обычно рассматривается как однозначная и одномерная. В действительности истина многозначна и многомерна. На вопрос «насколько *точно* вы знаете?» можно ответить, что знание получено «определенно», «абсолютно точно», «поверхностно», «формально», «исходя из собственного опыта», «из достоверного источника», «по косвенным данным» [9; 53].

К. Поппер полагал сущностью теории Аристотеля учение о логической валидности и силе абсолютной и относительной истины. Абсолютная истина — вещь невозможная, истина всегда относительна. Но есть еще объективная истина. О ней, со ссылкой на Альфреда Тарского и Курта Гёделя, говорил на XVIII Всемирном философском конгрессе Поппер: это «истина соответствия утверждений и фактов». Но если «точно сформулированное утверждение истинно на одном языке, то при правильном переводе его на другой язык оно также остается истинным», тогда оно имеет статус «абсолютной истины» [13; 138]. Однако чаще понятие абсолютной истины не употребляется относительно результатов человеческого познания, этот термин применяют по отношению к Господу Богу, которому абсолютная истина доступна. Человек же ею не владеет, он может получать в ходе научного поиска лишь объективные, относительные, вероятностные истины.

Вопрос о критериях истины чреват парадоксом бесконечного регресса, ибо неизбежен вопрос о критериях этих критериев и т. д. Аристотель хотел преодолеть это противоречие через введение закона непротиворечивости: если $A = B$, то $A \neq \text{не-}B$. Иначе говоря, невозможно, чтобы отрицание и утверждение в одном и том же отношении и в одно и то же время были ложными и истинными. Но на самом деле такие противоречия в реальности возможны, вспомним известный парадокс лжеца: «Лжец говорит, что он лжет, и при этом невозможно решить — он лжет или говорит правду». Об этом же говорил Ф. Ницше: отрицание таких противоречий характеризует лишь процесс нашего их осмысления, тогда как в жизни противоречия подобного рода вполне реальны [8; 236].

Для Декарта критериями истины являются ясность и очевидность для мыслящего ума. Сен-

суалисты выдвигали сходные критерии: яркость ощущений, одинаковость (интерсубъективность), согласованность, простота, обозримость и удобство (экономия мышления). Кант вслед за Аристотелем в качестве критерия полагал соответствие знания о предмете самому предмету, для теоретического знания критерием следует считать истинные следствия из соответствующих причин. Маркс в качестве критерия выдвигал практику, однако не все можно проверить на практике. Практика – это относительный и далеко не единственный критерий, хотя во многих случаях его, разумеется, нужно учитывать, особенно если речь идет о естественно-научном знании. Сложнее применять этот критерий в социальном знании, еще труднее – в гуманитарном.

Различают объективную и субъективную достоверность [10]. Объективная достоверность лежит в основе рационального естественно-научного и технического знания. При этом предполагается, что подтвердить это знание способны люди, которые могут выступать в качестве непредвзятых «судей», незаинтересованных свидетелей. В основе иррационального знания лежит субъективная достоверность. Это такое знание, которое не могут подтвердить посторонние, свидетели. Например, если мы спросим у верующего: «Есть ли Бог?» он ответит: «Конечно, есть». «А откуда ты знаешь, что он есть?» «Знаю, потому что я с ним контактирую, ощущаю его присутствие, он мне помогает». Можно ли проверить, действительно ли он ощущает его присутствие или все выдумывает? Мы не сможем проверить, ибо это субъективно достоверное знание, но для него это знание о контакте с Богом является вполне достоверным. Свой критерий предложил И. А. Ильин: «...жить стоит только тем и верить стоит в то, за что стоит бороться и умереть, ибо смерть есть истинный и высший критерий для всех жизненных содержания» [4; 52].

В естественно-научном знании достоверность является результатом верификации и даже «фальсификации» (К. Поппер). Только многократная проверка может удостоверить относительную истинность концептов естественно-научного знания. Достоверность в гуманитарном знании имеет совсем другие основания. По словам М. М. Бахтина, «пределом точности в естественных науках является идентификация (а = а). В гуманитарных науках точность – преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое (подмены всякого рода, модернизация, неузнание чужого и т. п.)» [2; 371]. По словам Э. Фромма, «объективность означает не беспристрастность, но определенное отношение, а именно умение не искажать и не фальсифицировать вещи, людей, да и самих себя» [18; 91]. Можно процитировать знаменитую «бриту» Вильгельма Оккама: «*entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem*» (не умножать сущностей без необходимости).

В гуманитарном знании можно пользоваться гипотезами на правах достоверных или относительно проверенных теорий, потому что гуманитарное знание связано с решением «вероятностных» проблем. Вспомним «Поэтику» Аристотеля: «...задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [1; 655]. В связи с этим можно говорить о «вероятностной» (или конвенциональной) истине, то есть об истине, достоверность которой может быть оценена, например, в процентах (от 50 до 100). Можно сослаться на пример И. Канта, предлагавшего заключить пари по поводу какого-либо утверждения (убеждения). По мере увеличения доверия к гипотезе на основе дополнительной подтверждающей информации можно более широко пользоваться ею для вероятностных теоретических построений. Другой пример – религия: вера не требует в качестве основания материальных или физических фактов, вполне достаточно очевидности субъективного опыта личных переживаний или авторитета традиций, которые отвечают на потребности в надежде, в «приукрашенной» ценностной картине мира. Что с того, что в физическом мире нет подтверждения или опровержения этому субъективному опыту переживаний?!

Итак, особенности достоверности в гуманитарном знании можно обнаружить на основе компаративного метода, сравнения ее с достоверностью в естественно-научном знании:

Критерии достоверности естественно-научного знания	Критерии достоверности гуманитарного знания
Детерминированность	Синхронная обусловленность
Проверяемость на практике	Убедительность
Объективность	Вероятностный релятивизм
Общезначимость, универсальность	Уникальность, оригинальность
Дифференцированность	Целостность
Материальная предметность	Идеальный характер
Практическая полезность	Ценностный смысл, опосредованная связь с потребностями

«Цель оправдывает средства» – создание и реализацию такого принципа обычно приписывают Н. Макиавелли, но если внимательно рассмотреть идеи флорентийского мыслителя, то можно убедиться, что он не вполне принимал такой подход, ибо, по его убеждению, монарх вправе в одностороннем порядке расторгнуть заключенный с соседями договор, если он уже не отвечает интересам государства в новых, из-

менившихся условиях. Здесь критерием истинности являются интересы государства, а не субъективный произвол. А Игнатий Лойола действительно реализовал его, поскольку для защиты католической церкви ему было разрешено использовать любые средства, вплоть до аморальных и преступных. Вслед за ним К. Маркс и В. И. Ленин вполне явно и сознательно придерживались такого же подхода. Ленинская формула «Наша мораль определяется интересами классовой борьбы» является перефразированным иезуитским лозунгом. Можно ли считать такой принцип основанием истинности? Если да, то в каком смысле?

Этимологию слова «истина» П. А. Флоренский связывал с корнем «есть», с представлением об абсолютной реальности [16; 15–16]. В то же время А. С. Хомяков отмечал: «Всякая истина многосторонняя, и ни одному народу не дается ее осмотреть со всех сторон и во всех ее отношениях к другим истинам» [17; 269]. П. А. Флоренский определял: «Истина есть интуиция, которая доказуема, т. е. дискурсивна». Под достоверностью он понимал «знание собственной приметы истины, усмотрение в истине некоторого признака, который отличает ее от неистины» [19; 230].

Интуиция играет большую роль в познании мира, однако в философии принято с недоверием относиться к ней и к тому, что дает интуитивное познание. В теоретической деятельности «внезапно открывающееся решение – это обычно не окончательное разрешение вопроса, а его антиципация – гипотеза, которая превращается в действительно решение в ходе его последующей проверки и доказательства» [14; 58]. Дело в том, что результат научного исследования должен отвечать критериям *истинности* и *объективной достоверности*.

Соответственно, можно говорить о трех аспектах (или трех видах) истины: 1) объективность; 2) относительность; 3) устремленность к абсолюту. Объективной истиной считается фактическое суждение, истинность которого установлена и проверена объективным критическим сомнением и не зависит от мнения или интереса отдельного человека. Абсолютная истина – проблематична, и хотя любое представление об истине опирается на неявное желание считать ее абсолютной, она возможна лишь в рамках определенной мифологической системы, носителем абсолютной истины является лишь Бог. Большинство же истин, с которыми имеет дело человек, являются относительными, и они верны лишь в рамках соответствующих систем координат, ценностных критериев, аксиоматических установок и конвенций.

Сопоставляя научное и мифологическое (или иное иррациональное) знание, можно установить, что наряду с общей субъективной природой между этими двумя видами знания есть различия, обусловленные тем, что научное знание стремится элиминировать (исключить) субъек-

тивность и опирается на негативно-критическую рефлексию как средство проверки и верификации, а мифологическое и иррациональное знание имеет имманентную (внутренне присущую) субъективность и опирается на позитивную, утверждающую рефлексию, запрещая критическую. В то же время субъективность мифологического знания имеет онтологический статус. Для научного знания объективность служит категорическим императивом (это обусловлено тем, что критерии научности сформировались в рамках естественно-научной методологии), однако любая теория в качестве своих конечных оснований опирается на некоторые априорные (врожденные, иррационально-субъективные) основания, аксиомы «чистого разума» (или результат интуитивного осмысления практического опыта). Мифологическое знание также содержит в своей основе априорные схемы, архетипы или идеалы, высшие ценности, Бога, относительно которых выстраивается система мифологического знания. Таким образом, аксиомы знания обладают функционально-аксиологической или культурно-психологической природой. Разумеется, вопрос о различии двух видов знания к этому не сводится, необходимо рассматривать проблему достоверности и многие другие аспекты.

Уильям Джеймс полагал, что все теории суть «инструменты», теория тогда истинна, когда она действенна, то есть достигает цели и результата. По поводу религиозной веры Джеймс утверждал: если вера делает жизнь человека лучше, то она истинна, коль скоро она *полезна*, то есть «работает» на человека и помогает удовлетворять его потребности. Вслед за этим Джон Дьюи утверждал, что мышление является инструментом решения научных проблем.

Телеологическое осмысление истинности рассматривает проблему с точки зрения вопросов: зачем? для чего? с какой целью? Здесь учитываются интересы субъекта, поэтому важны субъективные моменты. Следовательно, достоверность может быть объективной и субъективной, а истинность субъективной быть не может. При этом, как справедливо заметил М. С. Каган, если речь идет о непосредственном отношении рассматриваемого объекта к потребностям субъекта, то следует говорить о полезности и выгоде. Если же это отношение является опосредованным, оно называется ценностным отношением.

А. С. Пушкин сказал об истине так:

...Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

В каком случае «истине» предпочитают «обман»? Когда «истина» *низкая*, а «обман» – *возвышающий*. Но у Пушкина акценты расставлены так: «обман» рассматривается как бескорыстная иллюзия, увлечение, которому доверил себя, позволил себя унести на время; в то же время существует понимание, что от «истины» здравого рассудка никуда не денешься, придется с ним рано или поздно возвратиться. Обманчивые иллю-

люзии, мечты уносят нас в возвышенный мир грез и надежд, которые в любом случае более дороги, нежели мир трезвого рассудка. При это речь не идет об альтернативе «или – или». Мир трезвого рассудка, разумеется, так же необходим, как необходимы иллюзии и надежды. Просто они выполняют разные задачи, ведут к различным целям.

Таким образом, можно утверждать, что телеологический критерий применим в большой степени к пониманию достоверности, но меньше подходит к трактовке истинности. Соответственно, различие между истинностью и достоверностью возможно свести к следующим ха-

рактеристикам, которые одновременно дают ясное представление о существовании каждой из них:

Истинность	Достоверность
Очевидность	Проверяемость
Адекватность знаний реальности	Соответствие знаний реальности
Объективность	Относительность
Реальность	Когнитивная вера
Самодостаточность	Верифицируемость
Несомненность	Возможность сомнения
Априорность	Телеологичность

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 645–680.
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.
3. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1950. 712 с.
4. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 400 с.
5. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб.: АО «Комплект», 1993. 352 с.
6. Марков Б. В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 568 с.
7. Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе. 3-е изд. СПб.: Изд-во И. П. Перевозникова, 1900. 426 с.
8. Ницше Ф. Воля к власти // Избранные произведения: В 3 т. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
9. Остин Д. Л. Чужое сознание // Философия, логика, язык. М.: Наука, 1987. С. 48–95.
10. Пивоев В. М. Субъективная достоверность и ее критерии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2008. № 4(97). С. 72–78.
11. Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
12. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
13. Поппер К. Мир предрасположенностей. Две новые точки зрения на причинность // Философия и человек. М.: ИФ РАН, 1993. Ч. 2. С. 138–152.
14. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2. 328 с.
15. Философия Гуссерля и ее критика: Реф. сб. М.: ИНИОН, 1983. 184 с.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины // Вопросы религии. М., 1908. Вып. 2. С. 226–384.
17. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. Т. 1. Ч. 1. 490 с.
18. Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.
19. Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. 462 с.
20. Хомяков А. С. Разговор в Подмосковной // Хомяков А. С. О старом и новом. М.: Современник, 1988. С. 252–277.
21. Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова. М.: КомКнига, 2006. 216 с.

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕРГЕЕВ

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Мурманского государственного педагогического университета

asergeev@mspu.edu.ru

КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ М. К. МАМАРДАШВИЛИ И А. М. ПЯТИГОРСКОГО

Статья посвящена реконструкции и анализу философского подхода к культуре М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского. Приоритетное освещение получают вопросы о соотношении символа и знака, понимания и знания, сознания и культуры, культуры и науки.

Ключевые слова: культура, сознание, язык, знак, символ, рефлексия

Актуальность данной работы вряд ли может быть всерьез оспорена. Сегодня, когда наследие Мамардашвили воспринимается в качестве чуть ли не нормативного и почти «классического», а работы Пятигорского приковывают к себе все более пристальное внимание «искушенного в философии» читателя, предстоит детально освоить тексты этих мыслителей, затрагивающие область философии культуры. Несомненно, что анализ тех или иных аспектов этой области творчества Мамардашвили и Пятигорского еще впереди, однако уже сейчас можно сказать о том, что их вклад в область философской культурологии объемлен и многогранен. Не будучи культурологами в собственном смысле слова, эти авторы разработали целый ряд своеобразных философских подходов к культуре. В данной работе, основу которой составляют реконструкция и анализ совместного исследования Мамардашвили и Пятигорского, мы считаем возможным характеризовать представления этих философов о культуре в единстве, отвлекаясь от различий в их «внутренних» системах взглядов. Нас здесь интересует общее, но не частное. Этому, на наш

взгляд, способствует и духовная близость поисков Мамардашвили и Пятигорского, проистекающая из одного исторического зона – времени 50–60-х годов XX столетия, сохраняемая и в более поздние периоды. Другие работы философов используются нами в качестве дополняющего и проясняющего те или иные построения фона.

Проблема внутренней организации субстанции культуры характеризуется Мамардашвили и Пятигорским через осознание роли языка в коммуникативных ситуациях. Язык чрезвычайно значим для совершения культуры [3; 140]. Затрагивая в этом контексте судьбу культуры в современном отечественном обществе, Мамардашвили в одном из текстов выделяет в качестве важнейшей проблему «восстановления языка, языкового пространства и его возможностей» [2; 203–204]. Так, он пишет: «...Без разрешения задачи по *очищению языкового пространства* (курсив наш. – А. С.) вообще и философского в частности мы дальше никуда не двинемся» [2; 168].

Важно отметить, что понимание природы «языковых объектов» совершается Мамардашвили и Пятигорским с позиций выявления не-

коего предшествующего языку – онтологическое – уровня, само наличие которого позволяет осуществиться связи типа «нечто – язык» и «язык – нечто». Этим «нечто», с их точки зрения, является «сознание». В культуре наряду с сигнальным аппаратом языка имеется и символический его аппарат, который является «интимным» механизмом культуры, характеристикой не знания, а понимания языка. «Символический аппарат» укоренен в сознание и раскрывается в процессе создания метафизической теории сознания. По Мамардашвили и Пятигорскому, рассматривать функционирование «языка» и «языковых объектов» можно как в перспективе сознания, так и в перспективе «культурных нормативов». Среда «естественного» языка, существование которого представимо, но не натурно, раскрывается одновременно и посредством символического аппарата культуры, и через сигнальный ее аппарат [3; 147–148]. Сигнальная система успешно действует, только если помнит о том, что «она есть не более чем частный случай узкоспециализированного использования естественного языка» [3; 161–162], понимаемого, в свою очередь, через эстетический образ сферы (области) пространства, границы которой определены напряжением антиномии «сознание – символ(-ы)». В этом отношении показательно разграничение Пятигорским смысловых объемов понятий «символ» и «знак»: символ всегда исходит от Сущего, а знак – всегда из не-сущего к не-сущему же [4; 124]. Вторит ему и Мамардашвили: «Символ (не знак!) всегда есть то, что мы не до конца понимаем, но что есть мы сами как понимающие, как существующие» [2; 59]. Понятно в связи с этим намерение философов укрепить символический аппарат культуры, стремление обособить его от знаковых «употреблений» культуры. Мамардашвили и Пятигорский подчеркивают, что содержание символического аппарата не должно реализовываться в «коммуникативных ситуациях» полностью и без остатка [3; 149–150]. Данное требование сродни «избытку видения» М. М. Бахтина. В целом же движение мысли двух философов во многом исходит из интенции «символического» понимания бытия культурных событий и в этом напоминает усилия П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева 20-х годов прошлого века, хотя и в русле новых задач, например, посредством обращения к теории сознания.

Итак, фактором, определяющим характер культуры, является, по Мамардашвили и Пятигорскому, соотношение *символических* и *естественно-языковых* систем. В данном контексте любопытно уточнение о том, что само соотношение «символизма» и «языковости» в рамках одной культуры связано с характером религии в данной культуре [3; 241]. «Очевидно, что культурные явления раскрываются по мере масштаба использования символов» [3; 239]. Мамардашвили и Пятигорский допускают существование

таких ситуаций в культуре, когда ряд культурных объектов предполагает использование исключительно «символических значений» без использования «языка» [3; 240]. В этой связи говорится о «табу» на процесс включения в группу объектов, по отношению к которым мог быть использован «естественный» язык, ряда объектов «символического» рода.

По аналогии с вышеописанным пониманием природы «символического» раскрывается идея Мамардашвили, согласно которой постулируется возможность существования неких «образований», принципиально не выводимых «из» человека. Так, он замечает, что в мышлении есть такие архетипические образования, которые нельзя понять как продолжение собственных сил рассуждения, умозаключения, наблюдения. «...Ведь есть и некоторые первичные, первоначальные отношения, которые не нами созданы, но есть именно в нас и вечны в том смысле, что они вечно совершаются, и мы как бы находимся внутри пространства, охваченного их вечным свершением, – замечает Мамардашвили. – Они никогда не позади нас и никогда не впереди нас как некое состояние, которое будет когда-то нами достигнуто (вроде идеального общества). Они всегда – сейчас» [2; 38]. Осознаваемые в призме этих идей символы, по Мамардашвили, отражают факт существования в мире некоего нечего, которое «есть и без нашего на то соизволения», оно бытийствует и как бы воссоздает себя в некоторых состояниях человека, в которых он – уже не тот, что был перед этим.

Проблема соотношения «символа» и «знака» в языке культуры, а шире – проблема взаимосвязанности «символического» и «сигнального» аппаратов культуры раскрывает подступы к другой важной идее. Речь идет о понимании культуры внутри ее самой. С одной стороны, понимание есть объективно включенное в культуру, имманентное условие ее существования, однако, с другой стороны, фактором бытия культуры служит некая «неполнота понимания». «Полное понимание» культуры, осуществляемое внутри ее пределов, уничтожает механизм воспроизведения субстанции культуры, разрушает связь фундаментальных ее элементов [3; 152–154]. Поэтому, по мнению Мамардашвили и Пятигорского, должны существовать механизмы культуры, не позволяющие «понять» культуру совсем, но сохраняющие в то же время возможность такого рода протекания событий. В этой связи значима роль «текстов сознания», то есть священных, мистических, метафизических текстов, делающих «текст культуры» двусмысленным [3; 153]. Иначе говоря, в культуре есть то, что способно быть коммуницируемым и адаптированным, и то, что таким быть не может. Касаясь вопроса о практике сообщения текстов внутри культуры, Мамардашвили и Пятигорский отмечают, что «“идеальное сообщение” представляет собой текст без начала и конца (курсив наш. – А. С.), как

бы случайно выплеснувшийся из спонтанного континуума передаваемого содержания» [3; 163].

Ответ на вполне резонный вопрос, напрашивающийся из логики рассуждений Мамардашвили и Пятигорского, но не выявляемый ими самими, – «В самом языке или нет содержится механизм интерпретации языка?» – удается избежать следующим образом. Рассмотрение языка в диапазоне «символ – сознание» позволяет философам не обозначать и не маркировать отдельные фазы размышления теми или иными «определениями». Скорее, возможно говорить об общем направлении понимания, когда «язык» воспринимается в качестве «языковой манифестации сознания», в результате чего он рассматривается по аналогии с «символическим аппаратом» и теряет право быть связанным с натуралистическими представлениями о «языковой материи».

Вопрос о наличии или отсутствии понимания культурой самой себя рассматривается Мамардашвили и Пятигорским через метафору «надкультурного рефлекса», которая отчасти выполняет функции понятия. Так, философы пишут: «По-видимому, всякая конкретная культура постоянно функционирует в двух ипостасях – “внутренней” и “внешней”» [3; 143]. Соответственно, учесть инварианты ориентации культуры можно по типу культивирования одного из этих оснований. Мамардашвили и Пятигорский говорят о *внешних* и *внутренних* культурах, различающихся значением «надкультурного рефлекса». В первом случае он фигурирует как «содержание знания», которое предназначено как для передачи внутри культуры, так и для экспорта в качестве «культурной ценности». Во втором случае «надкультурный рефлекс» является инструментом знания об употреблении языка, в результате чего происходит переориентация с понимания на знание. И если во «внешних» культурах «понимание» препятствует «познанию», то, напротив, во «внутренних» культурах «знание» мешает «пониманию», а производные от языка «сигнальные системы» – вторичные в своей основе – используются во внутренних коммуникациях [3; 140–147]. Важно понять, что Мамардашвили и Пятигорский утверждают возможность возникновения в культуре таких ситуаций, когда язык понятен, но не может быть познан ввиду беспредельного разнообразия «языковой материи». Но может быть и обратное, то есть ситуации, когда язык познан, а понятность выводится из познания, в результате чего «языковая материя» конечна.

В соответствии с вышеописанным пониманием, европейская культура является культурой «внешнего» образца, где «надкультурный рефлекс» действует как содержание (то есть совместное «держание») знания. Характеризуя сущность европейской культуры, Мамардашвили подчеркивает, что «культурная ценность» собственнно никогда не может здесь раскрыть определяющее ядро культуры. Культура, по его

мнению, это не совокупность «готовых ценностей и продуктов, лишь ждущих потребления или осознания», а «способность и усилие человека быть, владение живыми различиями, непременно, снова и снова, возобновляемое и расширяемое» [2; 189]. «...Вся европейская культура построена на жизненном усилии, – пишет Мамардашвили. – Принцип культуры, в отличие от нигилизма, есть принцип “я могу”» [2; 37]. В этом отношении Мамардашвили характеризует современное состояние европейской культуры как «антропологическую катастрофу», связанную с утратой «человека исторического» – «человека пути» [2; 146–147, 189]. Таким образом, значимым моментом понимания культуры является фактор принципиальной «невместимости» и «нерастворимости» человека в своем действии, мысли, поступке. Символ оказывается как раз тем устройством, которое способно изменить ситуацию, когда «знание того, что мы видим, несомненно, мешает нам видеть другое» [2; 44]. Символ, как подчеркивают авторы, связывает нас с культурой не в плоскости знания, а на уровне *понимания*.

Мамардашвили и Пятигорский выделяют особый класс *первичных символов* культуры, где фактором человекообразования является возможность отношения (отнесения) человека к идее человека, где «отложена» первичная жизнь сознания, от которой «датируется понимание или развитие того, что мы называем пониманием» [3; 260]. Эти «первичные символы» Мамардашвили и Пятигорский находят в системах мифологии и характеризуют в качестве «символов, говорящих ни о чем». Этим подчеркивается их «содержательная пустота». Оговаривается, что мы можем раскрывать только соответствующее некоему «первичному» символу «сознательное» содержание, но не содержание вне сознания. Философы замечают, что символическая жизнь включает в себя как понимание, так и непонимание. Здесь речь идет и о принципиальном «непонимании» символа; непонимании, которое не может быть устранено в ходе эволюционного процесса [3; 265–266].

Говоря о количестве «первичных символов», Мамардашвили и Пятигорский подчеркивают, что их очень немного, а также выделяют в качестве важнейших символы *смерти* и *бессмертия*, которые ставят человека в ситуацию, когда он может «охватить» свою сознательную жизнь целиком, теряя при этом ее саму как им «сознаваемую» жизнь, ибо она уже отделена от нашего психического функционирования [3; 269–270]. Иметь жизнь в качестве полностью «сознательной жизни», будучи в жизни же, невозможно. Это осуществимо только при вхождении человека в сознание (но это уже другая проблема, которая чрезвычайно интересно решается А. М. Пятигорским в «Философии одного переуллка»). Как говорит об этом Мамардашвили, «если мы не готовы при расшифровке или освоении символа смерти расстаться с собой, то не увидим иное» [2; 43].

Мамардашвили и Пятигорский подчеркивают, что в «первичных символах» никаких культурных спецификаций не происходит. «Сознание наше живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов», – добавляет Мамардашвили и далее поясняет: «В том числе и в поле символов – “человек”, “смерть”, “смысл жизни”, “свобода” и т. д. Это ведь вещи, производящие сами себя» [2; 63]. Посредством символических конструкций, находясь уже в культуре, мы можем, по Мамардашвили, «испытать то, чего без них никогда не могли бы испытать как эмпирические человеческие существа в своем опыте» [2; 105]. Символы как раз «производят» в нас «человеческие (потенциально возможные, любые вообще. – А. С.) состояния» [2; 106].

Возвращаясь к идее о невозможности каких-либо «культурных» определений и ограничений «первичных символов» без остатка, выделим замечание Мамардашвили и Пятигорского о том, что любая из религий в своем эзотерическом виде обязательно постулирует такие психические состояния, где религиозных спецификаций быть просто не может [3; 272].

По Мамардашвили и Пятигорскому, в любой культуре имеются в наличии содержания, в которых она как бы уже отразилась сама себя. Эти «содержания» – особого рода и связаны с описанным ранее «надкультурным рефлексом». Само наличие в культуре неких «содержаний» понимания ею самой себя связано с существованием *рефлексивных процедур*, которые «содержательно необъектны» и есть описания любого содержания как состояния того, кто его описывает. Это – «пустые» содержания, позволяющие «внешнему наблюдателю» войти в культуру и быть в ней. Практика рефлексивных процедур предполагает дифференциальное осознание культуры и языка: культуры – в ее различных языковых использованиях, а языка – в его уровнях и функциях [3; 168–173]. «Символический аппарат» потому и становится «универсальным ключом» культуры, что он одновременно входит и в рефлексивную процедуру как способ сознания, и в содержание рефлексии как то, чем культура обозначает саму себя для себя самой.

Говоря о «пустоте» рефлексивных процедур, значимо выделить еще, по крайней мере, два момента, важных для понимания культуры. Первый связан с характеристикой публичности и открытости культуры. Как пишет Мамардашвили, «культура *всегда публична* (курсив наш. – А. С.), ее всепространственность и повсевременность, по определению, всегда открыто представлена на том, что греки называли “агорой” (“рыночной площадью”))» [2; 176]. «Культура же, т. е. вечность в настоящем, в существующем, нуждается в открытом пространстве и свободном слове, – утверждает Мамардашвили. – Это, очевидно, “врожденное” свойство культуры: она не может органично и жизненно полноценно расти в подполье, в глухой, не связанной словом (или, если

удобно, “все-словом”) жизни. Живые токи коммуникации должны быть!» [2; 176]. В другом месте Мамардашвили говорит о том, что «культура, по определению, публична», что она, «по определению, создана для открытого существования и существует только на открытом пространстве. На обзоре» [2; 70]. Характеризуя «поле любой культуры» как бесконечное, он отмечает, что «реальная культура находится вовсе не в музеях и не сводится к их посещению, а состоит в... чувстве бытия или небытия...» [2; 147].

Итак, именно «пустота» культурной формы предопределяет и, если так можно выразиться, «задает» открытость культурного содержания, но, с другой стороны, она же оборачивается незамысловатым ничем напряжением мысли, то есть требует от человека исключительно «живой» мысли, а не ее имитации. «...Сама культурная форма существования наших мыслей предполагает в себе незнание, – указывает Мамардашвили. – То есть некую пустоту, оставленную онтологическим устройством и мира, и мысли для того, чтобы заполниться живым актом, живым, напряженным, волевым состоянием» [2; 144]. Чуть позже Мамардашвили пишет: «...дополнительным, все время восполняющим условием культуры является свершение – всегда случайное – именно такого рода живых состояний или живых актов, которые сами по себе не являются ценностными, полезными, а являются тем, что Кант называл “бесконечными ценностями” или “бесцельными целями”» [2; 145]. Эти идеи проясняют суть многих «промахов» и «ошибок» современных исследователей культуры, связанных в основе своей с ее определениями. Почему любая дефиниция оказывается неспособна раскрыть «загадку» культуры? Да потому, что состояние мысли всегда есть некоторый дополнительный живой акт, случившийся вместе со значением понятий, в том числе и высоких. «Случившись, такое состояние неотличимо от понятия, в котором оно – увы – не содержится, – объясняет Мамардашвили. – Живое лишь дает о себе знать своим присутствием, а ухватить различие живого и мертвого в понятии мы не можем» [2; 145–146].

В соотношении культуры и сознания Мамардашвили и Пятигорский выделяют свойство активно прогрессирующей «несовместимости»: оба элемента исключают друг друга по некоторым признакам отношения. В культуре с компонентами сознания происходит «культурная формализация», то есть редуцирование в них условий жизни сознания [3; 243–244]. Мамардашвили и Пятигорский подчеркивают роль факторов, противостоящих культуре. Так выявляется необходимость антиредукционных и антиформалистских явлений, иначе говоря – «механика антикультуры» в рамках самой культуры. С этой точки зрения Мамардашвили и Пятигорский ставят вопрос об утрате культурой своего языка в результате разрушения практики «символической жизни», когда кардинально меняются условия существования и

функционирования естественного языка. Собственно, оставленность культуры символизмом обостряет значимую для Мамардашвили и Пятигорского проблему сохранения в культуре спонтанности мышления. «Делать что-то без понимания и есть культура, – пишут философы. – Делать что-то механически и есть культура... Культура есть то, что культивирует объективно направленный механизм мышления» [3; 249]. Человек, по мнению Мамардашвили и Пятигорского, намеревается и стремится «жить в сознании» как бы без символов, но это ему не удастся. Он просто не может обойтись без символов, а сознание способно вырабатывать и вырабатывает такие активности, где человек может быть внутри символа. Однако это, как подчеркивают Мамардашвили и Пятигорский, должно идти от *сознания*, а не от человека. Говоря по-другому, человек есть существо, у которого есть сознание о присутствии в мире таких структур, которые соразмерны со структурами мира и которые только позволяют человеку понять этот мир. Таким образом, в культуре должна совершаться тенденция ее архаизации, что происходит благодаря философскому умозрению. При этом значимы рассуждения Пятигорского. «Философское мышление, как я его понимаю, само в себе абсолютно акультурно», – говорит он и поясняет: «Но не антикультурно. Оно в принципе, я подчеркиваю, не должно нуждаться в переводе» [1; 94]. «Философичность» текста при его вхождении в культуру просто пропадает, исчезает, умирает и, соответственно, ждет – «в этой оставленности» – понимания [1; 94]. Рассуждая далее, Пятигорский подчеркивает, что «для философского мышления очень важно... забвение каких-то вещей, а не отрицание их» [1; 97]. Также и Мамардашвили, размышляя о соотношении философии и культуры, говорит следующее: «...сама философия отлична от своих собственных культурных эквивалентов, посредством которых она получает хождение и распространение в том или ином обществе или в той или иной культуре» [2; 102–103]. Философия для Мамардашвили – это термин, предназначенный «для обозначения того элемента или остановки, который присущ устройству жизни нашего сознания, присущ актам человеческим» [2; 33].

Парадоксально выглядит в этой связи рассуждение Пятигорского о феномене «культурного засилия в России», где, по его мнению, культура стала всепоглощающим фактором, который делает индивидуальное и любое сознательное индивидуальное усилие деиндивидуализированным. «...Были страны, где жить было не легче, но где философия была, – говорит Пятигорский. – Не было штампа культурной реакции. Я настаиваю, что это штамп именно культурный, определяющий любое восприятие своей жизни только через культуру. Когда культура выступает как опосредующий механизм, через который никакой акт философского мышления не пройдет узнаваемым и не изуродованным» [1; 95–96].

Акцентируя внимание на том, что самостоятельность мышления не свидетельствует об отказе от культуры, пытаясь укрепить свою аргументацию, Пятигорский отмечает: «...во всех культурах реальный философ объективно отделен – по режиму и содержанию своего мышления» [1; 98]. Более того, Пятигорский пишет о том, что культура *релятивна* не только лежащим вне ее духовным целям ее носителей, но также их *интенциональным* состояниям, например – созерцательности.

Одним из глубоко разработанных аспектов понимания культуры в концепции Мамардашвили стала идея ее соотношения с наукой. Философ считает, что возможность постановки вопроса о культуре и науке как о различных вещах связана «с различием между содержанием тех интеллектуальных или концептуальных образований, которые мы называем наукой, и существованием этих же концептуальных образований или их содержаний» [2; 338], что отождествляется им с культурой. Мамардашвили, таким образом, выявляет разницу между «порядком содержания» и «порядком существования этого содержания». Знание характеризуется, по его мнению, и информационным объемом, и «некоей культурной плотностью». Автор пишет: «Наука – продуктивна, культура – репродуктивна» [2; 351].

Мамардашвили вводит образ «особого рода устройств экстатического характера». С этой точки зрения культура есть такое «экстатическое устройство», благодаря которому человек оказывается переведенным в более интенсивный регистр жизни, где он овладевает своими собственными способностями и тем самым впервые их развивает. В этом контексте, вслед за Марксом, Мамардашвили определяет культуру как «орган воспроизводства человеческой жизни», который продуцирует именно то, что не происходит в причинно-следственном сцеплении и последовательном действии природных механизмов. Соответственно, культура понимается Мамардашвили органом производства человеческих состояний; сферой и механизмом по введению человека в область его возможностей. Культура усиливает состояния человеческого психического аппарата и переводит его «в другое измерение, в другой способ бытия, лежащий вне отдельного человека и к тому же являющийся более осмысленным и упорядоченным, чем сам эмпирический человек» [2; 345].

Мамардашвили делает вывод о необходимости существования в культуре «областей экспериментирования с возможным образом человека», с «возможным местом его в космосе», ибо культура принципиально должна допускать вероятность изменения человека. «Можем ли мы быть только такими, какие мы есть, или в мире возможны изменения, в частности возвышение человека над самим собой? – так формулирует основной вопрос Мамардашвили. – Ведь, в сущности, к этому и сводится призвание европей-

ской культуры» [2; 148–149]. Наука и является местом экспериментирования с образом человека. Характеризуя в этом аспекте культуuroобразующую функцию науки, Мамардашвили говорит об особых формах соприсутствия человека, где на деле срабатывает именно полнота акта, собранность всех его частей и условий в «вечно настоящем», в «вечно новом», в ходе чего «я» понимается не в качестве идеальной точки, а как «об-

ласть длительности и тождества “я”». «Это возможное Я всегда никакое, не это, не это и т. д. — пишет Мамардашвили. — И тем не менее без него... без такого “не это, не это” нельзя, очевидно, адекватно определить науку...» [2; 353]. Последняя, таким образом, является необходимым компонентом культуры, она единосущна с культурой, но в то же время есть ее ипостась, реализующая момент «нового» и «актуального».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Индивид и культура. Интервью с А. М. Пятигорским // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 93–104.
2. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
3. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Иерусалим: Малер, 1982. 276 с.
4. Пятигорский А. М. Философия одного переулка. М.: Прогресс, 1992. 160 с.

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ БЕЛЫЙ

кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования систем управления математического факультета ПетрГУ
belyi@psu.karelia.ru

МОРАЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ И ЗАДАЧА ДИВЕРСИФИКАЦИИ ПОРТФЕЛЯ ЦЕННЫХ БУМАГ

В статье предлагается подход к проблеме диверсификации портфеля ценных бумаг, при котором его эффективность оценивается по моральному ожиданию.

Ключевые слова: диверсификация портфеля ценных бумаг, функция полезности денег, моральное ожидание

Наиболее известные подходы к проблеме диверсификации портфеля ценных бумаг предполагают либо минимизацию риска при фиксированной эффективности портфеля, либо достижение максимальной эффективности при фиксированном риске [3; 149–155]. При этом обычно, как в случае портфелей Г. Марковица и Д. Тобина [3; 155–164], за меру эффективности принимают математическое ожидание доходности портфеля, а за меру риска – вариацию доходности (то есть ее дисперсию). Такой подход вызывает ряд вопросов.

Во-первых, насколько вариация портфеля действительно отражает риск? Так, даже при небольшой вариации малая вероятность полного разорения может заставить отказаться от портфеля. Во-вторых, в портфелях Марковица и Тобина учитываются только такие характеристики случайных величин доходности бумаг, как их математические ожидания и вариации. Вариация двух случайных величин, то есть их ковариация, является мерой линейности связи между ними. Однако на практике зависимости могут и должны иметь более сложный характер. Следовательно, здесь мы имеем дело с упрощением, благодаря которому тесная нелинейная зависимость

иногда будет восприниматься как отсутствие зависимости. И, наконец, выбор стратегии реальным экономическим субъектом в значительной мере зависит от его состояния, поскольку от состояния зависит сама его оценка жребия. Оптимальная структура портфеля ценных бумаг не может быть одинаковой для бедняка и миллионера.

В данной статье мы предлагаем подход к проблеме оптимального портфеля ценных бумаг, который, возможно, позволит избавить портфель от некоторых перечисленных выше недостатков. При этом в качестве меры эффективности портфеля мы примем его моральное ожидание.

Так как диверсификация портфеля более соответствует поведению «человека осторожного», естественно принять классическую функцию полезности денег, то есть возрастающую и выпуклую вверх. В качестве таковой мы возьмем впервые построенную Д. Бернулли логарифмическую функцию полезности вида $Z = a + b \cdot \ln(C)$, где a и $b > 0$ – произвольные вещественные константы, C – состояние индивида, Z – полезность состояния. Эту функцию Бернулли получил, отталкиваясь от предположения, что полезность малого приращения состояния пропорциональна

этому приращению и обратно пропорциональна величине состояния [2].

Независимо от значений параметров a и b такая функция полезности порождает оценку случайной величины «выигрыша» x , которую называют моральным ожиданием. Мы будем обозначать моральное ожидание случайной величины x как $\bar{x}$ или, когда хотим подчеркнуть ее зависимость от состояния, как $Mr(x, C)$. Математическое ожидание, как обычно, будем обозначать $\bar{x}$ или $M(x)$. Пусть в некоторой «игре» величина выигрыша может принимать значения x_i с вероятностями p_i , где $i = 1, 2, \dots, n$, C – состояние игрока до начала игры. Тогда

$$\bar{x} = Mr(x, C) = \prod_{i=1}^n (x_i + C)^{p_i} - C. \quad (1)$$

Моральное ожидание, как оценка жребия, неявно учитывает фактор риска и зависит от состояния владельца жребия. В работе [1] исследованы наиболее существенные свойства морального ожидания произвольного порядка. Ниже мы кратко изложим их применительно к случаю морального ожидания нулевого порядка, то есть к оценке жребия, порожденной классической функцией полезности вида $Z = a + b \cdot \ln(C)$.

Свойства морального ожидания (нулевого порядка):

- Моральное ожидание строго монотонно возрастает с ростом величины состояния C .
- Предел морального ожидания при состоянии C , стремящемся к бесконечности, равен математическому ожиданию

$$\lim_{C \rightarrow \infty} Mr(x, C) = M(x).$$

- Моральное ожидание строго меньше математического: $Mr(x, C) < M(x)$.
- $Mr(x + a, C) = Mr(x, C + a) + a$,

где a – произвольная вещественная константа.

- $Mr(a \cdot x, C) = a \cdot Mr\left(x, \frac{C}{a}\right)$,

где a – произвольная положительная вещественная константа.

- $\lim_{k \rightarrow \infty} k \cdot Mr\left(\frac{x}{k}, C\right) = M(x)$,

где k – натуральное число.

- Моральное ожидание функции двух случайных величин:

$$Mr(f(x, y), C) = Mr\left[Mr\left(f(x, y) \middle| x, C\right), C\right],$$

где $Mr\left(f(x, y) \middle| x, C\right)$ – условное моральное

ожидание $f(x, y)$ при фиксированном значении x .

Поскольку рассматриваемая в этой статье оценка жребия редко встречается в литературе, прежде чем перейти к основной задаче, мы позволим себе немного отвлечься, чтобы раскрыть

суть морального ожидания на примере двух задач, в которых аналогичный подход позволяет получать результаты, адекватные поведению реальных экономических субъектов.

МОРАЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ КАК ОЦЕНКА ЖРЕБИЯ

Задача страхования риска

Для начала исследуем одну задачу, предложенную самим Д. Бернулли. *Купец Каюс закупил в Амстердаме товар, который он мог бы продать в Петербурге за 10 000 рублей. Товар предстоит отправить в Петербург морем. Известно, что в это время года из 100 судов 5 терпят крушение. Купец не смог найти никого, кто согласился бы застраховать его груз за цену меньшую 800 рублей.*

Здесь возникают сразу два вопроса. Каким состоянием должен обладать купец (Продавец жребия), чтобы согласиться застраховать свой товар на предложенных условиях? Каким состоянием должен обладать тот, кто взялся страховать груз (Покупатель жребия)?

Любой случай страхования риска по сути сводится к тому, что жребий с неопределенным исходом x меняется на некоторую гарантированную сумму Q . Поскольку за жребий обычно предлагают сумму, меньшую его математического ожидания, значение $M(x)$ не дает ответа на вопрос о целесообразности страхования.

Таблица распределения вероятностей для значений дохода купца имеет вид:

X	0	10 000
P	0,05	0,95

Математическое ожидание дохода $\bar{x} = 9500$. Если купец застрахует на предложенных условиях свой груз, он может рассчитывать на гарантированные 9200 руб. Когда ему следует согласиться? Когда моральное ожидание жребия, то есть его оценка жребия, будет меньше 9200 руб. То есть $Mr(x, C) < 9200$ или, согласно равенству (1), $C^{0,05} \cdot (C + 10000)^{0,95} - C < 9200$. Договоримся результаты округлять до рублей. Тогда численное решение неравенства дает $C < 5042$. В дальнейшем будем говорить, что 5042 – предельное значение Продавца жребия. Распределение вероятностей для дохода страховщика задается таблицей:

X	-9200	800
P	0,05	0,95

Математическое ожидание $\bar{x} = 300$. Покупать жребий стоит, если $Mr(x, C) < 0$, то есть $(C - 9200)^{0,05} \cdot (C + 800)^{0,95} - C > 0$. Решение неравенства: $C > 14242$. В дальнейшем будем говорить, что 14242 – предельное значение Покупателя. Таким образом, сделка состоится, если состояние купца меньше 5042 руб., а состояние страховщика больше 14 242 руб.

Что будет, если купец распределит свой груз по двум судам? Тогда возможны три исхода: по-

терпели крушение два корабля, один корабль или оба судна благополучно пришли в порт. Если условия страховки остаются прежними, распределение вероятностей для значений дохода купца будет иметь вид:

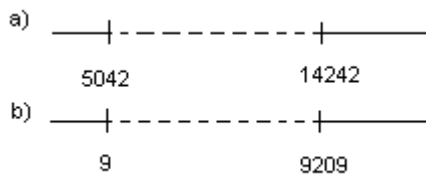
X	0	5000	10000
P	0,0025	0,095	0,9025

Оценка жребия по математическому ожиданию не изменилась: $\bar{x} = 9500$. Однако здравый смысл подсказывает, что такой способ транспортировки груза более надежен. Теперь потеря всего груза становится маловероятной, и предельное значение Продавца сдвинется далеко влево по вещественной оси. Продать жребий стоит, если $Mr(x, C) < 9200$. Решение неравенства: $C < 9$. Значит, если в кармане купца есть хотя бы 10 руб., с его стороны разумно отказаться от услуг страховщика. Таким образом, здесь оценка жребия по моральному ожиданию прекрасно согласуется с известной истиной: «Не клади все яйца в одну корзину». Для страховщика распределение вероятностей для доходов будет таким:

X	-9200	-4200	800
P	0,0025	0,095	0,9025

Страховать груз стоит, если $Mr(x, C) > 0$. Теперь, решая неравенство численно, получим $C < 9209$. Сделка состоится, если состояние купца меньше 9 руб., а состояние страховщика больше 9209 руб. Нанесем на две вещественные оси предельные значения Продавца жребия (купца) и Покупателя жребия (страховщика) для случая одного судна (рис. а) и двух судов (рис. б).

На рисунке видно, что разность предельных значений Покупателя и Продавца в точности равна той гарантированной сумме в 9200 руб., которую получит купец, если заплатит страховую сумму в 800 руб. Случайно ли это? Попробуем решить задачу в общем виде.

Предельные значения Продавца и Покупателя в задаче о купце

Пусть x – случайная величина исхода жребия, а Q – некоторая фиксированная сумма. Тогда Продавец согласится обменять жребий за сумму Q , если его оценка жребия меньше этой суммы, то есть $Mr(x, C) < Q$. Пусть C^* – решение уравнения $Mr(x, C) = Q$. Последнее уравнение имеет единственное решение в силу строго монотонного возрастания морального ожидания с ростом C . Аналогично сделка привлекательна

для Покупателя, если его моральное ожидание дохода $Mr(x - Q, C) > 0$. Пусть C^{**} – решение уравнения $Mr(x - Q, C) = 0$. Из свойств морального ожидания следует:

$$Mr(x - Q, C) = Mr(x, C - Q) - Q.$$

Таким образом,

$$\begin{cases} Mr(x, C^*) = Q \\ Mr(x, C^{**} - Q) = Q \end{cases} \quad (2)$$

Из строго монотонного возрастания морального ожидания следует $C^* = C^{**} - Q$ или $C^{**} - C^* = Q$.

Таким образом, разность предельных значений Покупателя и Продавца всегда равна гарантированной сумме Q , за которую продается жребий. Последнее, разумеется, верно, если и Покупатель, и Продавец «придерживаются» функции полезности одного порядка.

Задача Олигарха

Вторая задача предложена нами. В одном небольшом государстве начинается предвыборная кампания. За должность президента должны бороться n кандидатов. Вероятность победы i -го кандидата оценивается величиной p_i , где $i = 1, \dots, n$. Местный Олигарх обладает состоянием $S = C + R$, где R – сумма, которую он хочет потратить на поддержку кандидатов. Если он выделит сумму x_i на поддержку i -го кандидата, то в случае победы последнего может рассчитывать на «благодарность» в размере $k \cdot x_i$. Вопрос: как Олигарх должен распорядиться суммой R ? Если руководствоваться математическим ожиданием, он должен вложить все деньги в наиболее вероятного победителя. Однако на практике так не поступают. Обратимся еще раз к моральному ожиданию. $Mr(k \cdot x, C) \rightarrow \max$ при ограничениях

$$\begin{cases} x_i \geq 0 \\ \sum_i x_i = R \end{cases}$$

Вместо максимума $\bar{x}$ удобнее искать максимум $\ln(\bar{x} + C)$. Таким образом, задача сводится к нахождению максимума функции

$$F(x_1, x_2, \dots, x_n, \lambda) = \sum_i p_i \cdot \ln(k \cdot x_i + C) - \lambda \cdot \left(\sum_i x_i - R \right), \quad (3)$$

где λ – множитель Лагранжа. Тогда

$$\frac{\partial F}{\partial x_i} = \frac{k \cdot p_i}{k \cdot x_i + C} - \lambda = 0 \Rightarrow \lambda \cdot (k \cdot x_i + C) = k \cdot p_i. \quad (4)$$

Суммируя левую и правую части последнего равенства по i , получим

$$\lambda \cdot \left(k \cdot \sum_i x_i + n \cdot C \right) = k \Rightarrow \lambda = \frac{k}{k \cdot R + n \cdot C}.$$

Тогда

$$x_i = \frac{p_i \cdot (k \cdot R + n \cdot C) - C}{k}. \quad (5)$$

При этом следует исключить из рассмотрения тех кандидатов, для которых $x_i \leq 0$, то есть

$$p_i \leq \frac{C}{k \cdot R + n \cdot C},$$

и повторить расчет, приняв во внимание новые оценки вероятностей победы оставшихся кандидатов. Из равенства (5) видно, что суммы, которые следует выделить на поддержку кандидатов, являются линейными функциями вероятностей их победы.

Подставив (5) в выражение для морального ожидания дохода Олигарха, мы получим

$$Mr(x, C) = \frac{k \cdot R + n \cdot C}{2^E} - C,$$

где $E = -\sum_i p_i \cdot \log_2 p_i$ – энтропия, то есть мера неопределенности [4]. Итак, при прочих равных условиях с ростом неопределенности моральное ожидание жребия снижается.

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ПОРТФЕЛЯ ЦЕННЫХ БУМАГ

Таким образом, мы будем искать портфель, имеющий максимальное моральное ожидание доходности. Чтобы избежать громоздких выражений и сохранить наглядность, рассмотрим портфель из трех ценных бумаг со случайными величинами доходности x , y и z .

Пусть $p_{i,j,k}$ – вероятность появления тройки (x_i, y_j, z_k) , где $i = 1, 2, \dots, n$, $j = 1, 2, \dots, m$, и $k = 1, 2, \dots, l$. В дальнейшем будем отождествлять случайную величину доходности бумаги с самой бумагой. Итак, в портфель можно положить одну из бумаг x , y или z или же их комбинацию с доходностью $\alpha \cdot x + \beta \cdot y + \gamma \cdot z$. Денежную сумму, затраченную на приобретение портфеля ценных бумаг, примем за единицу. Разумеется, тогда и остальное состояние покупателя должно измеряться в тех же единицах. Теперь сформулируем задачу следующим образом:

$$\bar{x} \rightarrow \max \text{ при ограничениях } \begin{cases} \alpha, \beta, \gamma \geq 0 \\ \alpha + \beta + \gamma = 1 \\ x_i + C \geq 0 \\ y_j + C \geq 0 \\ z_k + C \geq 0 \end{cases} \quad (6)$$

$$\text{Здесь } \bar{x}(\alpha, \beta, \gamma) = \prod_{i,j,k} [\alpha \cdot x_i + \beta \cdot y_j + \gamma \cdot z_k]^{p_{i,j,k}} - C.$$

Вместо максимального значения $\bar{x}$ будем искать максимум $\ln(\bar{x} + C)$. Для этого введем множитель Лагранжа λ и, учитывая второе из ограничений (6), получим:

$$F(\alpha, \beta, \gamma, \lambda) = \sum_{i,j,k} p_{i,j,k} \cdot \ln(\alpha \cdot x_i + \beta \cdot y_j + \gamma \cdot z_k + C) - \lambda \cdot (\alpha + \beta + \gamma - 1). \quad (7)$$

Откуда

$$\begin{cases} F'_\alpha \equiv \sum_{i,j,k} p_{i,j,k} \cdot \frac{x_i}{\alpha \cdot x_i + \beta \cdot y_j + \gamma \cdot z_k + C} - \lambda = 0 \\ F'_\beta \equiv \sum_{i,j,k} p_{i,j,k} \cdot \frac{y_j}{\alpha \cdot x_i + \beta \cdot y_j + \gamma \cdot z_k + C} - \lambda = 0 \\ F'_\gamma \equiv \sum_{i,j,k} p_{i,j,k} \cdot \frac{z_k}{\alpha \cdot x_i + \beta \cdot y_j + \gamma \cdot z_k + C} - \lambda = 0 \end{cases}$$

После ряда преобразований последней системы уравнений получим:

$$\begin{cases} M\left(\frac{x + C}{\alpha \cdot x + \beta \cdot y + \gamma \cdot z + C}\right) = 1 \\ M\left(\frac{y + C}{\alpha \cdot x + \beta \cdot y + \gamma \cdot z + C}\right) = 1 \\ M\left(\frac{z + C}{\alpha \cdot x + \beta \cdot y + \gamma \cdot z + C}\right) = 1 \end{cases} \quad (8)$$

Кроме того,

$$\lambda = 1 - C \cdot M\left(\frac{1}{\alpha \cdot x + \beta \cdot y + \gamma \cdot z + C}\right).$$

Систему уравнений, аналогичную (8), трудно получить для любого количества ценных бумаг. Все переменные, входящие в равенства (8), должны удовлетворять ограничениям (6).

Для любой ценной бумаги со случайной величиной доходности x величину $x + C$ будем называть итоговой величиной доходности. Заметим, что

$$\begin{aligned} \alpha \cdot x + \beta \cdot y + \gamma \cdot z + C &= \\ &= \alpha \cdot (x + C) + \beta \cdot (y + C) + \gamma \cdot (z + C) \end{aligned}$$

и результаты, представленные равенствами (8), можно выразить так: *в оптимальном портфеле математическое ожидание отношения итогового значения любой входящей в портфель бумаги к итоговому значению всего портфеля равно единице*. Сказанное верно только для бумаг, реально входящих в портфель, то есть для бумаг, доля которых в портфеле больше нуля. Бумаги, доля которых имеет отрицательное значение, как часто поступают в подобных задачах, удаляются из портфеля, и расчет повторяется. Оптимальные значения $\alpha, \beta, \gamma, \dots \geq 0$ можно найти численными методами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белый Е. К. О классе допустимых функций полезности денег // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 5 (98). С. 83–89.
- Бернулли Д. Опыт новой теории измерения жребия // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа, 1993. С. 11–27.
- Малыхин В. И. Финансовая математика. М.: Юнити, 2002. 248 с.
- Яглом А. М., Яглом И. М. Вероятность и информация. М.: Наука, 1973. 512 с.

ОКСАНА НИКОЛАЕВНА ПРОХОРОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель
кафедры менеджмента экономического факультета ПетрГУ
oksana_prokhorov@mail.ru

ФАКТОР ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ПОСТКРИЗИСНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье доказывается, что в посткризисный период большой резерв для модернизации экономики России заложен в организационно-институциональных преобразованиях и развитии инноваций.

Ключевые слова: экспортно-сырьевая и инновационная модели экономики, инвестиционный климат, трехфакторная модель экономического роста, кластеры, интегрированные бизнес-группы, рыночные институты

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы убедить предприятия (руководство компаний) внедрять инновации, предложить механизмы создания инновационных компаний и выяснить, какие сигналы должны исходить от российского правительства бизнесу относительно точек роста национальной экономики. Итак, в данной работе нами были поставлены следующие вопросы:

1. Почему нужно внедрять инновации в посткризисной модели хозяйства новой экономики России?

2. Какими должны быть государственные приоритеты российской экономики в посткризисный период?

Начнем с первого вопроса. Экспортно-сырьевая модель экономики, доминирующая в современной России, давно критикуется многими экономистами. Развитие нынешней кризисной ситуации в нашей экономике в очередной раз подтверждает ту точку зрения, что однобокая экспортно-сырьевая направленность экономики не обеспечивает ее долгосрочного развития. Объяснение этому простое. Когда при высоких ценах на нефть доходы от экспорта сырья постоянно рас-

тут, политика правительства главным образом сводится к казначейской функции: как получить, распределить и перераспределить полученные источники доходов. Соответственно, задача устойчивого экономического роста или инвестирования в развитие экономики отходит на второй план.

Обрушившиеся в 4-м квартале 2008 года нефтяные котировки в геометрической прогрессии усилили негативные тенденции во всей российской экономике, особенно в машиностроении, стройиндустрии, химии и даже металлургии. Согласно данным Росстата, если в 4-м квартале 2008 года прирост ВВП в России составлял 1,2 %, то в 1-м квартале 2009 года падение ВВП уже отмечается на уровне -9,5 %, что заметно ниже, чем в США (-2,6 %), Германии (-6,7 %), в то время как в Китае в этот период отмечается прирост ВВП (6,1 %).

Проследим, какова экономическая суть основных антикризисных мер, принятых правительством России в ответ на мировой финансовый кризис. Во-первых, это предоставление стабилизационных средне- и краткосрочных кредитов 295 системообразующим предприятиям (например, ОАО

«РЖД», ОАО «Аэрофлот – российские авиалинии», ОАО «НК «Лукойл», ОАО «Вымпелком», ОАО «ГМК Норильский никель», ОАО «АвтоВАЗ», ОАО «Лента» и др.) в форме кредитования по государственным гарантиям, субсидирования процентной ставки на госзаказ, реструктуризации налоговой задолженности и др. В настоящий момент такой кредит получен лишь ОАО «АвтоВАЗ». Однако стабилизационные кредиты, являясь прямым финансированием данных предприятий, не обеспечивают мультипликационного эффекта в экономике, поскольку практически слабо влияют на агрегированный спрос в рамках страны в целом. Чтобы эти кредиты стимулировали предприятия инвестировать в производство и развитие бизнеса, они должны выдаваться под реальные программы модернизации производства и персональную ответственность руководства системообразующих предприятий.

Вторая мера нашего правительства связана с сокращением операционных затрат. Естественная реакция большинства предприятий в условиях кризиса – придерживаться стратегии минимизации издержек. Вместе с тем статистика показывает, что сейчас доля услуг монополистов (энергоснабжение, транспорт и коммунальные услуги) настолько выше, чем во время кризиса 1998 года, что снижение предприятиями расходов на оплату труда и производственные затраты все равно не компенсирует высокие тарифы монополистов.

Рассмотрим, к примеру, тарифы на услуги ЖКХ. Они формируются с учетом себестоимости продукции (работ, услуг) на рынке ЖКХ, то есть представляют собой стоимостную оценку используемых в процессе производства продукции (работ, услуг) природных ресурсов, сырья, материалов, топлива, энергии, основных фондов, трудовых ресурсов, а также других затрат на их производство и реализацию. В условиях рыночных отношений, когда цены на сырье и материалы меняются непрерывно в течение года, изменение тарифов на коммунальные услуги неизбежно. Государство может обеспечить только плановость такого изменения тарифов (цен) и гарантировать их экономическую обоснованность. Рост тарифов обусловлен естественными инфляционными процессами, а также текущим состоянием основных фондов, выполнением не только мероприятий по обслуживанию и текущему ремонту основных средств, но и необходимости выполнения капитальных ремонтов и их реконструкции. Обоснование роста тарифов сводится, как правило, к изношенности сетей, необходимости их реконструкции и модернизации. Бесконечное повышение тарифов ложится непосильным бременем и на промышленные предприятия, и на строительство, транспорт, металлургию, и, конечно, на граждан, но не стимулирует при этом производителей и поставщиков энергоресурсов сокращать свои издержки. Пока государство не определит предельную ве-

личину этих издержек, ничего не изменится. Кроме того, существует статистика, по которой из-за отсутствия культуры энергосбережения Россия теряет или впустую расходует 40–50 % энергии, что даже для страны, богатой энергоресурсами, непозволительная роскошь.

Третий блок антикризисных мероприятий – это меры Центробанка России по стабилизации финансовой системы и санированию банков «первой сотни» из средств золотовалютных резервов. Вместе с тем для большей части российских предприятий реального сектора предоставляемые коммерческими банками процентные ставки в 20–25 % не позволяют поддерживать положительный уровень рентабельности, что в итоге ведет к снижению капитализации большинства отечественных предприятий. На основе данных Росстата о рентабельности различных отраслей промышленности России за 2008 год можно сделать вывод, что рентабельность выше 20 % достижима лишь в сырьевом секторе нашей экономики, все обрабатывающие отрасли имеют рентабельность ниже 16,6 % [2].

Россия не сможет быть конкурентоспособной и ведущей мировой экономикой, пока будет иметь такие низкие темпы развития производительности труда в обрабатывающей промышленности. Современные исследования показывают, что более чем на 50 % это отставание можно компенсировать за счет оптимизации бизнес-процессов; на втором и третьем месте – обеспечение конкурентной среды (общего уровня экономики) и технический потенциал. Этот вопрос будет рассмотрен ниже.

К другим аргументам, доказывающим несостоятельность экспортно-сырьевой модели экономики в долгосрочном периоде, можно отнести следующие:

- экспортно-сырьевая модель экономики не нуждается в развитии малого предпринимательства, так как при усиленной роли государства (от федеральных средств финансирования сейчас зависит более 35 % населения России) ему легче оказать социальную поддержку и предоставить населению работу в госсекторе, что ведет к росту социальной пассивности в обществе. Согласно информации Торгово-промышленной палаты РФ, доля малого бизнеса в ВВП России составляет в последние годы в среднем 12 % (для сравнения: в экономике Италии – 70 %, США – 40 %);
- экономики, живущие за счет сырьевого экспорта, как правило, не избегают так называемой «голландской болезни», приводящей к инфляции. В России ситуация с управлением инфляционными процессами усугубляется неразвитостью рыночных институтов (например, института права собственности), высоким уровнем монополизации экономики и недостаточным качеством услуг государства, что, безусловно, отрицательно сказывается

на инвестиционном климате. В целом недостаток инвестиций в реальном секторе России существенно тормозит ее экономическое развитие;

- сниженная инновационная активность¹ участников рынка на фоне неблагоприятных условий ведения бизнеса: высокой налоговой нагрузки (50–55 %), административных барьеров, плохо развитой инфраструктуры, коррупции и др. По данным исследования «Doing business», проведенного Всемирным банком не предмет комфортности ведения бизнеса, Россия занимает всего лишь 120-е место из 181 государства;
- низкая доля среднего класса в обществе. Однако Д. А. Медведев заявил: «Малый бизнес – это база для развития предпринимательской активности и основа расширения среднего класса, который к 2020 году должен составить в России до 60–70 %»;
- функционирование экономики в режиме «коротких денег» и постоянный недостаток «длинных денег» в реальном секторе экономики, так как иждивенческий характер экспортно-сырьевой модели не стимулирует поиск новых долгосрочных источников доходов.

Можно продолжать список факторов отрицательного влияния экспортно-сырьевой модели на экономику нашей страны, но конструктивнее искать не тех, кто виноват, а то, что делать в сложившейся ситуации. По нашему мнению, выход может быть найден в движении к конкурентоспособной, инновационной экономике за счет развития в России рыночных институтов и промышленной политики, которые будут стимулировать развитие прежде всего промышленного спроса на внутреннем рынке нашей страны.

Главный аргумент в пользу перехода на инновационную экономику состоит в том, что, в отличие от экспортно-сырьевой модели, она позволяет снизить риски падения экономики за счет увеличения добавленной стоимости в обрабатывающем секторе. Деньги, пришедшие в Россию на волне благоприятной нефтяной конъюнктуры, не могут принципиально изменить ситуацию на финансовом рынке. Их владельцы знают, что эти деньги – случайность, и стремятся разместить их на короткое время с перспективой получения как можно более высоких доходов.

Поэтому основными чертами посткризисной модели российской экономики, на наш взгляд, являются:

- поддержка инновационной активности отечественных предприятий;
- стимулирование внутреннего спроса на продукцию отечественных производителей путем создания благоприятных экономических условий и стимулов, при которых будет выгодно производить в России (завершение реформ естественных монополий, оптимизация налогообложения и т. д.);
- снижение уровня коррупции;
- рост производительности труда;
- развитие конкурентной среды;
- увеличение доли средних и малых предприятий несырьевого сектора в ВВП России;
- развитие рыночных институтов (например, защиты конкуренции, защиты прав кредитора, прав должника, институт гарантий и т. д.);
- развитие научного потенциала, повышение качества образования и государственных услуг – все это отвечает запросам инновационной экономики.

Для стабильного долгосрочного развития России решающее значение имеет инвестиционный климат². При этом под долгосрочной макроэкономической стабильностью инвесторы понимают вовсе не численные значения годовой инфляции и даже не конкретные значения валютного курса. От этих показателей требуется только предсказуемость. Под долгосрочной стабильностью в первую очередь понимается устойчивый экономический рост. Чем он выше, тем выше интерес инвесторов. При годовом росте в 3–5 % интерес инвесторов умеренный, при росте в 8–10 % он становится активным. Заметим, что инвестиции в «точки роста» – часть стратегий крупнейших корпораций. При нулевом или отрицательном росте интерес инвесторов вызывают лишь проекты, ориентированные на экспорт. По последним прогнозам Минэкономразвития РФ, к 2011 году ВВП вырастет на 3 % [5].

Нет сомнений, что при сложившейся отраслевой структуре экономики страны, ее государственных и рыночных институтов темпы роста 8–10 % являются недостижимыми. Вместе с тем существует точка зрения, что для России важнее не величина темпов экономического роста, а наличие на государственном уровне ясной экономической стратегии и увеличение инвестиций в развитие институциональной экономики и соответствующих институтов. Инвестиции в большом объеме возможны только тогда, когда хозяйствующие субъекты – и кредиторы, и заемщики – могут позволить себе «длинные горизонты» планирования.

Понимание закономерностей современного экономического развития позволяет выявить необходимые условия для обеспечения экономического роста, которые должны обязательно соблюдаться в экономической политике. В частности, важной особенностью нового технологического уклада стал переход к непрерывному инновационному процессу в практике управления. Проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) занимает все большее место в инвестиционных расходах, превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство. Одновременно повышается значение государственной научно-технической, инновационной и образовательной политики, определяющей общие условия научно-технического прогресса в отдельных странах. Доля расходов на науку в ВВП развитых стран постоянно растет и приближается к

3 %, при этом доля государства в этих расходах составляет в среднем 35–40 % [1], [7]. Интенсивность НИОКР сегодня во многом определяет уровень экономического развития. В глобальной экономической конкуренции выигрывают те страны, которые обеспечивают благоприятные условия для научных исследований и научно-технического прогресса.

Экономический подъем связан с накоплением реального капитала. Чтобы капитал накапливался, требуется верное соотношение действительной и естественной норм процента, а именно превышение ожидаемой производительности реального капитала над платой за кредит. Напомним, что данное положение содержится в концепции Кнута Виксея [9], [10]. Соответственно, для того чтобы управлять реальной и естественной нормами процента, необходимо осуществлять: 1) промышленную политику для управления естественной нормой и 2) политику создания капитальной базы экономики для управления действительной нормой.

Вместе с тем, по нашему мнению, модель факторов экономического роста, состоящая только из двух вышеуказанных факторов (промышленной политики и капитальной базы), является неполной и не учитывает историко-логический генезис экономической системы.

В современной экономической теории особое место занимает институционалистское направление [3], [7]. Современное экономическое состояние характеризуется наличием множества экономических субъектов воздействия на макроэкономическую среду: это немонополистические и монополистические капиталы, государство и международные (мировые) институты. Воздействие осуществляется как с помощью финансовых, кредитных, социальных рычагов, так и за счет институциональных и иных механизмов [6]. На этом основании мы считаем логичным включить в модель-систему факторов экономического роста третий необходимый и достаточный элемент – развитие рыночных институтов.

Таким образом, с учетом современной историко-логической концепции развития экономической системы в качестве рабочей модели анализа качественных факторов роста экономики, которая будет рассмотрена ниже, мы предлагаем рассматривать модель, включающую следующие 3 фактора: 1) промышленная политика, 2) капитальная база, 3) рыночные институты.

Остановимся на каждом из этих факторов подробнее применительно к российской экономике. Рассмотрим сначала промышленную политику.

Что имеется в виду под промышленной политикой? Безусловно, это не прямое финансирование отраслей бюджетными средствами, поскольку в этом случае не может быть никакого роста нормы отдачи на капитал. Выделение жестких приоритетов правительством РФ пока не принесло ощутимого эффекта. Здесь нам, вероятно, может помочь теория конкуренции американского эконо-

нориста М. Портера, который на вопрос «где же следует искать выход в решении проблемы ускорения экономического роста?» отвечал: в конкурентных преимуществах нации. Какие же выводы следует извлечь из теории М. Портера?

Во-первых, в условиях глобализации традиционный подход, а именно деление экономики на отрасли, уступает в эффективности кластерному подходу. Дополнительный эффект при кластерном подходе возникает за счет синергетического эффекта от системы взаимосвязей групп фирм тесно связанных отраслей, способствующих росту конкуренции друг друга. Во-вторых, кластерный подход предполагает, что приоритетная роль государства сводится к улучшению инфраструктуры и институтов функционирования фирм, стимулированию экономических субъектов к инновационной деятельности.

Вполне логично встает вопрос: насколько применим кластерный подход в России? Идея развития кластеров, безусловно, интересна. Более того, сегодня приоритетом государственной политики признано развитие нанотехнологий. Нанотехнология – это не одна конкретная отрасль, нанотехнологиям присущи надотраслевые функции: они связаны с самым широким кругом отраслей, от микроэлектроники до медицины. В будущем, например, продукты нанoeлектроники будут обеспечивать высокие параметры энергосбережения. При этом для моделирования нанотехнологических процессов, веществ, устройств могут быть задействованы многоядерные и многопроцессорные системы, что, в свою очередь, станет стимулом для реализации проектов по созданию суперкомпьютеров. Рынок нанотехнологий имеет огромный потенциал. В выступлениях председателя Государственной думы Б. В. Грызлова на международных конференциях по нанотехнологиям в 2008–2009 годах часто озвучивались следующие цифры: «Если в 2007 году объемы продаж на мировом рынке нанотехнологий составляли 50 миллиардов долларов, то в 2008 году уже 150 миллиардов, к 2010 году ожидается 800 миллиардов, к 2015 году – свыше 2 триллионов долларов, т. е. за восемь лет ожидается рост в 40 раз».

Вместе с тем кластеризацию в общероссийском масштабе на данный момент сдерживает неразвитость действующих государственных и рыночных институтов, способных содействовать прозрачной коммуникации и партнерству связанных групп фирм.

Суть промышленной политики состоит в том, чтобы: 1) определить, какие направления (помимо сырьевых) жизненно важны для страны, и 2) сосредоточить на них внимание бизнеса и государства. Учитывая мировой опыт перехода от отраслевой промышленной политики к государственной поддержке конкурентоспособных компаний, мы предлагаем основную ставку в модернизации экономики сделать на развитие интегрированных бизнес-групп (ИБГ).

Поскольку основные инвестиционные ресурсы сосредоточены в ограниченном числе экспор-

тоориентированных ИБГ в виде холдингов и стратегических альянсов, диверсификация активов групп в обрабатывающую промышленность – наиболее реальный механизм перелива капитала. ИБГ, аккумулируя значительные инвестиционные ресурсы и имея возможность проводить согласованную научно-техническую политику на предприятиях нескольких переделов, в большей степени принимают на себя технологические и финансовые риски инноваций. Именно в рамках крупных корпораций удалось сохранить отраслевые институты, создать новые направления прикладных исследований. Приверженцы самых разных взглядов и идеологий сегодня едины во мнении, что экономический рост в России должен осуществляться за счет активного развития отраслей с высокой добавленной стоимостью. Прежде всего, это обрабатывающий сектор.

Одна из проблем России в том, что страна производит товары, к которым не надо добавлять стоимость. В сложных бизнесах надо уметь продавать, продвигать, строить бренд. То, что крупный бизнес сконцентрировал в своих руках самые прибыльные активы и финансовые ресурсы, вовсе не означает, что он способен развивать отрасли более высокого передела. Пока приобретение сырьевыми компаниями непрофильных активов (например, многочисленные машиностроительные проекты) давало в среднем нулевую динамику. Экономическую структуру в пользу отраслей с высокой добавленной стоимостью обычно меняли не самые крупные компании. Может быть, логичнее поддерживать их напрямую, а не сосредотачиваться на поддержке ИБГ с тем, чтобы они потом «поддержали» следующий эшелон.

Итак, нужно ли выбирать и отдельно поддерживать какие-то приоритетные отрасли? Логика рассуждений может быть такой. Оцениваем разные отрасли экономики: какая из них может вырасти на 20–30 %, чтобы подтянуть другие? Сырье не сможет обеспечить такой рост, значит, это какие-то другие экспортоориентированные отрасли. Определяем эти отрасли и выясняем, за счет чего их предприятия могут расти быстрее. Может быть, уменьшить им налоги или помочь решить проблемы с региональными властями? Думается, что не стоит давать им деньги: государство должно фокусироваться не на поддержке отдельных предприятий, а на создании эффективных институтов.

Сегодня в России деятельность в любой отрасли достаточно перспективна. Однако мы понимаем, что в условиях ограниченных ресурсов экономики (финансовых, материальных, трудовых) будет полезно обратиться к проектному подходу. Методика управления проектами абсолютно приемлема в качестве инструмента реализации экономической политики, так как она имеет дело с ограниченными ресурсами. Известный закон Лермана гласит: «Любую техническую проблему можно преодолеть, имея достаточно времени и денег», а следствие Лермана

уточняет: «Вам никогда не будет хватать либо времени, либо денег».

Теперь перейдем к ответу на второй вопрос данной статьи. К приоритетным проектам в РФ можно отнести:

- внедрение энергоэффективных технологий;
- развитие нанотехнологий;
- освоение современных информационных технологий;
- развитие биотехнологий, поднимающих эффективность АПК, фармакологической и других отраслей промышленности;
- развитие новых микроэлектронных технологий, позволяющих резко поднять конкурентоспособность и эффективность отечественного машиностроения;
- обновление парка гражданской авиации;
- обновление оборудования электростанций, износ которого приближается к критическим пределам, а также модернизация атомных станций;
- развитие современных транспортных узлов, позволяющих существенно улучшить скорость и надежность комбинированных перевозок;
- развитие жилищного строительства экономического класса с использованием современных технологий;
- развитие информационной инфраструктуры на основе современных систем спутниковой и оптоволоконной связи, сотовой связи в городах;
- модернизация непроизводственной сферы на основе современного отечественного оборудования (диагностические приборы для медицины, вычислительная техника для системы образования и т. д.);
- оздоровление окружающей среды с помощью современных экологически чистых технологий.

Что касается капитальной базы России, то ее отличительная особенность такова: капитализация фондового рынка намного превышает совокупные активы банковской системы. Это также является следствием экспортно-сырьевой модели хозяйства, поскольку для инвесторов легче и эффективнее не вложиться в реальный сектор, а заработать на спекулятивных инвестициях в сырьевые отрасли, составляющие в российской экономике 80 %. В результате происходит рост капитализации российских компаний через «фондовые пузыри», а также снижение мотивации инвесторов к долгосрочному инвестированию в отечественный промышленный бизнес, что, безусловно, является серьезной проблемой для экономического развития РФ.

Для сравнения: индекс РТС в России снизился за последний год в 3,5 раза, или на 72 %, в то время как аналогичные индексы в США – только на 35 %, в Китае – на 49 %, в Индии – на 40 %, в Бразилии – на 50 %. Таким образом, импортные причины падения капитализации можно оценить примерно в 35 %, но остальные 37 % –

это российские причины. В структуре рыночной капитализации России присутствие сырьевых компаний составляет 75 %, причем во всех этих компаниях занято только 1,5 % рабочей силы нашей страны. Безусловно, такая ситуация ведет к дальнейшему расслоению в обществе и слабому мультипликационному эффекту в национальной экономике.

Третьим важным фактором роста рыночной экономики является развитие рыночных институтов [8]. Для капитализации богатства страны нужны такие базовые рыночные институты, как защита прав собственности, защита прав кредиторов и защита конкуренции [4].

Защита прав собственности (в особенности защита инвесторов) определяет финансовое развитие экономики, в том числе размер финансового рынка, структуру собственности, количество первичных публичных размещений акций (IPO), политику выплаты дивидендов и т. п. Ключевой элемент защиты прав собственности – эффективность исполнения законов, определяемая качеством работы судебной системы.

Аналогичную роль играет и защита прав кредиторов. Если у кредиторов нет возможности быстро и без потерь получить собственность должника в случае его банкротства, то больше всего от этого страдают добросовестные заемщики: им приходится платить большие ставки процента по кредитам. Законодательство о банкротстве – это всегда баланс интересов кредиторов и заемщиков. Сейчас многие предприятия, банки столкнулись с тем, что процедуры, которые заложены в существующем законе о банкротстве, не срабатывают в условиях кризиса. Несовершенство действующего закона связано с не очень гибкой процедурой финансового оздоровления. Озабоченность многих кредиторов обусловлена тем, что в преддверии банкротства компании начинают выводить активы через реструктуризацию бизнеса.

В современном мире экономический успех компаний все больше зависит от их способности успешно внедрять инновации. Инновации необходимы бизнесу для увеличения темпов роста и повышения его конкурентоспособности. Инновации могут воплощаться в технологиях, продуктах, бизнес-процессах, бизнес-стратегиях (моделях), во всем, что может создавать конкурентные преимущества, причем желательно высокого порядка (то есть те, которые сложно скопировать). Инновации предлагают новое решение, имеющее для конечного потребителя ценность и платежеспособный спрос.

Какие институты могли бы поддерживать и развивать инновационную активность в России? Априори Внешэкономбанк задумывался как институт развития и должен в целом осуществлять поддержку крупных инвестиционных и инновационных проектов. Но сейчас банк в основном выполняет функции агента правительства по решению кризисных проблем. Все это происхо-

дит в ущерб исполнению функции института развития, и поддержка инновационных проектов практически не реализуется. Кроме того, в самой антикризисной программе нет мер инновационной направленности, мер, связанных со стимулированием технологического экспорта, мер по привлечению иностранных инвесторов, по развитию технопарков и т. п. Вместе с тем на базе Внешэкономбанка могли бы создаваться государственные финансовые структуры, содействующие отечественным предприятиям в инновациях с мультипликационным эффектом путем предоставления государственных гарантий.

Поскольку в инновационной экономике главными экономическими субъектами являются многочисленные частные средние и малые компании несырьевого сектора, стимулирование инноваций следует активизировать именно в малом и среднем предпринимательстве. Пока у малых и средних предприятий России мало экономических стимулов для активного внедрения инноваций. Поэтому, по нашему мнению, следует внедрять в практику следующие направления:

- развитие института предоставления грантов (субсидирования из государственного бюджета) средним и малым предприятиям, реализующим инновационные проекты с мультипликационным эффектом;
- снижение налоговой нагрузки до 30–35 %;
- развитие института государственных закупок для создания дополнительного спроса на инновационную продукцию и технологии;
- формирование инновационной инфраструктуры в виде технопарков, технополисов, бизнес-инкубаторов, инновационно-технологических и межрегионально-маркетинговых центров;
- расширение доступа отечественных предприятий к источникам долгосрочных инвестиций;
- развитие института государственно-частного партнерства (то есть софинансирование государством проектов бизнеса по созданию новых технологий и продуктов);
- развитие института проектных агентств, помогающего продвигать масштабные проекты – «точки роста». Суть деятельности проектных агентств состоит в поиске потенциальных участников перспективного в масштабах национальной экономики проекта, проектном согласовании их действий и поиске источников финансовых ресурсов при реализации масштабного инфраструктурного проекта.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, среди целевых ориентиров страны – «инновационное лидерство России в мире на основе передовых научно-исследовательских разработок, высоких технологий и образовательных услуг. Россия должна занять значи-

мое место на рынках высокотехнологичных товаров (не менее 10 процентов) и интеллектуальных услуг по 4–6 и более крупным позициям. Будут сформированы условия для массового появления новых компаний во всех секторах экономики, в первую очередь в секторах «экономики знаний». Первые шаги по формированию институциональной среды уже делаются. Пример тому – принятый в июле 2009 года закон РФ о малых предприятиях при вузах, предусматривающий наделение бюджетных научных и образовательных учреждений правом самостоятельно создавать хозяйственные общества, чья деятельность заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые принадлежат данным научным и образовательным учреждениям. Теперь дело за инновационной активностью российских вузов.

В завершение можно сказать, что в условиях экспортно-сырьевой модели экономики собственности, осуществляющие реальный контроль, тяготеют не к принятию стратегических решений, а к сиюминутным выгодам почти спекулятивного характера. В результате нет производственных

инвестиций, а значит, нет полноценной инновационной системы, нет мультипликативного эффекта в национальной экономике и ее устойчивого социально-экономического развития.

В кризисный период роль инноваций и инновационной активности приобретает особое значение, задавая импульс в движении экономики к новому качественному уровню. Для роста инновационной активности в России нужно поддерживать приоритетные направления технологического развития на основе кластерного подхода, поддерживать инновационную деятельность действующих предприятий, улучшать институциональные условия, создавать стимулы к инновационной деятельности в системе образования и государственном секторе.

Как сказал президент РФ Д. А. Медведев на Петербургском международном экономическом форуме 2009 года, в концепции долгосрочного развития России к 4 «и» (институты, инфраструктура, инновации, инвестиции) сегодня добавляется 5-й элемент – интеллект. Хочется верить, что наша экономика станет «умной» и обеспечит рост благосостояния и качества жизни российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под инвестиционной активностью экономических субъектов понимается их активная деятельность по созданию, освоению, распространению и использованию инноваций как процесса создания новых благ (товаров/услуг с новыми качествами), имеющих ценность для конечных потребителей.
- ² Инвестиционный климат определяется нами как один из макроэкономических показателей конкурентоспособности национальной экономики, включающий в себя такие составляющие, как: долгосрочная макроэкономическая стабильность; стабильность законодательства, обеспечивающего права инвесторов; развитие деловой инфраструктуры, в том числе сферы финансовых, юридических и иных услуг, а также финансовая и юридическая прозрачность компаний, обычаи делового оборота, то есть институты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С. Ю. О стратегии развития российской экономики // Научный доклад. М.: ЦЭМИ РАН, 2001. С. 3.
2. Инвестиционная деятельность в России: условия, факторы, тенденции [Электронный ресурс] / По данным Росстата. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178611292&elementId=114009547181.
3. Колодко Г. Институты, политика и экономический рост // Вопросы экономики. 2004. № 7. С. 35–51.
4. Норд Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.
5. Россия выйдет из кризиса к 2012 году [Электронный ресурс] / По данным РИА Новости. Режим доступа: <http://www.dni.ru/economy/2009/9/1/174000.html>.
6. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Науч. ред. В. С. Каткало. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.
7. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд. М.: ТЕИС, 2002. 588 с.
8. Roland G. Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms. N. Y.: The MIT Press, 2000.
9. Wicksell K. Interests and Prices [Geldzins und Guterpreise, 1898] / Trans. R. L. Kahn, 1936.
10. Wicksell K. Lectures on Political Economy [Forenlasningar i nationalekonomi, 1901, 1906] / Trans. E. Classen. 2 vols. L. 1934–1935.

УДК 398 (47)

НЕОНИЛА АРТЕМОВНА КРИНИЧНАЯ

доктор филологических наук, заведующий сектором фольклора Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН

illh@krc.karelia.ru

Рец. на кн.: На поле-поляне, на море-океане: хрестоматия по русскому фольклору Карелии: [учебное пособие для общеобразовательной школы] / Авт.-сост. С. М. Лойтер. – Петрозаводск: Verso, 2009. – 390 с.

«На поле-поляне, на море-океане...» Под таким названием недавно вышла хрестоматия по русскому фольклору Карелии. В самом ее наименовании заключена определенная символика. Ведь *поле-поляна*, как и *море-океан*, означает некий перелом, за которым начинается новая веха, в данном случае – в осмыслении того духовного богатства, наследниками которого все мы так счастливо оказались. Это наследие, как показывает автор-составитель книги С. М. Лойтер, накапливалось и приумножалось талантом многочисленных поколений наших земляков, некогда здесь живших и ныне живущих. Оно сохранилось благодаря непрерывному кропотливому труду собирателей, своевременно оценивших значимость устно-поэтического творчества в поддержании традиций, объединяющих предков и потомков, в формировании эстетических вкусов и культурно-исторических запросов новых поколений.

Названное издание – первая в истории отечественной фольклористики хрестоматия по русскому фольклору, ориентированная не на вузы, как это до сих пор бывало, а именно на школы – на учителей и учеников. Будем надеяться, что за ней последуют аналогичные книги, рассчитанные на дошкольников, – для чтения в семье и детском саду. Такое собрание обеспечит приобщение наших земляков к традиционной культуре Карелии с еще более раннего возраста, заложит

основы их сопричастности к судьбам родного края. Само собой разумеется, что и вузы республики нуждаются в хрестоматии, основанной на фольклорных материалах, записанных на территории Карелии. Одним словом, положенный почин, несомненно, послужит импульсом для подготовки аналогичных изданий, предназначенных для разных по возрасту читателей.

Своим появлением на свет рассматриваемая хрестоматия обязана счастливому стечению обстоятельств. С одной стороны, здесь необходимо знание самого фольклора во всех его жанровых проявлениях, а с другой – профессиональная осведомленность в особенностях педагогического процесса, в насущных потребностях учителей и учеников. В этой связи особо следует сказать об авторе-составителе хрестоматии. С. М. Лойтер – профессор кафедры литературы Карельской государственной педагогической академии, доктор филологических наук. В течение более четырех десятилетий она читает курс лекций по русскому фольклору, ведет семинары (в том числе семинар по русскому фольклору Карелии), руководит фольклорной практикой студентов, выезжая в прионежские, пудожские деревни, а также собирая фольклор в самом Петрозаводске. Исследует устно-поэтическое народное творчество Карелии, и прежде всего детский фольклор [1], [3], [4], [5]. В стенах педагогической академии С. М. Лойтер готовит будущих педаго-

гов, поддерживает тесные контакты с учителями, ныне работающими в республике. По специально созданной ею программе «Русский фольклор Карелии для общеобразовательной школы» С. М. Лойтер проводит семинары для учителей при Институте повышения квалификации работников образования. Мало того, как в хрестоматии, так и в статьях она пишет о педагогах, оставивших яркий след в истории культуры, и прежде всего в истории фольклористики Карелии и всей России. В их числе – преподаватели Олонецкой губернской гимназии (Ф. Н. Фортунатов, Ф. И. Дозе, К. М. Петров, П. Т. Виноградов), Олонецкой духовной семинарии (Е. В. Барсов, Н. С. Шайжин) и просто сельские учителя (например, Е. В. Ржановская). Как отмечает С. М. Лойтер, главными корреспондентами и авторами публикаций о фольклоре в газете «Олонецкие губернские ведомости» и в других местных изданиях были учителя. Определяя «особый тип учителя», сформировавшийся с середины XIX по первую треть XX века, автор подводит читателя к мысли: вот он – образец, достойный и сегодня подражания.

Обратимся же к корпусу текстов, представленных в хрестоматии. Его основу определяют эпические жанры, песенные и прозаические. К первым относятся былины, исторические песни, баллады, духовные стихи (последние лишь недавно вернули себе былое равноправие в системе фольклорных жанров). Вторую разновидность произведений, принадлежащих к эпосу в широком смысле этого слова, составляют сказки и несказочная проза: предания и былички, лишь в последние десятилетия вошедшие в вузовские учебники в качестве самостоятельных фольклорных жанров. Лирика представлена в хрестоматии обрядовой поэзией: причитаниями и песнями, сопровождавшими ритуал. Остальные рубрики в структуре рассматриваемого издания посвящены «малым» жанрам (пословицам, поговоркам, загадкам) и детскому фольклору, который исполняется для детей или же самими детьми.

Каждая из рубрик предваряется емкой вступительной статьей, в которой описываются характерные признаки того или иного жанра, его поэтические особенности, условия бытования. Высвечивается роль сказителя в сохранении и воспроизведении фольклорного текста. В этих статьях названы имена крупнейших собирателей, которые в XIX–XX веках, уже на заключительном этапе бытования классической фольклорной традиции, успели зафиксировать ее разножанровые проявления, не дав им кануть в небытие, напротив, обеспечить их бессмертие.

При отборе текстов составитель придерживался определенных критериев: все они записаны на территории Карелии, или бывшей Олонецкой губернии, как правило, от известных исполнителей и являясь композиционно полными, структурно организованными, высокохудожественными, в буквальном смысле хрестоматийными произведениями.

Каждый текст отбирался для хрестоматии из сотен других вариантов, опубликованных в различных собраниях. В новой структуре он представляет собой ту или иную сюжетно-тематическую либо жанровую разновидность.

Рубрика «Былины» не случайно открывается эпической песней о Святогоре – мифологическом персонаже, имеющем признаки горы и локализованном на горе. Комментируя ее, С. М. Лойтер отмечает, что Святогор воплощает собой некую стихийную силу, которая в новых условиях не находит применения, и потому такой персонаж исторически обречен. Уходит в прошлое и чародейское искусство Вольги, уступающее место земледельческому труду Микулы Селяниновича. Другую компактную группу в хрестоматии составляют эпические песни о борьбе с чудовищами, связанные с именами наиболее любимых героев. Древнейшая тема змееборства развивается в былине о Добрыне и Змее, где продолжена традиция изображения антагониста в виде зооморфного существа, противопоставляемого русскому богатырю. Со временем змееборство осмысливается как защита родной земли. Сюда же относится и ставшая хрестоматийной былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, записанная от нашего заонежского сказителя Т. Г. Рябина известным собирателем А. Ф. Гильфердингом. Победа богатыря над Соловьем-разбойником, имеющем птичьи и человеческие признаки, знаменует собой преодоление сил, разъединявших, дробивших Русь. В хрестоматии включены и тексты, где антагонист приобретает все более реальные признаки. Это цикл о борьбе русского народа с монголо-татарским нашествием, основу которого составляет коллизия, разрабатываемая в былине об Илье Муромце и Калине-царе. Записанная опять-таки от Т. Г. Рябина, она входит в рассматриваемое издание в качестве варианта этого сюжета, непревзойденного по полноте и своим художественным достоинствам. В состав хрестоматии включены и былины о других героях: Садко, Дунае, Ставре, Дюке, Сухмане, Василии Буслаевиче, становление которых относится к различным периодам в истории эпического творчества. Некоторые из былин занимают промежуточное положение между различными жанрами: между былиной и сказкой-бывальщиной (о Садко), между былиной и преданием (о Рахте Рагнозерском). Последняя имеет местное (пудожское) происхождение.

Другие разделы – «Исторические песни», «Баллады», «Духовные стихи» – содержат в себе лишь по 2–3 текста. Однако всякий раз они связаны с определенными вехами или существенными особенностями в формировании того или иного жанра. Если песня об Авдотье-Рязаночке, относящаяся к эпохе монголо-татарского нашествия, знаменует собой становление новой жанровой системы, то песня о гневе Ивана Грозного на сына (XVI век) означает ее расцвет. В основе

же приведенных в хрестоматии баллад лежат типичные коллизии, связанные с различного рода драмами в человеческих судьбах. Задачей показать сюжетное разнообразие определяется и подбор текстов в разделе «Духовные стихи», где прославляется подвиг святого (Егория), подтверждаются основы православной аксиологии, приобретают формульное выражение космологические воззрения.

Прозаический эпос представлен в хрестоматии прежде всего сказками, относящимися к различным жанровым разновидностям. Это сказки о животных, восходящие в своих истоках к тотемистическим мифам: в них зооморфные персонажи наделяются человеческой речью и действиями. В волшебных сказках, приведенных в хрестоматии, действуют люди, имеющие чудесное происхождение: например, от растения (репы) и огня (печи), либо животные (например, птица), превращающиеся в людей, либо животные, произошедшие от людей. Чудесные помощники (петух, конь, мудрая супруга) добывают или возвращают герою/героине волшебный предмет, обеспечивающий ему/ей неиссякаемое изобилие, «целый сундук добра», царство и царевну в жены. Нужно только блюсти заветы предков, следовать передающимся от ушедших поколений нравственно-этическим заветам и установлениям – и тогда (так учит сказка) добро непременно восторжествует над злом.

В рассматриваемую рубрику включена и такая жанровая разновидность, как новеллистические и/или бытовые сказки. При всей кажущейся реалистичности повествования они, однако, не утрачивают характерного для сказки вымысла. В этих произведениях герой, прибегая к хитроумным уловкам, выполняет невыполнимое либо одурачивает своего антипода, нередко сопровождая наказание назидательной сентенцией. Названия таких сказок («Барин и плотник», «Мужик и барин»), приобретая социальную окраску, говорят сами за себя.

Несомненный интерес у школьников вызовут и кумулятивные сказки, основанные на многократно нарастающем повторении одних и тех же действий, «пока созданная таким способом цепь не порывается или же не расплетается в обратном порядке» (В. Я. Пропп). Предпосылкой появления этого раздела в хрестоматии служат статьи С. М. Лойтер, написанные задолго до ее составления (см., например, [2]).

Вслед за рассмотренной открывается новая рубрика под названием «Несказочная проза», куда входят предания и былички. Предания, основанные на тех или иных устойчивых фольклорно-мифологических мотивах, повествуют о событиях местной истории, нередко являющихся частью событий общегосударственного масштаба. В них речь идет об освоении и заселении края, об основании и первых насельниках деревень, о происхождении их названий. В числе этих текстов и предания об основании Петрозаводска, об открытии Марциальных вод. Излюб-

ленным героем распространенных в Карелии преданий является Петр Первый. В его образе есть черты не только реального исторического лица, но и, пожалуй, еще в большей степени признаки мифологических персонажей: вождя, демигурга, культурного героя, мага, основателя селений и т. д. Текст же «Болото Беседное» вряд ли можно отнести к преданиям: это типичная быличка, хотя в ней есть и топонимический мотив.

В хрестоматии содержатся и девять быличек, в которых повествуется о духах – «хозяевах» воды, леса, крестьянского жилища. Тем самым читатель знакомится с основными персонажами русской мифологической прозы.

Свое внимание автор-составитель уделяет и лирике, ограничиваясь при этом лишь обрядовой поэзией. Посвященная ей рубрика состоит из 7 причитаний, свадебных и похоронных (3 текста записаны от известной заонежской вопленицы И. А. Федосовой), и 3 свадебных песен. Хотелось бы, чтобы при переиздании хрестоматии эта рубрика была представлена во всей полноте ее жанровых и сюжетно-тематических разновидностей.

Отдельную рубрику образуют «малые» жанры фольклора: пословицы, поговорки, приговорки, загадки.

В хрестоматию включены лишь те пословицы и поговорки, которые были зафиксированы на территории Карелии, хотя в основном они имеют общерусское распространение. В статье, предваряющей этот раздел, С. М. Лойтер обращает внимание читателей на различие между двумя разновидностями этого жанра. Если пословицы заключают в себе законченное суждение, то поговорки могут быть его частью, элементом. И те, и другие в образной форме воплощают трудовой, социальный, нравственно-этический опыт русского народа и применяются всякий раз при характеристике конкретных явлений и жизненных ситуаций. Будучи собирателем фольклора, автор-составитель приводит ряд живых зарисовок, воспроизводящих картину естественного бытования этих емких произведений в народной среде.

Что касается выделенных в особый жанр приговорок, то, на мой взгляд, некоторые из них можно отнести скорее к пословицам. Например: «Богат Тимошка: есть собака, есть и кошка»; «За каждой мухой не нагоняешься с обухом»; «Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами» и др.

В раздел «Загадки» помещены тексты, записанные в свое время в Олонецкой губернии и опубликованные наряду с текстами из других местностей в сборнике Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа». Здесь же приводятся и записи 1971–2003 годов, извлеченные составителем из своего личного архива. Эти загадки классифицируются по группам, связанным с представлениями о природе (земля, небо, лес, река), о человеке и его быте (человек, жилище, одежда, еда, питье), о хозяйстве (огород, сад, орудия труда), о животных (домашних и диких)

и др. И конечно, в этой рубрике имеет место раздел «Грамота, книга», определяющий народные представления о роли образования в человеческой жизни. Обращая внимание на язык этих произведений, С. М. Лойтер призывает «вчитаться не спеша в загадку, проникнуть в тайны художественного образа, постичь ход поэтического мышления...» (с. 296).

Завершается хрестоматия рубрикой «Детский фольклор». Эту область народного творчества С. М. Лойтер определяет исчерпывающей формулировкой: «Детский фольклор включает в себя две большие группы произведений. Первую группу составляют произведения, созданные взрослыми и адресованные самым маленьким. Это так называемая “поэзия пестования” – колыбельные песни, потешки, пестушки, прибаутки. Вторая группа произведений – это все фольклорные явления в их устных и письменных формах, все речевые образования, созданные самими детьми в дошкольном и школьном возрасте и вошедшие в их традицию» (с. 319). Ко второй группе автор-составитель относит считалки, дразнилки, заклички, небылицы, мирилки, молчанки, пугалки, скороговорки. Сюда же примыкают игры, акциональный компонент которых обеспечивается поэтическим вербальным сопровождением. Особый раздел в этой рубрике составляют

«страшные» истории. Это своего рода детская мифологическая проза. Большинство представленных в хрестоматии произведений детского фольклора извлечены из коллекций и публикаций составителя [1], [3], [4], [5]. С. М. Лойтер в полной мере выступает здесь как собиратель, публикатор, исследователь всей совокупности относящихся к данной рубрике текстов.

Чрезвычайно ценно, что каждая из рубрик заключается списком литературы, который, как бы расширяя рамки хрестоматии, позволяет привлечь для освещения того или иного фольклорного жанра дополнительный материал.

Сопровождающий издание Словарь местных и старинных слов служит проводником в мире материальной и духовной культуры ушедших эпох, равно как и в мире народной языковой стихии.

В заключение, перефразируя слова автора-составителя, скажем, что вдумчивый любознательный читатель «будет непременно вознагражден множеством открытий и прозрений», которые сопутствуют каждому, кто приобщится к самым истокам духовной культуры, формировавшейся в течение многих веков в нашем крае. Пожелаем хрестоматии по русскому фольклору многих переизданий, долгой плодотворной жизни. Она будет тепло встречена в каждой школе, в каждой библиотеке и в каждой семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Где цветок, там медок: Детский фольклор, пословицы и загадки Карелии / Сост., послесл. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1993.
2. Лойтер С. М. О жанровой специфике кумулятивной сказки // Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1979. Вып. 6.
3. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: исследования и тексты. Петрозаводск, 2001.
4. Лойтер С. М., Неёлов Е. М. Современный школьный фольклор: Пособие-хрестоматия. Петрозаводск, 1995.
5. Русский детский фольклор Карелии / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., предисл. к разд. и коммент. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-экономических дисциплин Карельской государственной педагогической академии
yulinnik@yandex.ru

Рец. на кн.: Ершов, В. П. Старообрядческая икона-примитив XVIII века «Архангел Михаил – воевода»: (Опыт монографического описания сюжета) / В. П. Ершов; Федерал. агентство по образованию, ГОУВПО «КГПУ». – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2008. – 236 с.

Старообрядческая икона-примитив XVIII века «Архангел Михаил – воевода» из-за своей крайне плохой сохранности претерпела списание. Она была обречена на уничтожение, если бы не Виктор Петрович Ершов, который спас икону от гибели. Реставрация – как локальное Преображение: икона, огнезарная, духоносная, воистину просияла, отблагодарив своего спасителя открытием семантических глубин, раньше ускользавших от взгляда. Икона оказалась воистину бездонной, неисчерпаемой. Если здесь уместно это языческое выражение, то можно сказать так: икона *заворожила* исследователя. Результатом стала монография. Впервые в одну конкретную икону мы можем благодаря В. П. Ершову всмотреться пристально, углубившись в детали, подойти к предмету изучения со всех сторон. Скромному произведению старообрядческой иконописи задан воистину всемирный контекст. Для аналогий и параллелей привлекается материал самых разных культур. Рядом с поморской иконой мы видим и кетский костюм, и тибетскую танку. Изоморфизмы убедительны и доказательны. В связи с проблемой поликефалии В. П. Ершов использует ключевое для него выражение: «*ассоциативный ряд*» (с. 57). Структуру монографии я определил бы следующим образом: перед нами сложная система *ассоциативных рядов* – внутренне она закономерна, как бы периодична. Погрузив

икону в небывало мощное ассоциативное поле, В. П. Ершов помогает нам по-новому взглянуть на Русский Север, проявивший и закрепивший фундаментальные архетипы мировой культуры.

Миф всегда сопровождает человека. Спасенная В. П. Ершовым икона со всей остротой ставит проблему раскола в Русской церкви, который привел к ярчайшей вспышке мифотворчества – старообрядческая среда оказалась благодатной для генерации новых космологических и эсхатологических идей, внутри нее возникла уникальная модель мира – выстроился северно-русский крестьянский космос, органично соединивший в себе языческие и христианские мотивы. Этот космос конгениально проявлен в поэзии Н. А. Клюева. Автор монографии постоянно обращается к его творчеству. Исследование словно орнаментировано стихами поэта. Кажется, что они звучат из пространства анализируемой иконы – столь здесь глубок сущностный унисон. Получается так, что Н. А. Клюев подкрепляет аргументы исследователя – и это не только убеждает на чисто логическом уровне, но и захватывает эмоционально.

Архистратиг Михаил в восприятии северных крестьян оказывается необыкновенно сложной фигурой – вот некоторые его грани, выявляемые в монографии: Михаил может замещать Христа; порой он отождествляется с Михаилом Федоровичем – последним, в представлении старооб-

рядцев, праведным царем; низвергнувший дьявола с небес, архистратиг однажды оказался и сам низринутым оттуда – разгневал Бога своим состраданием умирающей роженице, которая благодаря ему дала жизнь двум дитятам (записано от В. П. Щеголенка); В. П. Ершов считает возможным рассматривать Михаила в ряду умирающих и воскресающих божеств, куда он включает не только Адониса или Осириса, но и Христа. Право же, христианство возникло не на пустом месте – под ним хорошо просматривается языческая матрица. Сегодня об этом говорят, к сожалению, редко. Надежно выверенный атеизм сослужил В. П. Ершову добрую службу. Огромная любовь к христианской культуре сочетается в нем с абсолютной невоцерковленностью. Свободный исследователь, В. П. Ершов позволяет себе мысли, которые могут показаться рискованными, если не еретическими. Но исследование, на мой взгляд, только выигрывает от этого.

Выявляя смысловое наполнение, читатель вслед за автором задерживается в разных локусах ее многоуровневого пространства. Вот, например, изображения Солнца и Луны. На них накладываются и оппозиция мужского – женского, и коллизия жизни – смерти, и даже дифизитство Христа. При анализе четырех ангелов нам предстает целая феерия различных тетрактид. В главе о крыльях мы явственно слышим их полифонический шум: Психея и Ника, Ахурамазда и Гор, Вишну и Фреда.

Смею назвать В. П. Ершова интереснейшим герменевтиком иконы. Архетип змеборчества в сюжете заявлен прямо. Но неявно он продублирован и в боковых фигурах Власия и Модеста. Относительно них В. П. Ершов выдвигает смелую гипотезу. В ней нетривиально соединяются языческие и христианские реалии. Суть истолкования можно выразить в виде такого условного уравнения:

$$\frac{\text{ПЕРУН}}{\text{ВЕЛЕС}} = \frac{\text{МОДЕСТ}}{\text{ВЛАСИЙ}}$$

Подчеркивая, что это соотношение нельзя понимать однозначно, напомним следующее: христианский Власий наследует языческому Велесу – Волосу, чья хтоническая – порой змееподобная – природа установлена в структуралистских исследованиях; известна икона «Модест – патриарх», где святой изображен как умертвитель змея; двойничество персонажей может уподоблять как на их симбиоз, так и на антагонизм.

Все эти реминисценции вовсе не ведут к выводу, что Модест – аналог Михаила, а Власий замещает его противника. Оба святых находятся в позитивном ценностном поле. Как же иначе?

Тем не менее на неисповедимо глубоком бессознательном уровне их определенная альтернативность могла еле уловимо означиться. Замечу, что старообрядческие иконы представляют интерес еще и потому, что они с особой силой и выразительностью проявляют коллективное бессознательное – через них народ обнаруживал свои затаенные, окончательно еще не отрефлексируемые чаянья. Это вполне возможно: совмещение в подходе к иконам такого типа методов герменевтики и психоанализа – ведь перед нами необыкновенно сложный, многослойный текст.

Тема змеборчества имела для старообрядцев и внешний (Антихрист уже пришел), и внутренний аспект (надо страшиться инвазии змея). Поэтому, как пишет В. П. Ершов, необходимо победить его «в себе, как это сделал Власий» (с. 210). Неожиданный и перспективный ход мысли. Невольно вспоминаешь изображение Кекропа на фронте Парфенона: получеловек-полужмея, он уже одолел в себе хтоническое начало – рядом с ним мы видим свернутое спиралью чешуйчатое туловище. Оно отброшено за ненадобностью – это своего рода выполозок, реликт прошлого. Такую метаморфозу, возможно, проделал и Волос, превращаясь во Власия? Подобные вопросы возникают перед нами постоянно. Монография эвристична.

В монографии постоянно подчеркивается «премущественность христианством мифологической картины мира» (с. 31), поэтому В. П. Ершов доказательно соотносит Еммануила с богами-малютками, копье архистратига – с тирсом Диониса, трехглавого дьявола – с различными богами-поликефалами. Книга изобилует подобного рода сопоставлениями. Они убеждают в том, что сколь ни велика мера новизны в христианстве, но у него имелись предтечи – многие языческие элементы были ассимилированы им, получив при этом подчас настолько разительную трансформацию, что кажутся новообретениями. На самом деле они обременены тысячелетней культурной наследственностью.

Хочется отметить философскую глубину исследования. Заключительная глава книги – «Плач об утраченном времени» – может быть прочитана как самостоятельное эссе, где брошен новый свет на известную оппозицию: АФИНЫ (циклическое время, обеспечивающее повторяемость событий) и ИЕРУСАЛИМ (векторное время, задающее асимметрию ходу истории). Наблюдения В. П. Ершова увлекают. Они содержат в себе потенциал отдельных крупных исследований.

УДК 94(47)"1917/1991"

АНДРЕЙ ИЗЫДОРОВИЧ БУТВИЛО

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета ПетрГУ

butvilo@rambler.ru

О БЕССПОРНЫХ И СПОРНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ ИСТОРИКОВ КАРЕЛЬСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Заметным событием в историографии Карелии стал выход в свет в 2008 году монографии «Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии» [12]. На ее появление «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» откликнулись самой положительной рецензией [11]. Однако то обстоятельство, что рецензент по совместительству является научным редактором и одним из авторов книги и таким образом вносит нечто совсем новое в практику научного рецензирования, побуждает к дискуссии.

Монография вызвала у рецензента К. Ф. Белоусова исключительно положительные ощущения, на что он, безусловно, имеет полное право. Скептики скажут, что вместо рецензии получилась аннотация, но это мелочи и придирки. В данном случае важно не столько качество рецензии, сколько созданный прецедент. Смелая новация К. Ф. Белоусова, будучи поддержанной коллегами по научному сообществу, сможет оказаться весьма плодотворной. И если довести ее до логического конца, то можно будет перейти к защите диссертаций перед самим собой и присуждению себе любимому всевозможных ученых степеней назло ВАКу с его списками рецензируемых журналов. Если же говорить серьезно, то столь незатейливый «promotion» не вполне достоин самой книги. Она заслуживает более

серьезной оценки, не в последнюю очередь благодаря усилиям самого К. Ф. Белоусова, которому роль научного редактора и соавтора удалась явно лучше, нежели амплуа рецензента.

Должен признаться, что для меня чтение этой книги стало приятным разочарованием, поскольку изначально я испытывал к ней большое предубеждение. «Ведомственная» историография априори не способствует объективности в анализе исследуемого учреждения. А тут еще и само учреждение крайне неоднозначно как по своей истории, так и по специфике деятельности. Все это позволяло с большой долей вероятности предположить, что читателю предложат очередную версию повествования о благородных рыцарях с горячим сердцем и холодным умом, продолжающих традиции, заложенные лучшим другом детей и величайшим гуманистом XX века Ф. Э. Дзержинским. С удовлетворением должен признать, что ошибался.

Авторскому коллективу удалось выдать не пропагандистский, а вполне научный продукт, не лишенный, конечно, определенных недостатков, но в целом вполне достойный. Авторы взяли за крайне сложную задачу. История органов государственной безопасности нашей страны требует особого профессионализма, поскольку приходится иметь дело с ведомством, посредством которого еще совсем недавно осуществ-

лялся массовый террор, небывалый по историческим меркам, ни одна жертва которого не будет забыта и прощена. В то же время нельзя забывать и о тех чекистах, которые отдали свою жизнь в борьбе с реальными врагами нашей страны как в военное, так и в мирное время. Любое государство не может существовать без спецслужб, деятельность которых по определению допускает использование белых перчаток в самую последнюю очередь, да и то лишь для сокрытия отпечатков пальцев. И историку, обращающему к этому предмету, следует быть особенно аккуратным.

Повторюсь, в целом авторам, прежде всего Э. П. Лайдинену и С. Г. Веригину, это удалось. Правда, члены авторского коллектива настолько прониклись спецификой деятельности исследуемого учреждения, склонного к чрезвычайной тайнственности и конспирации, что и сами решили тщательно замаскировать источники своей информации, категорически отказавшись от такой составляющей научного аппарата, как сноски на использованные источники. Научный уровень книги от этого резко снизился, но зато конспирация была соблюдена. То обстоятельство, что значительная часть информации об истории органов безопасности Карелии представлена во вполне открытых и доступных для исследователей фондах Национального архива РК, в данном случае на авторов впечатления не произвело. Для читателей, далеких от проблематики рецензируемого издания, добавим, что и ведомственные архивы ФСБ РФ, конечно, с учетом специфики ведомства, доступны для историков и хотя бы поэтому заслуживают архивных сносок. Не могу удержаться, чтобы не высказать недоумение относительно непоследовательности авторов: раз уж начали наводить тень на источниковедческий плетень, то следовало бы обзавестись псевдонимами, а тем, кто книгу прочтет, запретить выезд за границу.

Но все же само содержание монографии позволяет сделать вывод о том, что характеристика по крайней мере первых 30 лет истории органов государственной безопасности Карелии основана на достаточно широкой источниковой базе. Судя по всему, она была представлена материалами преимущественно архива УФСБ по РК. Не занимаясь специально историей спецслужб, попробую показать односторонность и недостаточность такого подхода на примере одного периода – времени существования Карельской Трудовой Коммуны (1920–1923 годы). Автором соответствующего раздела монографии, замечу, одного из лучших в книге, является Э. П. Лайдинен. Краткости ради остановимся на двух моментах: образовании Карельской областной и ликвидации Олонецкой губернской чрезвычайных комиссий.

ОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ ЧК

Фактическая работа по формированию самостоятельного государственного аппарата Карель-

ской Трудовой Коммуны, формально созданной 7 июня 1920 года, началась только осенью 1920 года. 21 сентября 1920 года комиссия по разделу олонекских губернских учреждений приняла решение рекомендовать на пост председателя вновь создаваемой Чрезвычайной комиссии заведующего Секретным отделом Олонецкой губернской ЧК В. П. Лузгина. 24 сентября Революционный комитет КТК согласился с этой рекомендацией. 1 октября 1920 года председатель Олонецкой губчека О. К. Кантер направил в ВЧК представление о назначении В. П. Лузгина председателем Карельской ЧК и утверждении новых составов президиумов чрезвычайных комиссий КТК и Олонецкой губерний [1; 86–87]. 13 октября 1920 года президиум ВЧК утвердил внесенные предложения и поручил В. П. Лузгину и О. К. Кантеру в срочном порядке приступить к разделу штатов и инвентаря [12; 48].

Со своей стороны командующий войсками внутренней службы РСФСР 12 ноября 1920 года издал приказ: «В связи с разделением Олонецкой губернии на две самостоятельные губернии: Олонецкую губернию и Область Карельской Трудовой Коммуны, приказываю командующему войсками Петроградского военного округа сформировать батальон для обслуживания губчека Карельской Трудовой Коммуны, для чего выделить из 23 Отдельного стрелкового батальона одну роту и развернуть ее в батальон» [1; 105].

В монографии «Органы безопасности Карелии...» автор соответствующего раздела Э. П. Лайдинен правильно пишет о том, что О. К. Кантер был категорически против образования самостоятельной Карельской ЧК в условиях острой нехватки кадров, мало-мальски способных к чекистской работе. Однако тезис Э. П. Лайдинена о том, что «создание в Карелии параллельной структуры ЧК было явно необдуманным, так как в республике были уже два органа исполнительной власти... между которыми существовали постоянные противоречия» [12; 49] не может не вызывать возражений как по форме, так и по содержанию. С формальной точки зрения следует указать на то, что в 1920 году никакой республики не существовало, как не существовало и органов исполнительной власти в принципе, поскольку последнее не допускалось Конституцией РСФСР 1918 года, отрицавшей принцип разделения властей. Да и термин «Карелия» применительно к этому периоду следует употреблять осторожно.

По существу же проблемы необходимо четко понимать причину упоминаемых Э. П. Лайдиненом постоянных противоречий между органами власти КТК и Олонецкой губернии, да и, добавим, внутри руководства Коммуны. В этом случае станет понятным, что речь шла не о степени продуманности принимавшихся решений, а о разногласиях принципиального характера. Они возникли не только в связи с конкретными последствиями подписания мирного договора между

РСФСР и Финляндией, но и в силу разного масштаба задач, решаемых конфликтующими группами местной элиты и их покровителями в Москве.

«Красные» финны мыслили категориями мировой революции и рассматривали все вопросы, касавшиеся КТК, именно в этом контексте. Их оппоненты предпочитали решать конкретные задачи, которые в избытке поставляла жизнь. В частности, для Э. А. Гюллинга и его соратников создание КТК было важной частью работы по экспорту революции в страны Северной Европы – следовало создать экономически и социально развитую, обладающую широкой политической автономией «альтернативную Финляндию», счастливая жизнь населения которой стимулировала бы скандинавский пролетариат к борьбе против своих эксплуататоров. Лидеры формирующейся «русско-карельской» оппозиции, напротив, рассматривали образование КТК как временный политический маневр, призванный символизировать реализацию права карелов на самоопределение и не предполагающий формирование полноценного государственного аппарата Коммуны, поскольку это нецелесообразно с точки зрения эффективности управления, да и бессмысленно в силу временного характера Коммуны. Аналогичных взглядов придерживались и руководители многих центральных ведомств.

Таким образом, делался выбор не между разными стратегиями повышения эффективности деятельности государственного аппарата, в том числе и спецслужб, а между основными приоритетами политики в регионе: внешнеполитическим и революционным, с одной стороны, и прагматическим, конкретным, «техническим» – с другой.

Изучение источников позволяет скорректировать и предлагаемую Э. П. Ладиненом конкретную картину формирования и деятельности Карельской и Олонецкой ЧК. Так, он утверждает, что ВЧК в декабре 1920 года поручила О. К. Кантеру добиваться объединения двух чрезвычайных комиссий [12; 49]. Однако есть основания предполагать, что руководитель Олонецкой ЧК сам проявил инициативу, поддержанную затем в Москве. Так, 3 декабря 1920 года Административно-организационный отдел ВЧК направил отношение Карельско-Олонецкому объединенному комитету РКП(б), в котором говорилось: «Олонецкая губчека возбудила перед ВЧК вопрос о создании единой ЧК на территории Олонии и Карелии, мотивируя необходимость этого существующим параллелизмом работ... Призная эту необходимость, ВЧК постановила произвести слияние и просит объединенный комитет осуществить его, выдвинув кандидатуру председателя объединенной комиссии, и предоставить на утверждение президиума ВЧК». В этом же отношении сообщалось об отзыве О. К. Кантера в распоряжение ВЧК [3; 75].

Еще одним доказательством этого является отношение Олонецкого губисполкома в ЦК РКП(б) от 13 декабря 1920 года, составленное, по наше-

му мнению, О. К. Кантером. В нем, в частности, говорилось: «В ноябре-месяце председателем Олонецкой губернской чрезвычайной комиссии был внесен очередной месячный доклад в Организационный отдел ВЧК, трактующий о возникающих в работе губчека организационных недостатках, главным мотивом которых... является пребывание в одном и том же городе двух чрезвычайных комиссий...» И отношение ВЧК от 3 декабря стало реакцией на этот доклад [2; 60 об.].

8 сентября Карельско-Олонецкий объединенный комитет РКП(б) 11 голосами против 3 высказался за объединение Карельской и Олонецкой ЧК. Отметив, что представители КТК заявили особое мнение, а сам партийный комитет принял решение не посвящать ВЧК в детали местных разногласий, а также сообщив, что О. К. Кантер направил в ВЧК доклад о принятом решении, в котором рекомендовал руководству ВЧК повлиять на Революционный комитет КТК, Э. П. Лайдинен сообщает, что само объединение произошло только через полтора года [12; 49]. Вопрос о том, почему при совпадении взглядов ВЧК и Карельско-Олонецкого объединенного комитета партии объединить комиссии не удалось, остается без ответа. Попробуем ответить на него здесь.

Но для начала добавим, что на заседании 8 декабря было также решено коллегию объединенной чрезвычайной комиссии составить на паритетных началах из представителей Революционного комитета КТК и Олонецкого губисполкома, которые должны отчитываться перед назначившими их органами. Председателя ЧК предполагалось назначать по взаимному соглашению ревкома, губисполкома и Карельско-Олонецкого губернского комитета РКП(б). В связи с выявившимися при обсуждении разногласиями Карельско-Олонецкий комитет партии постановил, что принятое решение «считается его мнением, не связывающим Ревком и Исполком в выявлении их точки зрения на этот вопрос перед центральными органами – ВЧК и другими» [2; 60 об.].

10 декабря 1920 года Олонецкий губернский исполнительный комитет заслушал доклад О. К. Кантера и постановил: «Признать предложение ВЧК о слиянии Олонгубчека и Карчека в единый... орган желательным и целесообразным, мотивируя свое постановление ненормальностью параллельной работы в одном губернском городе двух губернских чрезвычайных комиссий, крайним отсутствием необходимого кадра надежных коммунистов-чекистов, отсутствием канцелярского инвентаря, помещений и мебели, поручить... тов. Кантеру написать обстоятельный по сему вопросу доклад для возбуждения перед ЦК партии ходатайства о скорейшем осуществлении намеченной ВЧК реорганизации двух находящихся в городе Петрозаводске ЧК в одну – объединенную» [1; 123–123 об.]. Иначе говоря, ко мнению ВЧК и Карельско-Олонецкого комитета РКП(б) присоединился и Олонецкий губисполком. Однако этого оказалось недостаточно.

В тот же день Революционный комитет КТК постановил: «Войти в ВЧК с докладом, в каком на основании того, что: 1) работы ЧК в Карелии, которая является пограничной областью, значительно другого характера, чем в Олонецкой губ.; 2) подчинение ЧК одновременно двум местным органам – Карельскому и Олонецкому исполкомам – не является полезным; 3) по существующим декретам высших органов центральной власти, Карелия должна иметь свои собственные органы самоуправления, указать на нецелесообразность постановления ВЧК об объединении Карельской и Олонецкой ЧК и настаивать на отмене его» [3; 88–88 об.].

12 декабря 1920 года Революционный комитет КТК обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об отмене распоряжения президиума ВЧК об объединении Карельской и Олонецкой чрезвычайных комиссий. Мотивировалось оно следующим образом: «Карельская Трудовая Коммуна образовалась из уездов, недавно освобожденных от миллеровских банд, каковым является в первую очередь Кемский уезд, в коем и до настоящего времени, в особенности в некоторых волостях, имеются учреждения, организованные миллеровским правительством и так или иначе не принадлежащие советской власти, где даже в настоящее время происходит наступление банд белых под руководством финских офицеров... и, кроме того, в другой волости (Ухтинская волость) еще не ликвидировано влияние и агитация бывшего ухтинского правительства, нашедшего приют почти на самой границе Финляндии и рассылающего своих агентов по всей территории Карелии. Повенецкого уезда – где некоторые волости еще не окончательно освобождены от белофиннов и белых карел, бежавших в Финляндию после ликвидации Северного фронта и в настоящее время в соединении с последним желающих силой оружия навязать свое правление оставшемуся верным советскому правительству населению; Петрозаводского и Олонецкого уездов, подвергшихся в начале 19 г. нашествию белофиннов, часть населения коих совместно с разбежавшимися после этого сторонниками белофиннов до сего времени тяготеют в сторону Олонецкого временного правительства, находящегося в Финляндии.

Кроме того, Карельская Трудовая Коммуна как являющаяся пограничной с Финляндией должна главным образом обратить самое серьезное внимание на границу, так как с открытием последней возобновятся шпионаж и агитация белофиннов, так или иначе заинтересованных в установлении в Карелии своего образа правления. Все указанные обстоятельства рисуют картину характера работ Карельской чрезвычайной комиссии, совершенно отличную от работ чрезвычайных комиссий внутренних губерний, каковой в данном случае является Олонецкая ЧК» [8; 138–39].

В отношении проводились и другие аргументы: огромная и лишенная путей сообщения

территория, на которой пришлось бы действовать объединенной ЧК; данные высшими центральными органами Коммуне привилегии «в смысле устройства своих органов управления»; ненормальность подчинения объединенной комиссии одновременно Революционному комитету КТК и Олонецкому губисполкому, причем последний должен был в скором времени выехать из Петрозаводска.

Олонецкий губернский исполнительный комитет, в свою очередь, 13 декабря 1920 года обратился за помощью в ЦК РКП(б). Судя по его постановлению от 10 декабря, текст обращения был подготовлен О. К. Кантером. После краткого изложения истории вопроса отношение содержало просьбу «возможно скорее решить вопрос о слиянии ЧК в политическом смысле, т. к. ... существование на территории одного города сразу двух ЧК следует считать почти невозможным ввиду параллелизма работ этих органов, неизбежных между ними весьма нежелательных как для партии, так и для исполкома трений, крайне скудного состава как той, так и другой ЧК... отсутствия в городе помещений, канцелярского инвентаря и пр. Кроме того, следует отметить, что громоздкому штату губчека приходится ограничиваться лишь инструктированием 4-х глухих, провинциальных политбюро, т. к. губернский город Петрозаводск... перешел к Карельской Трудовой Коммуне, и губисполком со всеми его отделами пребывает в городе в качестве гостей. Между тем слияние этих органов возможно и желательно и по тем соображениям, что ЧК Карельской Трудовой Коммуны, по всей вероятности, не будет инструктироваться ВЧК особо, как подорган национального выделения... ибо по смыслу декрета Каркоммуна существует на правах губернии РСФСР» [2; 60–60 об.].

Мы не знаем деталей рассмотрения этого вопроса в центре, но ясно одно: перевесили аргументы Революционного комитета КТК. Уже 19 января 1921 года президиум Карельско-Олонецкого объединенного комитета РКП(б) заслушал телеграмму ВЧК о сохранении самостоятельных Карельской и Олонецкой ЧК и поручил фракциям Революционного комитета КТК и Олонецкого губисполкома подготовить предложения о персональном составе их коллегий [10; 7 об.].

СЛИЯНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ЧК В 1922 ГОДУ

Вопрос об объединении Карельской и Олонецкой чрезвычайных комиссий вновь возник весной 1922 года после подавления карельского восстания. Э. П. Лайдинен считает, что инициатором обсуждения этого вопроса стало полномочное представительство ГПУ в Петроградском военном округе, внесшее 13 апреля 1922 года соответствующее представление на рассмотрение Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) [12; 42]. Но еще 28 марта этот вопрос обсуждал-

ся на заседании фракции РКП(б) Олонекского губернского исполнительного комитета, поставившей: «а) Считать целесообразным на время нахождения губернского центра в Петрозаводске слияние госполитотделов губисполкома и Карисполкома в единый аппарат, состоящий при Карисполкоме, поскольку центр тяжести работ будет направлен на Карельскую Трудовую Коммуну. б) Начальник будущего единого органа – госполитотдела в части деятельности по Олонекской губернии отчитывается перед губкомом и губисполкомом, вообще согласовывая свою работу с последним. в) Слияние обоих отделов в отношении личного состава и имущества провести с таким расчетом, дабы к моменту надобности отделы в наикратчайший срок могли перейти на прежнее состояние, т. е. к обособлению...» [4; 66 об.].

31 марта 1922 года Полномочное представительство ГПУ в Петроградском военном округе телеграфом запросило Олонекский губернский и Карельский областные комитеты партии, а также исполняющего обязанности начальника Карельского областного отдела ГПУ об их отношении к слиянию областного и губернского отделов ГПУ [5; 44–44 об.].

13 апреля 1922 года руководители партийных и государственных органов КТК и Олонекской губернии ответили на запрос: «Каробластом РКП(б), Олонгубком, Карисполком, Олонгубисполком не возражают против временного слияния Олонотдела ГПУ с Каротделом [при] условии создания одного Каротдела при Карисполкоме, обслуживающего также Олонгубернию. В отношении работы [в] Олонгубернии Каротдел должен отчитываться перед Олонгубкомом» [5; 49].

Только после этого и последовало упоминаемое Э. П. Лайдиным обращение Полномочного представительства ГПУ в Петроградском военном округе в Северо-Западное бюро ЦК РКП(б). Он же сообщает, что в ответ было получено согласие. Однако это произошло не сразу. Бюро рассмотрело вопрос 22 апреля и постановило: «Поручить тов. Позерну через областн. Экосо дать задание Плановой комиссии представить данные на предмет окончательного разрешения вопроса об Олонекской губ. Вопрос же о слиянии госполитуправлений оставить открытым до ближайшего заседания Севбюро» [6; 8].

Полная неясность с вопросом о судьбе Олонекской губернии действительно затормозила решение пролемы реорганизации местных органов ГПУ. Вновь о ней заговорил прибывший в Карелию В. Р. Домбровский, назначенный начальником Карельского областного отдела ГПУ и исполняющим обязанности начальника Олонекского губернского отдела ГПУ. Ознакомившись с реальным положением дел, он 26 мая 1922 года обратился в Олонекский губернский комитет РКП(б) с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего существования Олонекского губотдела ГПУ, довольно живописно обрисовав его состояние:

«1) В настоящее время Олонгуботдел является мифическим учреждением, совершенно ничего не делающим, содержание которого обходится все же довольно дорого и требует значительных материальных средств. Поэтому оставлять далее подобный неработоспособный орган – преступно.

2) Последние аресты наиболее ответственных работников Олонгуботдела вскрыли картину полнейшего разложения, пьяного разгула, буйства и бандитизма (уголовного). Подобное разложение ответственных коммунистов является главным образом последствием полнейшего безделья, и следовательно, существование Олонгуботдела преступно вдвойне, ибо оно разлагает и портит, может быть, очень хороших товарищей» [9; 144].

Повторив далее уже известные аргументы о параллелизме, нехватке кадров и средств, В. Р. Домбровский резюмировал: «Таким образом, сама жизненная необходимость и здравый смысл заставляют слить Олонгуботдел с Кароблотделом немедленно, возложить обслуживание всех уездов Олонекской губернии на Кароблотдел и предоставить право Олонгубисполкому давать Кароблотделу оперативные задания, контролируя исполнение таковых. ...Олонгуберния в ее настоящих пределах великолепно может обслуживаться Кароблотделом, и следовательно, выделять самостоятельный губотдел ГПУ не представляется необходимым. Во всяком случае, это вопрос будущего, и притом отдаленного, – а дальнейшее существование Олонгуботдела немыслимо ни одного дня» [9; 144 об.]. Но и после этого решение вопроса не сдвинулось с места. В Олонекском губкоме партии и без Домбровского знали о плачевном состоянии дел в Олонгуботделе ГПУ. Буквально накануне – 25 мая – на совместном заседании губкома, Контрольной комиссии и фракции РКП(б) губисполкома рассматривался вопрос о слабости аппарата губернского отдела ГПУ и необходимости его укрепления [7; 21]. А еще за полгода до этого – 9 октября 1921 года секретарь Олонекского губернского комитета РКП(б) А. И. Кривонос проинформировал Оргбюро и Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) о том, что «при обследовании Олонгубчека установлен ряд крупных недочетов организационного характера, бессилие аппарата справиться с поставленными задачами и огромная нехватка работников-коммунистов. Т. Панкратов [уполномоченный ВЧК в Петроградском военном округе] просит принять меры к снабжению губчека нужным количеством работников. Губкомом отлично осознается эта необходимость и тем не менее сделать что-либо губком почти бессилён: нет работников» [10; 114].

Даже когда Полномочное представительство ГПУ в Петроградском военном округе 12 июля 1922 года направило в Петрозаводск телеграмму о необходимости слияния областного и губернского отделов [12; 42], возникла заминка. 13 июля Олонекский губисполком и губком РКП(б) на сов-

местном заседании постановили: «Вопрос о слиянии отделов ГПУ оставить открытым до разрешения в центре вопроса об окончательном положении Олон. губернии» [7; 55]. Но уже 19 июля Олонецкий губком РКП(б) принял новое постановление: «...ввиду предстоящего раскассирования губернии согласиться на слияние губернского отдела ГПУ с Карельским...» [7; 57].

20 июля 1922 года последовал приказ начальника Карельского областного отдела ГПУ и исполняющего обязанности начальника Олонецкого губернского отдела ГПУ В. Р. Домбровского о начале практических мероприятий по слиянию. 25 июля он же приказал «с сего числа Олонгуботдел ГПУ считать ликвидированным, все дела, инвентарь, печать считать переданными в Кароблотдел ГПУ» [12; 42].

Можно назвать несколько причин, по которым в 1922 году вопрос о слиянии олонекских и карельских органов государственной безопасности был решен фактически бесконфликтно. Во-первых, карельское восстание доказало настоя-

тельную необходимость единства действий спецслужб в регионе. Во-вторых, Карельский областной исполнительный комитет оказывался в роли победителя, поскольку сохранялся только Карельский областной комитет ГПУ. В-третьих, как видно из оценок В. Р. Домбровского, Олонецкий губернский отдел ГПУ к этому времени фактически разложился. В-четвертых, предположение вопроса об упразднении Олонецкой губернии не оставляло другого выхода.

Таким образом, отказ от узко ведомственного источниковедческого подхода и обращение к фондам партийных и государственных органов Карелии позволяет существенно обогатить и углубить картину исследуемого вопроса.

В целом же сам по себе тот факт, что выход монографии «Органы безопасности Карелии...» дает толчок новым исследованиям истории спецслужб Карелии, убедительно подтверждает вывод о том, что первая попытка действовать в этом направлении вполне удалась, с чем научного редактора и авторов можно только поздравить.

ИСТОЧНИКИ

1. НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 31/257.
2. НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 34/280.
3. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 152.
4. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 331.
5. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 305.
6. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 288.
7. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 291.
8. НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 3/37.
9. НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 5/70.
10. НА РК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Белоусов К. Ф. Рец. на кн.: Органы безопасности Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 5. С. 93.
12. Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 432 с.

АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОЛУБЕВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета ПетрГУ
goloubev@karelia.ru

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВУЗЕ: УЧИТЬ ИЛИ ВОСПИТЫВАТЬ?

В современном предельно глобализованном мире знание иностранных языков является одним из наиболее востребованных навыков, в которых нуждаются специалисты, выходящие на рынок труда. Не секрет, что выпускники российских вузов в этом отношении проигрывают выпускникам западных вузов. Причем наиболее неудовлетворительная ситуация складывается на тех специальностях, где иностранный язык является непрофильным предметом и как следствие часто преподается по остаточному принципу. Именно эта проблема является одной из наиболее актуальных для российского высшего образования, поскольку без знания иностранных языков молодые специалисты, выпускники российских вузов, испытывают значительные сложности на современном рынке труда.

Поскольку я, помимо ряда других предметов, преподаю английский язык на непрофильном (историческом) факультете ПетрГУ, в содержании восьмого номера (август 2009 года) «Ученых записок ПетрГУ», серия «Общественные и гуманитарные науки», мое внимание привлекло название статьи О. В. Володиной – «Методика обучения иностранному языку на основе оригинальных произведений художественной литературы». Однако сама статья, начиная с самого первого абзаца, вызвала крайнее недоумение. Автор

утверждает, что «в современной методике преподавания цель изучения иностранного языка понимается не как обучение, а как развитие личности; следовательно, содержанием являются не прагматические знания, навыки и умения, а культура, образующая личность» (с. 31). В дальнейшем автор развивает эту мысль, рассуждая о необходимости «создания методики обучения ИЯ средствами иноязычной литературы как предмета, формирующего гармоничного человека и педагога-предметника, развивающего его духовный и эмоциональный мир» (с. 32). Именно эмоциональное и духовное развитие становится «ноу-хау» автора статьи в преподавании иностранного языка. На занятиях иностранного языка рекомендуется заниматься, в первую очередь, анализом художественного мира произведения, его образной структуры, изучать взаимоотношения персонажей и объяснять мотивацию их поступков с тем, чтобы в конце работы над произведением студент выступил как творческая личность (закономерный итог личностного развития). Это должно выражаться в «создании студентом оригинального художественного текста... в процессе которого он меняет позицию потребителя культуры на позицию создателя культурных ценностей» (с. 35).

Данная аргументация О. В. Володиной (в частности, отсылка к некой «современной мето-

дике преподавания» иностранных языков) подразумевает, очевидно, что ведущие центры преподавания иностранных языков и в России, и на Западе учат своих студентов по устаревшим методикам, так как в пособиях издательств «Иностранный язык», «Longman», «Macmillan» и других цель изучения иностранного языка понимается именно как обучение, выработка прагматических коммуникационных навыков, но никак не развитие эмоционального мира студента. Впрочем, если отставить иронию в сторону, то нельзя не отметить, что основные положения статьи являются по меньшей мере спорными и вызывают целый ряд вопросов. Наиболее серьезный из них: если на занятиях иностранного языка учить студентов сопереживанию и заниматься их гармоничным эмоциональным развитием, то тогда на каких занятиях они будут учить собственно иностранный язык?

Не секрет, что студенты, поступающие на языковые (в особенности технические) специальности, обладают, как правило, посредственными знаниями иностранного языка. В то же время чтение художественной литературы в оригинале, пусть даже небольших по объему и композиции произведений, требует гораздо лучшей подготовки, чем та, которая дается в средней школе. Это создает явное несоответствие между «усредненными» навыками студентов и явно завышенными целями, которые ставит в своей методике О. В. Володина: «...использовать произведения, представляющие важнейшие течения в литературе, ее основные жанры и разновидности» (с. 32). Чтобы студент действительно понял произведение на иностранном языке в оригинале (а автор использует в своей методике отрывки из таких романов, как «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера и «Коллекционер» Дж. Фаулза), требуется значительная предварительная подготовка, подразумевающая изучение лексики и грамматики – но этот этап совершенно опущен в предлагаемой методике, а без него чтение художественной литературы превратится, скорее всего, в нудную работу со словарем. В любом случае, работа с художественным текстом учит студентов только одному языковому навыку – чтению – в ущерб трем другим (аудированию, говорению и письму). Делая акцент именно на развитии навыков чтения, автор ссылается на вузовские учебные программы (с. 31). Однако в современных государственных стандартах языковых специальностей, опубликованных на портале Федерального агентства по образованию (<http://edu.ru>), сформулированы совершенно иные требования. Например, государственный стандарт по специальности «030100» (Информатика) 2005 года (http://www.edu.ru/db/portal/spe/os_zip/030100_2005.html. Доступ осуществлен 29.11.09) предъявляет примерно равные требования к навыкам говорения («владение диалогической и монологической речью в основных ситуациях неофициального и официального общения» и «основы публичной речи»), аудирова-

ния («понимание диалогической и монологической речи в сфере бытовой и профессиональной коммуникации»), письма («виды речевых произведений: аннотация, реферат, тезисы, сообщения, частное письмо, деловое письмо, биография») и чтения («несложные прагматические тексты и тексты по широкому и узкому профилю специальности»). Данный стандарт выбран в качестве примера, поскольку студенты именно физико-математического факультета Карельской государственной педагогической академии входили в опытную группу в анализируемом исследовании. Возникает закономерный вопрос: насколько вообще преподавание по данной методике соответствует государственному стандарту, ведь даже навыку чтения студенты обучаются не по профилю специальности, как того требует стандарт, а по художественным текстам, а навыки аудирования, письма и говорения остаются на периферии. Этот же вопрос можно переформулировать и с точки зрения потенциального работодателя: отдаст ли он предпочтение специалисту, который владеет навыками профессиональной коммуникации на иностранном языке, или специалисту, умеющему читать иноязычные художественные тексты и вживаться в их образный мир?

Еще один вопрос вызывает и этическая сторона предлагаемой методики. Студенты приходят в учреждения высшего образования в возрасте 17 лет и старше, когда личность в основном уже сформирована. В то же время преподаванием иностранных языков на языковых специальностях часто занимаются недавние выпускники вузов, и разница в возрасте и жизненном опыте явно является недостаточной, чтобы преподаватель иностранного языка выступал в роли ментора. Но даже если преподаватель является человеком более старшего возраста, насколько корректно с его стороны в рамках профессионального образования, которое дает ту или иную специальность, навязывать студентам некие жизненные принципы, ценности, ориентиры и т. п.? Не является ли это отступлением от профессиональной этики? У меня нет ответа на этот вопрос, но, на мой взгляд, примат воспитательного компонента над собственно образовательным, как это происходит в методике О. В. Володиной, возможно, допустим в школе (и то не в старших классах), но никак не в вузе.

Я не хочу поставить под сомнение тот факт, что использование иностранной литературы в оригинале на занятиях иностранного языка со студентами языковых специальностей может быть плодотворным. В определенных ситуациях предложенная методика также может быть востребована для преподавания иностранных языков. Однако тот принцип, который был предложен автором в своей статье, – использование методики как основной в вузовском курсе иностранного языка, представляется по целому ряду причин неудачным для преподавания иностранных языков в высшей школе.

ХРОНИКА

■ 24 ноября 2009 года в зале Благородного собрания Карельского государственного краеведческого музея состоялись научные чтения «КУЛЬТУРА КАРЕЛИИ: ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК», посвященные 75-летию доктора филологических наук, профессора кафедры литературы Карельской государственной педагогической академии *Софьи Михайловны Лойтер*.

Юбилейные чтения открыла декан историко-филологического факультета Карельской государственной педагогической академии (КГПА) Е. А. Калашникова. С приветственным словом обратился ректор КГПА С. П. Гриппа, назвав юбиляра «образцом служения высокой науке». В чтениях приняли участие известные в республике и стране ученые, исследователи фольклора, работники культуры, поэты. Чтения прошли на высоком научном уровне. В зале Благородного собрания можно было ознакомиться с трудами С. М. Лойтер на выставке, организованной Национальной библиотекой Карелии (заведующий отделом краеведения – Н. П. Новикова).

Предлагаем вниманию читателей тезисы докладов.

С. М. ЛОЙТЕР – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ

Список опубликованных работ С. М. Лойтер, включая научное редактирование и популярные публикации в карельской периодике, насчитывает сегодня более 320 названий. Особое внимание в своем научном творчестве Софья Михайловна уделяет фольклору и шире – культуре Карелии и Олонецкого края. Она ездила в фольклорные экспедиции в Пудожский и Прионежский районы Карелии, знакомила студентов с народной культурой в ее живом проявлении. Собранные в ходе экспедиций богатые материалы легли в основу многочисленных публикаций самой С. М. Лойтер, ее учеников и коллег. Особенно большое значение среди работ, основанных на полевых записях, имеет сборник «Русский детский фольклор Карелии» (Петрозаводск, 1991), в котором опубликовано более тысячи текстов, записанных в различных районах Карелии начиная со второй половины XIX века. В коллективной статье ряда авторов, опубликованной недавно в сборнике материалов Первого Всероссийского конгресса фольклористов в Москве, об этой книге сказано, что она «до сих пор остается самым крупным собранием текстов локальной фольклорной традиции». Позднее С. М. Лойтер обратилась к современному, преимущественно городскому жан-

рам. Так появились работы о школьном фольклоре, был составлен указатель типов и сюжетов мотивов детских «страшных» историй. В то же время интерес к «старинным» традиционным жанрам фольклора все-таки преобладает в научном творчестве С. М. Лойтер. Среди ее работ особое место занимает монография «Русский детский фольклор и детская мифология» (Петрозаводск, 2001). Предметом рассмотрения здесь являются специфика и границы детского фольклора, соотношение детского фольклора и мифологии, игры и обряда, художественная природа языка детского фольклора, литературные переработки фольклорных текстов и многое другое. Книга также написана преимущественно на материале фольклора Карелии. С. М. Лойтер предстает в этой работе и как теоретик фольклора, и как тонкий исследователь конкретных жанров и текстов, и как публикатор и комментатор архивных фольклорных материалов. Велика заслуга Софьи Михайловны в открытии особого феномена детской субкультуры – игры в странномечту, которой посвящена отдельная глава монографии. Крупнейший российский фольклорист XX века К. В. Чистов в своей книге «Русская народная утопия» назвал эту научную идею С. М. Лойтер «подлинным научным открытием». Интересны выводы С. М. Лойтер об обрядово-мифологическом генезисе таких жанров детского фольклора, как прибаутка, пестушка и заклочка. Фольклорный текст всегда изучается ею с привлечением всех доступных его вариантов, как того требует современная фольклористика. Большую ценность монографии придает публикация текстов детского фольклора из коллекции Е. В. Ржановской – учительницы из Заонежья (1927–1934 годы). Ржановская – не единственное имя, воскрешенное С. М. Лойтер из забвения. Учителя-фольклористы Олонецкого края (Дуров, Дозе, Петров и другие), их биографии, собранные ими тексты – предмет неустанных разысканий С. М. Лойтер.

Некоторые работы С. М. Лойтер адресованы студентам, учителям и даже самым маленьким читателям – детям. В 1993 году она опубликовала сборник пословиц, загадок и игр Карелии, предназначенный для детей дошкольного и младшего школьного возраста, – «Где цветок, там и медок». Совсем недавно, в 2009 году, увидела свет

подготовленная С. М. Лойтер хрестоматия по русскому фольклору Карелии «На поле-поляне, на море-океане».

Софья Михайловна живо интересуется творчеством писателей, преимущественно детских писателей, Карелии. Совместно с М. В. Тарасовым она недавно составила антологию русской детской литературы Карелии «Я вам утро подарю» (Петрозаводск, 2009). В это издание вошли произведения детского фольклора, лучшие стихи и рассказы для детей 44 карельских писателей.

В работах С. М. Лойтер есть еще одна важная особенность: эти работы написаны женщиной, матерью. Глубоко личным, интимным является интерес к творчеству народной плакальщицы из Заонежья Ирины Федосовой. Многолетняя работа по систематизации, публикации и комментированию научного наследия покойного сына, известного лингвиста Я. И. Гина, является настоящим материнским подвигом.

А. В. Пигин,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

ФОЛЬКЛОРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КАРЕЛИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

О том, что фольклор, записанный на территории Карелии (бывшей Олонецкой губернии), в значительной степени стал основой отечественной фольклористики, есть множество свидетельств: прежде всего это составляющие золотой фонд науки издания текстов, исследования, посвященные деятельности выдающихся ученых и собирателей (П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, Е. В. Барсова, братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых); двухтомная «История русской фольклористики» М. К. Азадовского. В неизвестности долгое время оставались те, кто предшествовал их деятельности, кто первым обратил внимание на богатейшую устно-поэтическую традицию Олонецкой губернии, кто инициировал деятельность ученых-фольклористов. А именно они стояли у истоков фольклористики Карелии – краеведы-фольклористы, или, как их называют, фигуры второго ряда. Их деятельность, их судьбы неоднократно оказывались предметом моих публичных выступлений и публикаций. Уже более 20 лет я воссоздаю биографии этих забытых краеведов, внесших бесценный вклад в русскую фольклористику своей собирательской, публикаторской, популяризаторской деятельностью. Она охватывает более столетия нашей истории: от деятельности С. А. Раевского, первого редактора неофициальной части учрежденной в конце 1830-х годов газеты «Олонецкие губернские ведомости», а затем и деятельности директора

Олонецкой губернской гимназии Ф. Н. Фортунатова, благодаря которому началась и укоренилась традиция участия гимназических учителей в собирании, изучении и публикации фольклора, – по 1930-е годы.

Изучение материала поначалу и, соответственно, публикации не были подчинены хронологическому принципу. Они определялись той личностью, деятельность которой меня интересовала в конкретное время. Теперь, когда появилось много таких личностей, это уже не отдельные фигуры, а процесс, который явил особую генерацию деятелей культуры и науки. И понятие «фольклорное краеведение», аккумулируя этот новый смысл, означает выделение фольклорного краеведения в отдельную, самостоятельную область краеведения, предполагая фольклористику в системе краеведения вообще и фольклористику Карелии, для которой фольклорное краеведение оказалось важной составляющей. Очевидно, что фольклорное краеведение Карелии в первой половине XIX века предварило профессиональную академическую фольклористику, а затем, существуя параллельно с ней и нередко не уступая по глубине и содержанию, дополняло и обогащало ее. Хронологически эта когорта деятелей фольклорного краеведения начинается с учителя словесности Олонецкой мужской губернской гимназии Ф. И. Дозе, дело которого продолжил его ученик К. М. Петров, ставший выдающимся краеведом. Следующая фигура – учитель Петрозаводской гимназии П. Т. Виноградов, сыгравший огромную роль в судьбе двух выдающихся сказителей, – И. А. Федосовой и И. Т. Рябинина. Эту плеяду завершает фигура Н. С. Шайжина, которому принадлежит «открытие» второй после Федосовой воплощенницы Заонежья А. С. Богдановой.

Особая страница в жизни фольклорного краеведения России и Карелии – конец 1920-х – 1930-е годы, когда прекратившее свое существование после революции «Общество изучения Олонецкой губернии» было заменено в 1923 году «Обществом изучения Карелии» и Карельским бюро с ячейками и инструкторами, а затем и вовсе ликвидировано. За этим последовала волна репрессий и арестов. Фольклорное краеведение в Петрозаводске, по существу, перестало существовать. Но оно не заглохло, а переместилось в деревню. Этот период выдвинул две неординарные фигуры: заонежскую учительницу Е. В. Ржановскую и уроженца старинного поморского села Сумской Посад, собирателя северно-русского фольклора И. М. Дурова, ставшего жертвой сталинских репрессий. Эти две уникальные личности, сельские интеллигенты, истинные подвижники культуры и завершают мои разыскания. Фигур такого масштаба фольклорное краеведение Карелии XX века больше не знает. Упомянутые факты из жизни фольклорного краеведения Карелии уже вошли в научный оборот, а шесть названных имен (Дозе, Петров,

Виноградов, Шайжин, Ржановская, Дуров) будут представлены отдельными статьями в готовящемся в Центре русского фольклора двухтомном Биобиблиографическом словаре «Российские фольклористы».

С. М. Лойтер,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
литературы историко-филологического факультета
КГПА*

ОБ ОДНОЙ ИЗ ИДЕЙ С. М. ЛОЙТЕР: ИГРА В СТРАНУ-МЕЧТУ И ФЭНТЕЗИ

В своих относительно недавних работах Софья Михайловна открыла и исследовала «новое явление современной детской мифологии» (Лойтер С. М. Русская детская литература XX века и детский фольклор: проблемы взаимодействия: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Петрозаводск, 2002. С. 33), которое уже получило широкую известность, – игру в страну-мечту. «Речь идет, – подчеркивает С. М. Лойтер, – об играх, основанных на деятельности воображения», «деятельности фантазии», на «мечтательном воображении» (Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология. Петрозаводск, 2001. С. 137). Бросается в глаза несомненная близость подобного рода мечтательства художественным мирам литературных фантастических жанров. Однако, сравнивая игру в страну-мечту и произведения, созданные в жанре фэнтези, мы встречаемся не просто с близостью, обусловленной наличием в сравниваемых сферах игры и фантастики, а с довольно полным совпадением многих структурообразующих аспектов данных сфер. Это – книжность, сходные принципы локализации чудесного мира, его игровая модель и т. д. Совпадают даже частности. Непременный атрибут игры в страну-мечту – создание играющими карты утопической страны, документов, описывающих ее историю, государственную систему, социальное устройство. Такого рода «документы» непременно встречаются почти во всех романах-фэнтези.

Единственный момент в концепции С. М. Лойтер, который, как нам кажется, можно оспорить, связан со стремлением исследовательницы рассматривать игру в утопическую страну как игру-миф. Правда, и тут мы вновь наблюдаем сходство и даже родство с поэтикой фэнтези, которое многие фантастоведы считают мифологической. С одной стороны, и С. М. Лойтер, и фантастоведы правы – и игра в страну, и фэнтези охотно используют древний мифологический материал, сохраняют некоторые особенности мифологического восприятия мира. С другой же – имеется фундаментальное отличие мифа от игры (любимой!). Живой миф представляется человеку, живущему в этом мифе, реальностью, даже сверх-

реальностью, он в этом смысле бесконечен. Игра же всегда подразумевает некие рамки, границы, правила, за которыми она заканчивается. Из живого мифа выйти нельзя, из игры не только можно, но и нужно. Таким образом, открытие игры в страну-мечту не только дает важный материал для изучения современного детского фольклора и психологии ребенка, но и позволяет обнаружить новые аспекты генезиса, семантики и поэтики фантастических литературных жанров.

Е. М. Неёлов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
русской литературы филологического факультета
ПетрГУ*

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ПОМОРЬЯ В «СЛОВАРЕ ЖИВОГО ПОМОРСКОГО ЯЗЫКА В ЕГО БЫ- ТОВОМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕ- НИИ» И. М. ДУРОВА

В научном архиве Карельского научного центра РАН хранится уникальная рукопись «Словаря живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении», которую ее составитель краевед из Сумского Посада И. М. Дуров передал в Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ) КарНЦ РАН (тогдашний Карельский научно-исследовательский институт) в 1934 году. В настоящее время рукопись готовится к печати. Восемь рукописных томов включая более 12 тыс. словарных статей, в которых представлена лексика, собранная автором словаря в начале XX века в селах Поморского берега Белого моря. Лексика собиралась по специальной академической программе. По характеру материала, принципам его подачи словарь Дурова входит в один ряд с широко известными «Словарем областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. Куликовского и «Словарем областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. О. Подвысоцкого и должен был, по мысли автора, заполнить ту нишу, которая образовалась в лексикографическом описании северно-русских говоров после выхода их в свет. Словарь А. О. Подвысоцкого явно служил определенным образцом, что прослеживается в построении словарных статей, в толковании значения. Обращение к опыту Подвысоцкого понятно и логично: в словаре И. М. Дурова представлены говоры Поморского берега Белого моря, которые территориально примыкают с запада к ареалу архангельских говоров. Вместе с тем у поморского словаря свое лицо. Его автор – коренной житель Поморья, знаток говоров и культуры Поморья. Со страниц словаря предстают язык и жизнь поморов рубежа XIX – XX столетий, когда в Поморье еще сохранялись

местные говоры и традиции поморской культуры, а с другой стороны, уже просматривались черты нового социалистического быта, установившегося в 1920-е годы.

Особенность словаря – это исключительное внимание к реалиям культуры и быта Поморья, что делает его ценным этнографическим источником. Если в традиционных диалектных словарях (например, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей») крещенская горка представлена расплывчато как ‘большое зимнее гулянье’, то у Дурова приводится замечательное детальное описание ее устройства и использования вплоть до градуса уклона, длины ската и даже стоимости билета. С такой же детальностью описаны детские игры (ст. Гусями играть), рыболовные принадлежности, особенности традиционной одежды (ст. Дельница). Приводятся сведения по народной медицине, приметы (ст. Ворон, Дождь), поверья (ст. Голик, Голова). В качестве иллюстраций использованы загадки (Долгий Макар по суметам скакал – кочерга), пословицы и поговорки (Мало де’ло ложка, была бы воложка), идиоматические выражения (Гурья спробовать ‘ничего не выловить’, двувесельная лодка ‘лыстец’). Из образцов фольклорных текстов привлекают внимание фрагменты обрядовых песен и причитаний, тексты заговоров, большое количество частушек.

Для понимания того, как складывалась историко-культурная зона Поморья, существенен анализ диалектной лексики с позиций ее истоков. Она содержит убедительные примеры новгородской традиции (грамота ‘письмо, записка’, лада ‘сердечный друг’, мытница ‘прачка’). В то же время заметный пласт материала – это слова с прибалтийско-финскими корнями, свидетельствующими не просто об активных контактах с карельским и, возможно, вепским населением, но и об обрусении (через этап двуязычия) прибалтийско-финских насельников края. На это указывает большое количество экспрессивных глаголов (варайдать, венгать, войдать, гомайдать, горайдать, гумайдать, гурайдать и т. д.), а также наличие языковых калек (например, обращение к детям дай носа значит ‘поздоровайся’ и восходит к карел. antoa n’okkoa, букв. ‘дать носа’, то есть потереться кончиками носов с ребенком в знак приветствия).

Будучи изданным, словарь И. М. Дурова не просто пополнит ряд диалектных словарей, но и будет востребованным и авторитетным источником по истории и культуре Поморья.

И. И. Муллонен,

доктор филологических наук, старший научный сотрудник, директор ИЯЛИ КарНЦ РАН

В. П. Кузнецова,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

КОЛЛЕКЦИЯ РУКОПИСНЫХ КНИГ КАРЕЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Коллекция рукописных книг Карельского государственного краеведческого музея включает сегодня 65 единиц хранения (XVI–XX веков). В ее состав входят богослужебные (в том числе певческие) и литературные сборники, Зерцало духовное, Устав о христианском житии, Псалтирь простая и следованная, Требник, Триодь цветная, Златоуст годовой, Евангелие учительное, старообрядческие сочинения, синодики-помянники. Наиболее ранние рукописи: Псалтирь с восследованием в списке 1-й половины XVI века, вероятно всего, северного происхождения, поскольку в следованную часть входят тропарь и канон Александру Свирскому, и Триодь цветная в списке 2-й половины XVI века с продажной и вкладной записями 1589 года. Литературные сборники включают жития святых, древнерусские повести, апокрифы, выписки из Пролога, патериков и разнообразный другой материал. В музее имеются списки житий Варлаама Керетского, Трифона Печенгского, Петра и Февронии Муромских, Послания Василия Новгородского о рае, повестей о царе Аггее, о видении Антония Галичанина, о Тимофее Владимирском, о царице Динаре, о видении некоему мужу духовну Терентия и некоторые другие произведения древнерусской литературы. Интересна также писцовая запись 1720 года в одном из сборников, представляющая собой отрывок из былины о вражеском нашествии, типа «Илья Муромец и Калин-царь» и «Васька-пьяница и Кудреванко-царь». Ценность этого небольшого текста в том, что он является пока единственным свидетельством бытования былин на Курострове – на родине М. В. Ломоносова, когда ему было всего девять лет. Имеются в рукописном собрании музея и сочинения старообрядческих авторов: Поморские ответы, Пятая Соловецкая челобитная и другие. Сборник № 1324/3 составлен В. Д. Шапошниковым (1713–1783) – известным книжником старообрядческой Выговской поморской пустыни. Рукопись представляет собой сборник нравоучительных выписок (преимущественно из Священного Писания и Отцов Церкви), которые объединены в главы, расположенные по алфавиту. Неизвестное старообрядческое странническое сочинение входит в состав рукописного сборника середины XIX века № 25455. Оно начинается Исусовой молитвой и содержит выписки со ссылками на Евангелия и Апокалипсис с толкованиями, Апостол, Кормчую, сочинения Григория Богослова, Симеона Нового Богослова и многие другие книги. В тексте развиваются традиционные для страннической литературы темы бегства из мира, исповедания веры перед властями, принятия милостыни или отказа от нее. В музее хранится также уникальная подборка заонежских синодиков-помянников XVII–

XIX веков – всего 32 рукописи. Книжечки небольшого формата, в простых кожаных переплетах, все эти помянники принадлежали крестьянам, проживавшим на о. Кижи и в соседних поселениях (деревни Корба, Потаневщина, Кургеницы, Боярщина, Шлямино и т. д.). Заонежские помянники свидетельствуют о высокой духовной культуре местных крестьян, о почитании ими своих предков, о семейной памяти, глубоко, на многие поколения, уходящей в историю рода. Данные источники могут быть интересны для изучения местной ономастики, топонимии, истории заонежских крестьянских родов.

А. В. Пигин,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

КАРЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА

Впечатления Андрея Платонова от нашего края, его природной мощи и самобытной национальной культуры оформились в два шедевра платоновской прозы – рассказы «Среди животных и растений» (1936) и «Сампо» (1943).

В середине 1930-х годов продолжают напряженные раздумья Платонова о возможностях социалистической жизни. Исключительно важен для ее понимания рассказ «Среди животных и растений», который имеет несколько вариантов: «Среди животных и растений», «Лобская гора», «Стрелочник», «Жизнь в семействе». Два первых – рукописные варианты (без цензурной правки). Платонов специально приезжал в Карелию в творческую командировку в 1936 году для встречи с ударником социалистического строительства, кавалером ордена Красной Звезды стрелочником станции Медвежья Гора Кировской железной дороги И. А. Федоровым. Он и стал прототипом главного героя. В рассказе сохранена карельская топонимика: Лобская гора, Медвежья Гора, Петрозаводск, главный карельский гидроним – Онежское озеро.

Рассказ готовился для коллективной книги о героях-железнодорожниках, однако не попал в нее как лишенный героического пафоса. Это был большой государственный заказ Союзу писателей от нового наркома путей сообщений Л. Кагановича: «Создать “Чапаева” железнодорожного транспорта». Обсуждение рассказа Платонова состоялось на заседании редколлегии 13 июля 1936 года, где он подвергся резкой критике: язык, стиль, сюжет, философия – все оказалось неприемлемым. Спор со временем в произведении развернулся по принципиальным вопросам: отношение искусства к действительности, правда, герой, смысл жизни. Поэтому Платонов продолжает борьбу и публикует рассказ в 4-м

номере журнале «Индустрия социализма» за 1940 год под названием «Жизнь в семействе». В качестве научного термина лексема «семейство» хранит память о первом названии «Среди животных и растений»: семейство – общая категория в систематике растений и животных, объединяющая близкие по происхождению роды.

«Среди животных и растений» («Жизнь в семействе») можно рассматривать как рассказ о становлении личности. Оба названия «напоминают» двух забытых цивилизацией воспитателей человека – природу и семью. Рассказ открывает описание леса, которое становится метафорой социально-исторической жизни. Сложный организм леса хранит и предлагает на выбор человеку разные модели жизни: терпеливое стояние дерева, незаметное существование насекомых, жизнь птиц, травоядных животных, хищников. Что выберет человек, вступающий в мир леса под защитой и с угрозой ружья? Рассказ «готовит» художественные формулы «прекрасного и яростного мира» и «особенности человека», столь важные в последующем творчестве А. Платонова. Повествователь ведет речь о «населении» леса, где у каждого животного свое «лицо» и «биография». Тварный мир наделен антропоморфными чертами – не только внешними, но и внутренними – душа, сознание. В художественном фокусе автора – не природный источник зла в социуме, а гуманистический потенциал природы, и дуальная (зоосоциальная) природа человека – главный источник зла. При этом речь у Платонова идет о «хороших людях». Главный герой рассказа – народный интеллигент, с сердцем и совестью, с потребностью «иметь в душе понятие об истине жизни». Из истины «противоречивого» существования (зоологическая/социальная природа человека, мечта/реальность, ум/чувство, душа/тело и т. д.) нельзя выйти, но в жизни можно и должно нравственно определиться. Человек, по убеждению отца Федорова, передающего сыну народный опыт жизни, идет в лес с ружьем «по бедности» или «по глупости». Охота «по бедности» – потому что человек плотояден, ограничен в своих возможностях, потому что непереносимо его социальное существование и надо избыть накопленное зло. Охота «по глупости» – это если люди «били зверя с любовью» и при этом «чувствовали себя начальниками, благодаря ружью». Охота «по глупости» становится в рассказе перифразом «героического социализма», где «великие люди... трясут всю судьбу». Пространство советской жизни в рассказе не выглядит цельным, оно разъято на здесь (жизнь на разъезде) и там (социалистический город): «Там была наука, слава, высшее образование, метрополитен, а здесь лес, животные, семейство, обычная вещь, но нужно пока терпеть и не ссориться». Пространственная оппозиция там/здесь представляет не только социальную драму настоящего, но и вечный разрыв между реальностью и мечтой. Главный герой ищет слу-

чая попасть в ту, настоящую, жизнь и попадает – ценой героической жертвы. Он становится героем на случай и инвалидом на всю жизнь. Москва (сакральное там социализма) занимает в рассказе более чем скромное место. Автор опускает «московский» сюжет, а герой о своем месячном пребывании в столице, где его награждают орденом, говорит скупом. Для автора и героя куда важнее его возвращение из Москвы на родину, в семью, к привычным обязанностям – здесь его место в жизни. Достойно нести бремя повседневности – такова платоновская версия подвига в рассказе «Среди животных и растений», но сколько трагизма в этом повествовании о жизни человека, который не смог «очеловечить» мир и должен смиренно вернуться в природу, чтобы совместно искать выход в лучшую жизнь.

В творчестве Платонова 1930-х годов ряд исследователей усматривают утрату масштабов, кризис идей. Однако кризис для художника – форма освобождения, обновления. Не идея жизни, но сама жизнь становится героем Андрея Платонова.

И. А. Спиридонова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ

ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ ГОРЫ? (ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ФОЛЬКЛОРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ЗАГАДКИ)

Форма вопросно-ответного диалога типична для жанра загадки и является его признаком, отличающим от всех других жанров фольклора. В ходе анализа синтаксической структуры загадки приоритетными оказываются методы синтагматического анализа, так как они позволяют определить способы построения образной части и отгадки, а также специфику синтаксиса жанра в целом. При уяснении смысла образной части и отгадки, толковании окказионального значения слов, мотивации использования отдельных лексем и их поэтической функции преимущество получает парадигматический подход. Я. И. Гин, опираясь на классификацию А. П. Журавлева, говорит о трех типах мотивированности значений языкового знака в загадочном тексте: «...семантическом, фонетическом и морфологическом».

Среди загадок о языке как части человеческого тела есть текст, который утратил изначальный смысл и без специального исследования не поддается рациональному толкованию.

– *Что тяжелее горы?*

– *Язык.*

В ходе поиска отгадки возникает ряд вопросов: почему язык сравнивается с горой, почему язык тяжелее горы, есть ли в загадочной части какие-либо подсказки? Для начала сопоставим

приведенную загадку с текстами, относящимися к этому предмету загадывания: может быть, в них найдется подсказка.

Под небом дощечка

Не сохнет,

Не мокнет,

Не куржавеет.

Лежит – мертвец,

А когда встанет –

До неба достанет.

Известно, что игра омонимами является одним из приемов создания загадки. Здесь семантика слова *нёбо* как «верхняя часть полости рта» проявляется только при сопоставлении с отгадкой. В образной же части оно мыслится по-иному: «видимое над землей пространство в форме свода, купола». На первый взгляд, ответ кажется ясным: язык, внешне сходный с горой, не поднять на небо во рту, так как мешает небная перегородка. Однако в загадочной части употреблена сравнительная степень имени прилагательного, форма которого говорит о том, что гору на небо поднять можно, а язык нельзя. В Словаре В. И. Даля находим производное от слова *гора* прилагательное *горный* со значением *небесный, до мира духовного относящийся*. Славянские мифы небо называют «божьем домом», «домом всего мира». Там обитают боги и души святых праведников. Народная поэзия изображает космос в виде терема, а небо представляет в виде *горы*, острова, поля с цветами-звездами. Под прозрачным твердым сводом голубеет водное небо, или «хляби небесные».

Загадки о языке прекрасно передают мифическое представление древнего человека о космосе, соотнося вселенную со своим внутренним устройством. На небе, поверх небной перегородки, находится «гора», а язык в виде доски, колоды, камня лежит в *подполье*, в *море*, в *болоте*. Так разreshается, на первый взгляд, простой вопрос: *Что тяжелее горы?*

В. В. Чернышев,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка историко-филологического факультета КГПА

ФОЛЬКЛОР В ТВОРЧЕСТВЕ КОМПОЗИТОРОВ КАРЕЛИИ

В XIX веке начинается процесс формирования национальных композиторских школ. Главным в их становлении является изучение фольклора своего народа и стремление воплотить его в собственном творчестве. Это касается абсолютно всех школ, в том числе и русской. Развитие профессионального композиторского искусства в

России началось с изучения народной песни. Эта сложнейшая задача привлекала не только музыкантов, но и крупнейших писателей, поэтов, ученых. Не случайно к концу XVIII столетия появляются первые научные труды о русском музыкальном фольклоре. Подобные процессы происходили и в музыкальной культуре Карелии. Карельские композиторы, как это обычно бывает на начальном этапе профессионального творчества, шли по пути создания вариаций, увертюр, фантазий, сюит на народные темы. Появление в республике Союза композиторов (1937) оказалось важным стимулом для формирования национальной школы. Председателем организации стал Рувим Пергамент, ее членами – Карл Раутио, Лаури Йоусинен, Виктор Гудков и Леопольд Теплицкий, немного позже – Леонид Гликман, Борис Ефимов и Гельмер-Райнер Синисало.

Среди названных выделим несколько фигур. Карл Раутио (1885–1963) принадлежал группе финнов, приехавших из США. Но, проживая в нашей республике, он считал себя обязанным изучать ее фольклор. Его симфоническая сюита «Карельская свадьба» (1926) стала, по выражению Н. Ю. Гродницкой, «первой ласточкой» профессиональной музыки республики. Сочинение опиралось на подлинные народные темы и частично – на оригинальный музыкальный материал, написанный в фольклорном стиле. Перу К. Раутио также принадлежат оркестровая картина «Кимас-озеро», импровизация на тему карельской народной песни «Плачет девушка» для камерного ансамбля, обработки народных мелодий для оркестра кантеле, хор «Новое березовое кантеле» на тексты «Калевалы» и другие сочинения.

Рувим Пергамент (1906–1965) – коренной петрозаводчанин. Его вокально-симфоническая поэма «Айно» (1935) стала прообразом национальной симфонии и вообще произведений крупной формы. Фольклор Карелии так или иначе отразился в других сочинениях Пергамента: «Карельской сюите» (1938), «Карельской увертюре» (1945), вариациях для скрипки с оркестром на финскую народную песню «Летний вечер» (1948), «Песнях Заонежья», фантазии для струнного квартета и фортепиано (1950), «Вепсской рапсодии» для симфонического оркестра (1953). Композитор активно использовал в своем творчестве национальный инструмент кантеле («Три пьесы для трио кантеле», 1950; «Шесть пьес для кантеле и струнного квартета», 1955; «Шесть пьес для кантеле с квартетом деревянных духовых инструментов», 1956).

Леопольд Теплицкий (1890–1965) родился и вырос на Украине. Он известен тем, что создал первый в стране джаз-банд (сюжет известного фильма «Мы из джаза» режиссера К. Шахназарова отчасти создан под влиянием этого события). Оркестр существовал недолго, а его руководитель вскоре был осужден по 58-й статье УК и оказался

на строительстве Беломорско-Балтийского канала. После освобождения он смог жить только в Петрозаводске, где активно работал как дирижер и композитор. В 1936 году Теплицкий написал «Сюиту на карельские темы» (1936), пополнив копилку подобных сочинений на фольклорной основе. Впоследствии он создал для симфонического оркестра «Увертюру-фантазию на карельские темы» (1947), «Рапсодио-картину на поморские темы» (1956), «Три финских танца» (1959); для оркестра кантеле – «Увертюру-фантазию на карельские темы», «Сюиту на карельские и финские народные напевы»; для духового оркестра – «Торжественный марш на карельские темы» (1939).

Еще одна важная линия, которая развивается по сей день, – претворение калевальской тематики. В период становления композиторской организации, помимо уже названной поэмы Пергамента «Айно», выделяются опера «Сампо» Вишкарёва, балеты «Похищение Кюллики» и «Сампо» Синисало, «Симфоническая сюита» Ройнэ Раутио. В 1960-е годы появляются симфония-кантата «Кантелетар» и «Симфоническая руна» Патлаенко, в 1980-е – «Восемь пьес для струнного оркестра на темы народов Карелии» Кончакова, симфония «Куллерво» Белобородова.

Когда берешь в руки составленную С. М. Лойтер хрестоматию по русскому фольклору Карелии «На поле-поляне, на море-океане», видишь после помещенных текстов небольшой, но очень емкий комментарий относительно каждого образца. Среди прочего здесь имеется информация, расширяющая кругозор учителя и ученика. Например, сведения о том, как то или иное фольклорное произведение повлияло на профессиональное творчество, на культуру России. Очень важно и то, что здесь есть указания на использование фольклора Карелии в творчестве русских композиторов. Подобные замечания чрезвычайно ценны, ведь не каждый ребенок учится в музыкальной школе, поэтому не всегда может получить информацию о жизни фольклора Карелии в музыке.

И. Н. Баранова,

профессор, заведующий кафедрой теории музыки и композиции Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова

АНТОЛОГИЯ ПОЭЗИИ КАРЕЛИИ «ДЕРЕВО ПЕСЕН»

Настоящая антология вышла в свет в октябре 2009 года в издательстве «Острова». Особенность ее в том, что это первая попытка составления полной антологии русской поэзии Карелии спустя 46 лет после выхода в 1963 году «Антологии карельской поэзии», составленной тогда группой сотрудников Карельского филиала

АН СССР (Э. Г. Карху, Д. М. Балашов, У. С. Конкка, М. Ф. Пахомова, А. Г. Хурмеваара). За это время поэзия Карелии проделала большой путь, вышла на качественно новый уровень. Поэтому необходимость в современной антологии, которая достаточно широко представила бы поэтов, пишущих по-русски, стала очевидной.

Антология «Дерево песен» включает стихи поэтов Карелии, творивших начиная с 30-х годов XX века, когда зарождалась профессиональная поэзия нашего края, и заканчивая первым десятилетием XXI века. Благодаря этой книге читатель может познакомиться с творчеством 75 поэтов. Антология представляет русскую поэзию Карелии, но, естественно, в книгу включены и произведения стихотворцев, пишущих на карельском, вепсском и финском языках, стихи которых и в переводе на русский язык получили известность и признание читателей. Стихотворную подборку каждого поэта предваряет слово о нем. Это не биографии, а скорее штрихи к творческим портретам поэтов, краткие заметки о самом характерном в их творческом облике.

Предлагая свою версию антологии, я как составитель отдаю себе отчет, что в этой книге, как, наверное, во всяком издании такого типа, отбор авторов и их произведений не может быть сделан со всей полнотой и бесспорностью. При

этом я старался выдержать два главных критерия: художественную ценность стихов и характерность их как для поэзии Карелии в целом, так и для личного творчества поэта. Это и стихи известных поэтов, уже занявших достойное место в истории литературы республики, и произведения зарекомендовавших себя в последнее время новых поэтов, чье творчество имело определенный общественный резонанс, получило одобрительный отклик в печати. Материал расположен не по историческим периодам, не по «ранжиру» поэтов, согласно бóльшей или меньшей их известности и признанности, и не по старшинству. Фамилии авторов даются в алфавитном порядке. В книге в сносках даны лишь примечания, сделанные самими авторами; даты написания стихотворений указываются лишь в тех случаях, когда они имеются в источнике.

Поначалу данное издание задумывалось как антология поэзии Карелии XX века. Но пока идея обретала реальные очертания, век кончился, и на рубеже веков в литературе республики появились новые имена. Не включить их стихи в антологию было бы объективно несправедливо и значило бы обеднить представление читателя о развитии поэзии нашего края.

А. И. Валентик,
член Союза писателей России

15 января 2010 года исполнилось 70 лет заведующей кафедрой классической филологии, доктору филологических наук, профессору, члену редакционной коллегии нашего журнала *Татьяне Георгиевне Мальчуковой*.

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА МАЛЬЧУКОВА К 70-летию со дня рождения

Татьяна Георгиевна родилась в 1940 году в Москве, среднюю школу окончила в Луганске. В Петрозаводском государственном университете она работает с 1962 года после окончания классического отделения филологического факультета Ленинградского университета: в 1962–1964 годах – преподавателем кафедры иностранных языков, в 1964–1995 годах – преподавателем, старшим преподавателем, доцентом, профессором на кафедре русской и зарубежной литературы. В 1972 году Т. Г. Мальчукова защитила в Ленинграде кандидатскую диссертацию, в 1999 году в Великом Новгороде – докторскую. В 1995 году по ее инициативе в ПетрГУ была организована одна из немногих в России кафедра классической филологии, которую она успешно возглавляет с самого начала до настоящего момента. Благодаря Т. Г. Мальчуковой Петрозаводский университет стал одним из центров изучения и преподавания классической филологии и новогреческого языка в России. Ею установлены связи с университетами Греции, которые ежегодно принимают на стажировку преподавателей, аспирантов и студентов ПетрГУ. Заслуги Т. Г. Мальчуковой в развитии международного сотрудничества отмечались Генеральными консульствами Греции и Кипра в Санкт-Петербурге.

За время работы в ПетрГУ Т. Г. Мальчукова проявила себя как замечательный преподаватель и исследователь. Ее курсы по античной литературе, литературе Средних веков и эпохи Возрождения, анализу поэтического текста, греческой филологии всегда отличались высоким теоретическим уровнем, были образцом лекторского искусства.

Татьяна Георгиевна – известный в России и за рубежом ученый-филолог. Она многократно выступала с докладами на научных конференциях в городах России и бывшего Советского Союза, а также в Норвегии и Германии. Ею опубликовано свыше 120 работ. Особую любовь и предмет научного интереса профессора Т. Г. Мальчуковой составляет творчество А. С. Пушкина. Ему посвящены многие ее работы, в течение ряда лет Т. Г. Мальчукова вела передачи о поэзии Пушкина на Карельском радио.

Т. Г. Мальчукова – высококвалифицированный специалист, одаренный преподаватель, отличающийся трудолюбием, ответственностью, пользующийся заслуженным авторитетом у преподавателей и студентов, общественности Карелии.

За свою работу Т. Г. Мальчукова неоднократно награждалась почетными грамотами. Ей присвоены звания «Заслуженного деятеля науки Республики Карелия» и «Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации».

Мы поздравляем Татьяну Георгиевну с юбилеем, желаем ей здоровья и новых успехов в педагогической работе и научном творчестве!

ИЗБРАННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ Т. Г. МАЛЬЧУКОВОЙ

Монографии

1. Античность и мы. Петрозаводск: Карелия, 1991. 245 с.
2. Филология как наука и творчество. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. 334 с.
3. Лирика А. С. Пушкина (Опыты интерпретации). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 262 с.
4. Античные и христианские традиции в изображении человека и природы в творчестве А. С. Пушкина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 485 с.
5. Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 263 с.

Статьи

1. К проблеме комического в античности // Античность и современность: К 80-летию Ф. А. Петровского. М.: Наука, 1972. С. 153–163.
2. Концепция комического у Сенеки // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 239–248.
3. Литературная критика в эпиграмме // Древнегреческая литературная критика. М.: Наука, 1975. С. 319–334.
4. Античная насмешливая эпиграмма // Н. А. Чистякова. Античная эпиграмма: Пособие по спецкурсу. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 95–117.
5. Античная культура в поэзии Н. Заболоцкого // Филологические науки. 1987. № 6. С. 9–14.
6. Первая монография о Третьяковском // Русская литература. 1988. № 3. С. 204–212.
7. О горацианских реминисценциях в стихотворении А. С. Пушкина «Арион» // *Horatiana Philologia classica*. Вып. 4. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. С. 198–210.
8. Достоевский и Гомер: К постановке проблемы // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 3–36.
9. О сочетании античной и христианской традиции в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х гг. // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр: Сб. статей / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 84–130.
10. Аристотель о комическом у Гомера. К оценке А. Ф. Лосевым состояния изучения «Поэтики» // Вопросы классической филологии. Вып. XI. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 191–200.
11. О традиции Лукреция в поэзии А. С. Пушкина // От сюжета к мотиву: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 116–137.
12. Paraphrases of the Psalms in Russian Poetry of the 1820s // Cultural Discontinuity and Reconstruction. The Byzantine heritage and the creation of a Russian national literature in the nineteenth century / Ed. J. Børtnes and J. Lunde. Oslo, 1997. P. 80–106.
13. Пушкин как национальный и политический мыслитель // Духовный труженик. СПб.: Наука, 1999. С. 262–293.
14. О христианской традиции в изображении природы у А. С. Пушкина // Духовный труженик. СПб.: Наука, 1999. С. 294–303.
15. Стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминание» и «Пророк» в контексте христианской культуры // Духовный труженик. СПб.: Наука, 1999. С. 303–315.
16. Античные и христианские традиции в творчестве А. С. Пушкина. Опыт истолкования проблемы // Пушкин и мир античности. М.: Диалог – МГУ, 1999. С. 17–23.
17. Гомеровские сравнения в истолковании А. Ф. Лосева // Лосевские чтения. Образ мира – структура и целое. М.: Логос, 1999. С. 298–314.

18. Стихотворение А. С. Пушкина «Цветок» в свете античных и христианских традиций // Христианство и русская литература: Сб. 3. СПб.: Наука, 2000. С. 128–138.
19. Об античной традиции в изображении природы у Пушкина // Пушкин и античность. М.: Наследие, 2001. С. 37–50.
20. О стихотворении «19 октября 1825 г.» в контексте античных и христианских традиций // Христианство и русская литература. Вып. 4. СПб.: Наука, 2002. С. 149–188.
21. К интерпретации надписи А. С. Пушкина «На перевод Илиады» // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и в России: Альманах. Вып. 3. СПб.: Алетейя, 2003. С. 277–316.
22. Изображение природы у Пушкина в свете мифологических традиций // Pro memoria: Памяти академика Г. М. Фридлендера (1915–1995). СПб.: Наука, 2003. С. 31–47.
23. Комментарий // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Канонические тексты. Т. I–VI. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995–2005.
24. Пушкинская тема в литературной критике И. А. Ильина // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, сюжет, мотив, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 4. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 576–584.
25. Пушкин и Гомер (к вопросу о рецензии и рецепции гомеровского эпоса) // Россия и Греция: диалог культур. Ч. I. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 5–69.
26. Международная конференция «Россия и Греция: диалог культур» (Петрозаводск, 4–8 сентября 2006 г.) // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2006. № 4. С. 214–218.
27. Античные традиции в истории русской литературы (опыт истолкования проблемы) // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 3–52.
28. О своеобразии и формах рецепции античной словесности в русской литературе // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 3–31.

Учебные пособия

1. «Одиссея» Гомера и проблемы ее изучения. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1983. 92 с.
2. Память поэзии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1985. 90 с.
3. В свете традиций. О сравнительно-типологическом изучении лирических жанров. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1986. 91 с.
4. Жанр послания в лирике А. С. Пушкина. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1987. 91 с.
5. Комическое в античной литературе и европейская традиция. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1989. 95 с.
6. Античные традиции в русской поэзии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1990. 103 с.
7. Греческая классика и наша культура. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. 167 с.

ЕДИНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ

Публикации в журнале подлежат статьи, ранее не печатавшиеся в других изданиях.

Статья предоставляется в распечатанном виде на бумаге формата А4 (в двух экземплярах) и в электронном виде, на носителе или вложением в электронное письмо на адрес редакции журнала. Печатная версия статьи подписывается всеми авторами.

Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением .doc. Объем оригинальной и обзорной статьи не должен превышать 1 печатный лист, кратких сообщений – 5–6 страниц, отчетов о конференциях и рецензий на книги – 3 страницы. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, правое и левое – 3 см. Абзацный отступ – 0,5 см. Шрифт: Times New Roman, размер – 14 пунктов, аннотация, список литературы – 12 пт, межстрочный интервал – полуторный. Нумерация страниц – справа внизу страницы.

Статья должна состоять из следующих элементов: названию статьи должен предшествовать индекс универсальной десятичной классификации (УДК) в левом верхнем углу. Далее через 1 интервал – название статьи жирным шрифтом заглавными буквами, название должно быть по возможности кратким, точно отражающим содержание статьи. Точка в конце названия статьи не ставится. Сведения об авторе (имя, отчество, фамилия автора (-ов) полностью; ученая степень и звание; место работы: вуз, факультет, кафедра; должность; электронный адрес и контактные телефоны). Аннотация (объемом не более 6 строк) на русском и английском языках, перед ней – название статьи и фамилия (-ии) автора (-ов) также на 2 языках; ключевые слова от 3 до 8 слов (или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) также на двух языках. Все перечисленные элементы статьи отделяются друг от друга пустой строкой и печатаются без абзацного отступа через 1 интервал.

Основной материал статьи и цитат, приводимых в статье, должен быть тщательно выверен автором. Сокращения слов не допускаются, кроме общепринятых сокращений химических и математических величин и терминов. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

Список литературы, примечания, комментарии и пояснения по тексту статьи даются в виде концевых сносок. Список литературы должен быть напечатан через одинарный интервал, на отдельном листе. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или количество)) приводится

в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи (сначала отечественные, затем зарубежные. Фамилии иностранных авторов приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи ссылка на источник делается путем указания в квадратных скобках порядкового номера цитируемой книги или статьи, через точку с запятой – цитируемых страниц, если это необходимо. В книгах иностранных авторов, изданных на русском языке, после заглавия книги через двоеточие указывают, с какого языка сделан перевод. Выходные данные по статьям из журналов и сборников указывают в следующем порядке: фамилия (-ии) автора (-ов) с инициалами, название статьи, через две косые черты – название журнала (год, том, номер, страницы (от и до) или сборника (место издания, год, страницы (от и до))). По авторефератам – фамилия, инициалы, полное название автореферата, после которого ставят двоеточие и указывают, на соискание какой степени и в какой области науки защищена диссертация, место издания, год, страницы.

Таблицы – каждая печатается на отдельной странице, нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте и снабжается заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word (формат .doc). В тексте следует указать место таблицы и ее порядковый номер.

Иллюстрации (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и представляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .jpeg), а в тексте рукописи указывается место, где они должны быть размещены. Для оригиналов (бумажная версия) на обороте каждой иллюстрации ставится номер рисунка, фамилия автора и пометка «верх», «низ». Каждый рисунок (их не должно быть более 5–6) должен иметь название и объяснение всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под ним. В тексте статьи должна быть ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 1).

Статьи, поступившие в редакцию, обязательно рецензируются. Если у рецензентов возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений в текст, не искажающих смысла статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала.

CONTENTS

STATE AND LAW

Efimova V. V.

GOVERNER GENERAL OF ARKHANGELS, VOLOGDA AND OLONETS REGIONS AND HIS ROLE IN DISPUTE SOLVING BETWEEN PROVINCIAL ADMINISTRATION OF OLONETS AND PETROZAVODSK MUNICIPAL GOVERNMENT

Summary: With specific reference to the criminal case of Petrozavodsk mayor Severikov the article describes reasons, mechanisms and consequences of the conflict between Olonets provincial administration and Petrozavodsk municipal government concerning to the municipal assets expenditure. The author emphasizes the role Governor General of Arkhangelsk, Vologda and Olonets regions played in solving the dispute.

Key words: Disputes, Governor General of Arkhangelsk, Vologda and Olonets regions, Olonets provincial administration, Petrozavodsk municipal government 7

HISTORY

Zhulnikov A. M.

NEW PETROGLYPHS OF ONEGA LAKE

Summary: The article is devoted to the publication of the new rock carvings, discovered in 2008–2009 by the archaeological expedition of Petrozavodsk State University on Peri Nos VI cape on the eastern shore of Onega Lake.

Key words: Rock carvings, petroglyphs, Neolithic, Eneolithic, symbolic figures 21

Khodakovskaya O. I.

V. A. NEKRASOV AND HIS REMINISCENCES ABOUT OLONETZ THEOLOGICAL SEMINARY

Summary: Published recollections of Vladimir Nekrasov (1892–1987) unveil unknown pages from the history of the Olonetz Orthodox Theological Seminary and Petrozavodsk every day life in the early 20th century. The focus of his undivided attention is a prominent figure of the Russian Orthodox Church Nicolai Chukov (known as monk Grigory beginning from 1942), who held a position of the Rector of Olonetz Orthodox Theological Seminary in 1911–1918 and was anointed Metropolitan of Leningrad and Novgorod in 1945–1955.

Key words: Petrozavodsk, Olonets Orthodox theological seminary, the History of Orthodoxy in Russian Karelia, Nikolai Chukov 27

To the 70th anniversary of the Soviet-Finnish (Winter) war

Verigin S. G.

FINNISH PRISONERS OF WAR IN THE NORTH WESTERN TERRITORIES OF RUSSIA DURING SOVIET FINNISH (WINTER) WAR 1939–1940

Summary: The article is devoted to the understudied issue of Russian historiography, i.e. the situation related to the Finnish army prisoners of war during the Soviet-Finnish (Winter) war of 1939–1940. The author of the article asserts that during military operations NKVD tried to use Finnish prisoners of war for its propagandistic and reconnaissance purposes. However, these actions didn't bring noticeable results. The article is written with the help of a wide range of archival documents from the central and Karelian ministeria and departmental archives. The biggest majority of these materials are being analyzed for the first time.

Key words: Soviet-Finnish (Winter) war, Finnish captives, NKVD (The People's Commissariat for Internal Affairs), propagandistic and reconnaissance activity 39

Laidinen A. P.

SOVIET-FINNISH WAR AND OPERATIONAL ACTIVITIES OF THE NKVD BORDER- SECURITY FORCES DEPARTMENT OF KARELIAN DISTRICT

Summary: The article looks into some aspects of operational activities of NKVD Border-Security Forces Department of Karelian district during the time of the Soviet-Finnish (Winter) war of 1939–1940.

Key words: Soviet-Finnish (Winter) war, Karelia, operational activities, net of agents, NKVD Border-Security Forces Department of Karelian district 47

PHILOLOGY*Suzi V. N.***TO GOGOL'S SPIRITUAL PROBLEM**

Summary: The article reveals Gogol's peculiar poetic perception of the world. The object of the study is the author's imaginative inner structure, artistic design and methods of its implementation in imagery. The basic category in poetry, a type of an art method, Christian realism of Dostoevsky and magic realism of Gogol, their unity and differences in ways of reflecting and summarizing reality are discussed.

Key words: Historical and theoretical poetics, poetic outlook, typology of images, art method, Christian and magic realism 52

*Alekseeva L. V.***SOURCES FOR STORY «GRISHA» P. I. MELNIKOV-PECHERSKY**

Summary: The article is devoted to one of the aspects studied in Melnikov-Pechersky's creation, a problem of finding sources. The focus of the article is to reveal old Russian sources for the story «Grisha».

Key words: Melnikov-Pechersky's creation, old Russian sources, an idea of spiritual search, belief and unbelief problems, motives for act of faith, motives for pilgrimage, image of a desert 60

PHILOSOPHY*Pivoev V. M.***VALIDITY AND RELIABILITY**

Summary: Concepts like validity and reliability are frequently used as synonyms. The article discusses some differences between them which are not always easy to understand and express.

Key words: Validity, reliability, causality, testability 65

*Sergeyev A. M.***M. K. MAMARDASHVILI'S AND A. M. PYATIGORSKY'S CONCEPT OF CULTURE**

Summary: The article is devoted to the reconstruction and analyses of the philosophical approach toward culture suggested by M. K. Mamardashvili and A. M. Pyatigorsky. Priorities were set on such questions as correlation of signs and symbols, knowledge and understanding, mind and culture, culture and science.

Key words: Culture, mind, language, sign, symbol, self-consciousness 71

ECONOMICS*Belyi E. K.***MORAL EXPECTATIONS AND PROBLEMS OF SECURITY PORTFOLIO DIVERSIFICATION**

Summary: The article offers a new approach toward the problem of security portfolio diversification. Effectiveness of the security portfolio diversification is estimated against moral expectations.

Key words: Security portfolio diversification, function of utility, moral expectations 77

*Prokhorova O. N.***FACTOR OF INNOVATIVE ACTIVITY AMONG ENTERPRISES IN POST-CRISIS MODEL OF RUSSIAN ECONOMY**

Summary: The main thesis of the article states that a huge reserve for modernization of Russian economy in the post-crisis period lies in the organizational and institutional changes and development of innovations.

Key words: Export-oriented and innovative models of economy, investment climate, three-factor model of economic growth, clusters, integral business-groups, market institutions 81

REVIEWS*Krinichnaya N. A.*

The book review: *Anthology of the Russian Folklore in Karelia «On the Meadow Field, on the Ocean Sea»* 88

Linnik Yu. V.

The book review: *Old Belief Icon-Primitive of the XVIII Century «Archangel Gabriel-voivode»* written by V. P. Ershov 92

DISCUSSIONS*Butvilo A. I.*

QUESTIONABLE AND INDISPUTABLE ACHIEVEMENTS OF HISTORIANS WHO STUDIED KARELIAN SECRET SERVICE 94

Golubev A. V.

FOREIGN LANGUAGES IN HIGHER EDUCATION: TEACHING OR UPBRINGING?	100
--	-----

SCIENTIFIC INFORMATION	102
------------------------------	-----

Academic readings «KARELIAN CULTURE: FOLKLORE, LITERATURE AND LANGUAGE».

Abstracts: Pigin A. V. «S. M. Loiter – Researcher of Karelian Culture»; Loiter S. M. «Karelian Folklore Local Studies in the Context of Russian Folklore History» Nejelov E. M. «One of S. M. Loiter's Ideas: a Game – a Country of Dream and Fantasy» Mullonen I. I., Kuznetzova V. P. «Maritime Country Language and Culture in “The Vocabulary of the Lively Maritime Country Phraseology, its Common and Ethnographical Application” I. M. Durova»; Pigin A. V. «Collection of Handwritten Books of Karelian Local History Museum»; Spiridonova I. A. «Karelian Culture in A. Platonov's Art»; Chernishov V. V. «What is Heavier than a Mountain? (Paradigmatic Approach toward Folklore-Linguistic Riddle Study)»; Baranova I. N. «Folklore in the Art of Karelian Composers»; Valentik A. I. «Ontology of Karelian Poetry “Tree of Songs”»

JUBILATION

To the 70 th Birthday Anniversary of T. G. Malchukova	110
--	-----

INFO FOR THE AUTHORS	112
----------------------------	-----

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ: инструмент для оценки научной деятельности и механизм продвижения научных журналов

Во всем мире одним из ключевых показателей для оценки работы отдельных исследователей и научных коллективов, влияния на развитие науки, определения качества исследований служит индекс цитирования авторов и импакт-фактор журнала (как средний показатель цитируемости его авторов). Величина индекса цитирования определяется количеством ссылок на публикацию автора в других источниках. Для корректного определения значимости научных трудов важно не только количество ссылок, но и качество самих ссылок. На статью может ссылаться авторитетное издание или популярный иллюстрированный еженедельник. Значимость таких ссылок разная. Для решения проблемы определения значимости периодического издания разработан свой индекс цитирования – импакт-фактор. В индексе цитирования заинтересованы все те, кто имеет отношение к науке и образованию: 1) Ученые с помощью индекса цитирования отслеживают текущую актуальную библиографию работ по своей тематике. 2) Чиновники, учитывая индексы цитирования, принимают решение о выделении финансовой поддержки для исследовательской деятельности отдельного ученого или научного коллектива. 3) Администраторы университетов и институтов на основании показателей цитирования и объема опубликованных работ определяют размеры финансового вознаграждения своих сотрудников. 4) Издатели научной литературы, используя импакт-факторы журналов, оценивают качество изданий, их авторитет и востребованность как научного продукта.

Федеральное агентство по науке и инновациям Министерства образования и науки РФ и Научная электронная библиотека занимаются реализацией проекта «Разработка системы статистического анализа российской науки на основе данных российского индекса научного цитирования (РИНЦ)». РИНЦ – это специализированная база данных по российским научным периодическим изданиям, создаваемая на основе индексирования библиографических описаний статей, аннотаций или рефератов, а также пристатейных ссылок цитируемой литературы. База оснащена мощной поисковой системой, способной реализовать поисковые запросы различной сложности. Благодаря этому продукту можно получать точные данные по индексу цитирования авторов и импакт-факторам журналов.

**ЖУРНАЛ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ВКЛЮЧЕН
В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ
(РИНЦ) В ИЮЛЕ 2008 ГОДА.**

ПОДПИСАТЬСЯ НА СЕРИЮ «ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАР-
НЫЕ НАУКИ» МОЖНО ПО КАТАЛОГУ ИЗДАНИЙ ОРГАНОВ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ АГЕНТСТВА
«РОСПЕЧАТЬ» (ИНДЕКС 66094)